

ПОХОДНЫЯ

ЗАПИСКИ.

Изданіе второе.

Печатано съ изданія 1820 года, безъ исправленій.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

Рускаго Офицера.

МОСКВА

1836.

ПОХОДНЫЯ

ЗАПИСКИ

РУССКАГО ОФИЦЕРА,

ИЗДАННЫЯ

И. Лажечниковымъ.

... и нашъ вѣкъ произвелъ также добродѣтели и дарованія, достойныя подражанія потомства!

К. Тацитъ, Лѣт. Кн. III.

МОСКВА.

въ типографіи Н. Степанова.

1836.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Іюля 2 дня 1835 года.

Ценсоръ *Болдыревъ.*

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Описаніе нѣкоторыхъ подвиговъ Россійскаго Монарха *и народа* Его *въ славнѣйшую брань за свободу Европы: описаніе, сдѣланное мною между путевыми наблюденіями, осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ* Вашимъ, Всемилостивѣйшая Государыня! *ибо кому ближе принадлежать оно можетъ, какъ не* Супругѣ *Великаго* Монарха *и* Матери *народа Русскаго?*

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

20 Октября 1820.
С. Петербургъ.

Вѣрноподданный

Иванъ Лажечниковъ.

А.) Списокъ съ Рескрипта къ Генералъ-Лейтенанту Графу Остерману.

Графъ Александръ Ивановичь! Поднесенный вамъ отъ Богемскихъ жителей кубокъ, украшенный разными сея земли каменьями, есть пріятное для Отечества Нашего свидѣтельство чистосердечной благодарности сего народа, за отвращеніе отъ него опасности безсмертнымъ при Кульмѣ подвигомъ Россійской Гвардіи. Я въ полной мѣрѣ ободряю испрашиваемое вами въ письмѣ вашемъ распоряженіе о семъ кубкѣ; но не могу оставить безъ замѣчанія, что вы, отдавая должную справедливость участвовавшимъ въ семъ знаменитомъ сраженіи воинамъ, забыли себя, тогда когда вы въономъ предводительствовали, и потеряніемъ руки своей купили побѣду. — Обстоятельство, умолченное вашею скромностію, но незабвенное Отечествомъ, и которое конечно не престанетъ твердиться въ устахъ потомства! Пребываю вамъ благосклонный

АЛЕКСАНДРЪ.

21 Февраля 1817.
С. П. Бургъ.

Б.) Сколько лѣтъ тому назадъ знаменитый Делилль предсказывалъ взведеніе Лудовика на тронъ отцевъ его рукою Монарха Россійскаго! Само Провидѣніе, кажется, вдохнуло въ него духъ прорицанія, когда онъ писалъ слѣдующее мѣсто въ своей Поэмѣ de la Pitié:

Jeune et digne héritier de l'Empire des Czars!
Sur toi le monde entier a fixé ses regards
и проч.
Souviens-toi de ton nom: Alexandre autrefois
Fit monter un viellard sur le trône des Rois:
Sur le front de Louis tu mettras la couronne.
Le scèptre le plus beau c'est celui que l'on donne.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая нынѣ мои записки, сталъ бы я напрасно, въ извиненіе ихъ неисправностей, представлять, что я писалъ ихъ на походахъ, при свѣтѣ бивуачныхъ костровъ, на барабанахъ и не рѣдко на конѣ, при шумѣ идущаго рядомъ со мною войска. Все это могло служить оправданіемъ тѣмъ сочинителямъ, которые — такъ сказать — на горячемъ слѣду прошедшей войны издавали свои походныя замѣчанія. Въ четыре мирные года долженъ я былъ имѣть время исправить погрѣшности моего творенія; и если читатели сдѣлаютъ надъ нимъ строгій приговоръ, то виноватъ одинъ авторъ, а не обстоятельства. Въ утѣшеніе себя и въ облегченіе страха, который чувствуетъ издатель, готовясь предстать предъ общій судъ, скажу, что большая часть моихъ записокъ помѣщена была въ извѣстнѣйшихъ нашихъ журналахъ и что онѣ заслужили одобреніе многихъ почтенныхъ Литтераторовъ. Осталось

мнѣ сожалѣть (можетъ быть, одному мнѣ) о невозвратной потерѣ, которую я сдѣлалъ, лишившись, во время курьерской поѣздки 1817 года, цѣлой огромной тетради съ походными записками. Нынѣ издаю только уцѣлѣвшія отъ сего кораблекрушенія, и потому съ 16 Мая 1813 года предлагаются онѣ отрывками. Сначала думалъ я замѣнить мою потерю, предпринявъ написать новыя записки въ кабинетѣ моемъ; но память мнѣ измѣняла, и для того принужденъ я былъ разстаться съ начатымъ трудомъ. — Еще долженъ я предупредить читателя, чтобы онъ не ожидалъ найти въ сей книгѣ подробное описаніе маршей и сраженій, тактическія замѣчанія и наблюденія, однимъ словомъ полные источники для бытописателя прошедшей кампаніи. — Авторъ не посвящалъ себя совершенно военному дѣлу, и для того не принималъ на себя труднѣйшихъ обязанностей военнаго историка. Онъ издаетъ нынѣ свои записки въ видѣ замѣчаній простаго походнаго наблюдателя, описывавшаго единственно то, что было *близко* къ нему, что онъ видѣлъ, слышалъ достойнаго примѣчанія и что находилъ, въ кругу своемъ, великаго и прекраснаго въ подвигахъ Русскаго гражданина и воина.

ЗАМѢТКА КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Перечитавъ нынѣ мои »Походныя Записки,« я увѣрился, что ихъ надобно было-бы вовсе передѣлать отъ начальнаго до послѣдняго листа, или не печатать. Въ первомъ случаѣ я имѣлъ мысль издать ихъ подъ именемъ »Воспоминаній:« на этотъ трудъ не достаетъ у меня теперь времени. Не печатать вновь нынѣ сихъ »Записокъ« я не могъ, потому что на это есть воля хозяина ихъ, книгопродавца И. И. Глазунова, къ которому онѣ поступили въ собственность уже нѣсколько лѣтъ назадъ и у котораго по нимъ я теперь въ долгу.

Февраля 14-го, 1836.
Тверь.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

РУССКАГО ОФИЦЕРА.

1812.

С. Кривякино, 20 Сентября. Случалось ли вамъ видѣть дитя, приговоренное стоять въ мрачномъ углу комнаты, въ то время, когда роковой часъ, назначенный для окончанія трудовъ учебныхъ, ударилъ въ кругу товарищей его и возвѣстилъ сердцамъ ихъ благословенную свободу? — Умолкли громы, поражавшіе ихъ съ высотъ каѳедры; исчезли изъ виду почтенный, черный кафтанъ и высокомудрый парикъ; даже шарканье грознаго, школьнаго властелина не отдается болѣе въ длинныхъ переходахъ. Золотая свобода! восклицаютъ юные мудрецы, и летятъ срывать вѣнки съ величавыхъ соперниковъ и созидать новыя царства на горахъ *Воробьевыхъ*.... И такъ, видите ли это

дитя, стоящее въ мрачномъ углу опустѣвшей комнаты? Взоры его обращены на роковую дверь, откуда товарищи его устремились пожинать лавры безсмертія; частые вздохи волнуютъ грудь его, и слезы струятся по розовымъ щекамъ несчастнаго. Но вдругъ сверкнула передъ нимъ мысль о свободѣ *перваго* человѣка. Онъ гордо подымаетъ голову; сердце его бьется сильнѣе — и тяжкія узы для него болѣе не существуютъ, и грозная темница его не ужасаетъ! Онъ уже съ копіемъ въ рукахъ внезапно является въ рядахъ Беллоны, мѣшаетъ крикъ побѣды съ крикомъ сражающихся, получаетъ тяжелыя раны и уносится на плащѣ.... (вы ожидаете великаго явленія?)... въ домъ родительскій, гдѣ готовятся для него свѣжіе лавры, растущіе въ садахъ столицы— рядомъ со смиренною липою. Тутъ занавѣсъ опускается... Жаль мнѣ героя моего, очень жаль!—Кто, подобно ему, не любитъ золотой свободы? Кто, для любви къ себѣ, не дитя въ мірѣ семъ?

И я *во всемъ* сходенъ съ симъ слабымъ, бѣднымъ твореніемъ!...

Браните меня, какъ вамъ угодно, друзья мои! бросайте на меня всѣ стрѣлы Сервантовы: я не отражаю ихъ; но спокойно, какъ новый *рыцарь печальнаго образа*, отъ мирныхъ полей и уединенной хижины, бѣгу искать слав-

ныхъ происшествій и — если должно — сражаться даже съ мѣльницами!

Мечь гремитъ на бедрѣ моемъ и возвѣщаетъ мнѣ время явиться на поля славы. Тройка коней, приведенныхъ изъ Русской Ѳракіи, или, просто, съ береговъ Дона, роетъ снѣжные бугры съ нетерпѣнія отвезть новаго сынка Марсова къ нѣжному его родителю. Но слезы родныхъ, безцѣнныхъ сердцу, велятъ еще сказать имъ роковое: прости! Прощайте, друзья мои! прощайте, мои милыя! Удостоивайте иногда воспоминаніемъ того, который такъ *неожиданно* покинулъ родныя поля и тихій кровъ отеческій, оставилъ пріюты л[illegible]ви и дружбы, и что еще неблагодарнѣе, умѣ[illegible]ъ такъ скоро разстаться съ вами, безцѣнныя мои!

На Мячковскомъ курганѣ, 12 Октября. Никогда не проѣзжаю Мячковскаго кургана безъ того, чтобы не взойти на него. Бывало, въ красные дни природы и моей родины, останавливался я здѣсь любоваться прелестными видами. Тогда все восхищало меня: и свѣтлая въ извилинахъ Москва-рѣка, многочисленными судами покрытая, и селенія, на живописныхъ ея берегахъ расположенныя, и росписные, пестрые луга съ озерами своими, и бѣлыя, известковыя горы, дымящіяся на подобіе

маленькихъ Везувіевъ. Тогда любилъ, по цѣлымъ часамъ, взорами и сердцемъ бродить съ возвышеній, одѣтыхъ цвѣтными коврами, на пригорки, далеко золото жатвъ разливающіе, — изъ Мячкова, господствующаго надъ мрачными лѣсами, въ живописное Быково, собою въ водахъ красующееся, — и наконецъ въ туманномъ, сизомъ отдаленіи искать Москвы бѣлокаменной. Нынѣ, когда пожары войны пылаютъ еще на родномъ небосклонѣ, когда природа и люди унылы, прихожу сюда внимать бурямъ осеннимъ и смотрѣть, какъ черныя тучи несутся надъ головой моей, какъ вихрь роетъ желтые листья и мчитъ ихъ по крутому берегу. Смерть и разрушеніе почіютъ на холмахъ могильныхъ;— печальна окрестность: мрачна и душа моя!

Безъ риторической фигуры можно, конечно, сказать, что всякая высота возвышаетъ чувства и мысли. Стою на гордомъ курганѣ и повторяю за прекраснымъ пѣвцемъ его:

Сюда приди, о Россъ, свой санъ и долгъ узнать.

Никогда не чувствовалъ я такъ сильно красоты сего изреченія, какъ *теперь*, стоя на сей величественной насыпи, которой святыню берегли вѣки, на семъ памятникѣ славы нашихъ предковъ и могилѣ храбрыхъ. Такъ, на семъ знаменитомъ холмѣ, клянусь прахомъ отцевъ моихъ и тобою, родина священная! клянусь,

что честь и Отечество будутъ вездѣ моими спутниками; — и если изгоню ихъ когда нибудь изъ моего сердца, если забуду ихъ въ пылу битвъ и мирныхъ хижинахъ: то пусть недостоинъ буду имени Русскаго; пускай *все милое* мнѣ и Богъ меня забудутъ!

Москва, у Кремля, 13 Октября. »Это ли столица бѣлокаменная?« — спрашивалъ я себя со вздохомъ, подъѣзжая къ Москвѣ. — »Гдѣ златые куполы церквей, вѣнчавшіе Царицу городовъ Русскихъ? Гдѣ высокія палаты, украшеніе и гордость ея? Одинъ *Иванъ Великій* печально возносится надъ обширной грудою развалинъ; только одинокія колокольни и домы, съ мрачнымъ клеймомъ пожаровъ, кое-гдѣ показываются. Быстро промчалась буря разрушенія надъ стѣнами Московскими, но глубоки слѣды, ею оставленные!« Подъѣзжаю къ Таганской заставѣ. Мракъ вечерній начиналъ спускаться надъ окружностію; чувства унынія и ужаса возрастали болѣе и болѣе въ душѣ моей. Близъ караульни показался огонекъ, затмѣваемый бродящими людьми. Въѣзжаю въ заставу и нахожу Изюмскихъ Гусаръ, расположенныхъ около нее бивуаками. Схожу съ повозки, иду далѣе по улицамъ, и не узнаю ихъ. Здѣсь стоятъ стѣны безъ кровель и церкви обезглавленныя; тамъ

возносятся одинокія трубы; тутъ лежатъ одни пепелища домовъ, еще дымящіяся и наполняющія улицы тяжелымъ смрадомъ: вездѣ слѣды опустошенія, вездѣ памятники злодѣяній враговъ и предметы къ оживленію мщенія нашего! Ужасно воетъ вѣтеръ, пролетая сквозь окны и двери опустошенныхъ домовъ, или стонетъ совою, шевеля желѣзные листы, отрывки кровель. Вокругъ меня мракъ и тишина могилъ! Только индѣ, подъ мрачными сводами, трепещетъ огонекъ у пустыннаго сторожа развалинъ; кое-гдѣ слабый голосъ выносится изъ погребовъ, или слышенъ въ шалашахъ робкій шепотъ. Иду по улицамъ, кажется, совсѣмъ незнакомымъ; — ни одно живое существо не попадается мнѣ на встрѣчу; — иду, и спотыкаюсь о мертвую лошадь!... Давно ли рои народа кипѣли и шумъ не молкъ въ стѣнахъ Москвы? Давно ли по этой улицѣ, въ богатыхъ экипажахъ, встрѣчались сыны фортуны и мчались изъ жилища разсѣянія въ обитель моды? Не въ этомъ ли домѣ, за три мѣсяца передъ симъ, толпа рабовъ поклонялась набитому червонцами мѣшку, или старому пергаменту? Не въ томъ ли имущество, здоровье и самая жизнь полагались на одну роковую карту? Не здѣсь ли роскошь, на счетъ тысячи ближнихъ, собирала дань со всѣхъ частей

свѣта, чтобы угостить могущество одного? Здѣсь зарывалъ скупецъ свое золото; сюда же придетъ онъ оплакивать его потерю, и на томъ же прагѣ, гдѣ отказывалъ всякому въ помощи, узнаетъ, каково быть въ бѣдности и не найти сердецъ сострадательныхъ. За этой стѣной нѣкогда стоялъ великолѣпный туалетъ: умыванія Нипоны, похищенныя у любимой Султанши бѣлилы, сотни чепчиковъ и шляпокъ, тысяча и одинъ визитный билетъ, увы! достались въ жертву пламени. Что сказала бы красавица, когда, на мѣсто сихъ драгоцѣнностей, нашла бы она—мертваго Француза? Ужасно и подумать объ этомъ!...

Васъ позвалъ бы я сюда, гордые богачи! и указалъ бы вамъ на превратности жизни сей. Съ вами пошелъ бы гулять по развалинамъ, ненасытные честолюбцы, воздвигающіе себѣ храмы и памятники на бѣдствіяхъ народныхъ! Призвалъ бы сюда и васъ, ученики безвѣрія! и далъ бы вамъ взглянуть на вражескіе трупы, лишенные погребенія, брошенные въ пищу вранамъ и по смерти *живо* говорящіе, что гнѣвъ Божій, рано или поздно, караетъ преступниковъ. Здѣсь другъ человѣчества вздохнулъ бы со мною объ участи несчастныхъ и могилу добродѣтельнаго почтилъ бы искреннею слезою.

Сижу теперь на развалинахъ Кремля, и на обломкѣ его стѣнъ пишу мои замѣчанія. И сіе жилище Царей нашихъ, сей священный Палладіумъ Москвы не поберегла рука разрушенія!... Большая часть башенъ и стѣнъ подорвана; не пощаженъ самъ Иванъ Великій, сей памятникъ Царскаго благоразумія, среди бѣдствій народныхъ, украшавшій столицу два вѣка, протекшіе мимо его съ благоговѣніемъ. — Благословляю мечь, карающій враговъ Отечества и правъ его; кляну губительное желѣзо, разрушающее памятники святыни и славы народной!

С. Троицкое, подъ Москвою, 15 Октября. Побѣжденъ быть не можетъ народъ, въ самыхъ бѣдствіяхъ гордый своимъ именемъ, въ самыхъ горестныхъ потеряхъ не лишившійся добрыхъ нравовъ, среди жесточайшихъ оборотовъ судьбы хранящій твердо вѣру и законы праотцевъ! Москва была нѣсколько дней во власти иноплеменныхъ, Москва превращена въ пепелъ; но духъ свободы и любви къ Отечеству не переставали никогда оживлять древнюю столицу Россіи. Добродѣтели сіи сопровождаютъ нынѣ мирнаго гражданина въ самое изгнаніе изъ мѣстъ родины и неразлучны съ воиномъ, кипящимъ отмстить за пепелъ родныхъ жилищъ и права свои. Силь-

ны Богъ и Царь Русскій; могучи мышцами и духомъ потомки Славянъ — и Россія побѣждена быть не можетъ!

Каждый день слышу повѣствованія о твердости жителей, необходимостію въ Москвѣ заключенныхъ во время пребыванія тамъ Французовъ. Спросите, кто были сіи жители? — нищіе, сирые, бѣдныя вдовы, безпріютные и слабые старцы. Между дѣяніями сихъ героевъ, злые слухи донесли до насъ — со всѣми прибавленіями, обыкновенно наполняющими подобные разсказы о происшествіяхъ, которыхъ мы не были зрителями — преступленія одного или двухъ человѣкъ, измѣнившихъ законамъ чести и Бога. По вѣрнѣйшія извѣстія, на которыхъ намъ пріятнѣе основываться, утверждаютъ, что сіи злодѣи были не Русскіе. Мы готовы даже вѣрить, что они не принадлежали никакому народу. Кто не можетъ быть вѣрнымъ сыномъ Отечества, недостоинъ называться согражданиномъ грубыхъ Каннибаловъ; онъ не имѣетъ ничего священнаго на землѣ; нѣтъ для него ни имени, ни родства, ни связей; — цѣлая вселенная его чуждается. Благословенная Богомъ Россія не знаетъ подобныхъ извергов: она сильна вѣрными сынами.

Картина Москвы, съ одной стороны наводненной толпами иноплеменныхъ, дышу-

щихъ грабежемъ и безначаліемъ, съ другой огражденной твердостію духа оставшейся въ ней горсти жителей, представляетъ Исторіи прекрасныя черты, подражанія достойныя. Москва является въ ней, какъ знаменитая, древняя жена, сѣдящая на развалинахъ величественнаго храма и защищаемая вѣрною, небольшою семьею противъ многочисленной шайки грабителей. Жестоко обманула Французовъ надежда, обрѣсть въ Русскихъ грубыхъ варваровъ, обыкшихъ подклонять выю подъ чужое ярмо! Слѣдующіе подвиги служатъ тому свидѣтельствомъ.

Кровавое зарево пожаровъ обтекало древнюю столицу Россіи; огромныя палаты и бѣдныя хижины превращались въ развалины; храмы Божіи предавались поруганію и толпы иноплеменныхъ бродягъ безъ сострананія, безъ чести и вѣры праздновали на пепелищахъ уничтоженіе всѣхъ добродѣтелей. Вдругъ, среди торжественныхъ восклицаній порока, среди вопля старцевъ, женъ и дѣтей, раздаются громкіе, утѣшительные голоса. Это голоса свободы! говорятъ угнѣтенные и стекаются на зовъ ея. Въ Огородникахъ стоитъ храмъ, посвященный имени Св. Харитона. Туда собираются они, вооруженные булавами, ножами, серпами и вилами; находятъ съ каждымъ днемъ новыхъ то-

варищей несчастія; составляютъ между собою особенное общество; строятъ себѣ шалаши вокругъ церкви, и клянутся защищать ее отъ нападенія *безвѣрныхъ* до послѣдняго дыханія. Каждый день приходятъ они въ церковь сію возсылать молитвы къ престолу Бога объ изгнаніи врага изъ Отечества, о ниспосланіи побѣды Русскимъ воинамъ, здравія и славы законному Государю. Нѣсколько разъ покушаются непріятели уничтожить священнослуженіе и превратить храмъ Божій въ конюшню; но при первомъ покушеніи ихъ, герои-нищіе вооруженными сотнями стекаются вокругъ церкви, ударяютъ въ набатъ и заставляютъ самыхъ мнимыхъ побѣдителей удивляться ихъ мужеству и рѣшительности. Нѣкоторые изъ Французскихъ смѣльчаковъ пытаются, съ накрытою головою, присутствовать при отправленіи Богослуженія; но поднятыя вверхъ вилы и грозные голоса свободы принуждаютъ гордыхъ пришлецовъ смириться предъ законами слабыхъ и нищихъ. Церковь, охраняемая столь мужественными защитниками, донынѣ уцѣлѣла и свидѣтельствуетъ каждому, что вѣрность Царямъ, вѣрѣ и кореннымъ добродѣтелямъ есть твердѣйшій оплотъ противу неравнаго могущества и бѣдствій, на землю посылаемыхъ.

Священникъ Срѣтенскаго монастыря, извѣстный примѣрною жизнію своею, не устрашился жестокостей иноплеменныхъ. Вѣрный своему Государю и правиламъ совѣсти, во всѣхъ молитвахъ своихъ возносилъ онъ къ престолу Бога имя Помазанника Его. Буонапартъ, узнавъ о семъ, послалъ къ нему грозный приказъ исключить сіе имя изъ церковныхъ молитвъ и впредь упоминать въ нихъ Наполеона, Императора Франціи и прочихъ земель. »Я присягалъ одному Царю Русскому, и не хочу знать никакого другаго«, — съ твердостію сказалъ пастырь посланнымъ, и продолжалъ съ бо́льшимъ рвеніемъ молиться о здравіи законнаго Государя. Ему угрожаютъ висѣлицею на Срѣтенскомъ булеварѣ. »Донесите Наполеону — отвѣчалъ онъ исполнителямъ приказовъ его — донесите ему, что подъ рукою палача буду еще молиться объ Александрѣ. Не страшна смерть тому, кто умираетъ за Царя и вѣру.« — Къ чести доносителей должно сказать, что они нашли отвѣтъ сей геройскимъ, достойнымъ *даже* Французскаго народа, изобразили его таковымъ предводителю своему, и оставили непоколебимаго Священника исполнять долгъ его до самаго побѣга *великихъ* легіоновъ изъ Москвы.

Римъ славился одною Лукреціею; древняя столица Русскихъ можетъ гордиться двумя.

На берегу Москвы-рѣки, въ скромномъ жилищѣ, оставался одинъ изъ служителей алтарей для попеченія о приходской церкви и тайнаго надзиранія за схороненнымъ имъ церковнымъ богатствомъ. Сокровища, храму принадлежащія, умѣлъ онъ сберечь отъ хищническихъ взоровъ; но не укрылось отъ нихъ сокровище, ему собственно принадлежащее и для него безцѣннѣйшее всѣхъ богатствъ земныхъ — двѣ дочери, милыя и прекрасныя, какъ сама Природа, какъ она невинныя. Подъ надзоромъ умнаго, просвѣщеннаго и добродѣтельнаго отца взлелѣянныя, росли онѣ для исполненія надеждъ его и украшенія свѣта; — вскорѣ готовились онѣ усыпать цвѣтами радости и любви жизненный путь двухъ юношей, избранныхъ ими по волѣ сердца. Въ сіи смутныя времена забывали помышлять о собственномъ счастіи; думали только объ успокоеніи Отечества. Обрученные принуждены были разлучиться почти у подножія брачнаго алтаря; клятва вѣчнаго союза готова была вылетѣть изъ устъ ихъ, и уста выговорили ужасное *прости* на вѣки; мѣсто сулимыхъ имъ любовію удовольствій заступила мрачная мысль о бѣдствіяхъ общественныхъ — и мечты, не давно подносившія имъ брачныя розы, казали уже имъ въ будущности одни могильные холмы, бранными ог-

ніями и пожарами освѣщаемые. Разлука ужасная! но ее требовалъ неумолимый рокъ — и друзья, повинуясь ему, разстались съ горестнымъ предчувствіемъ. Вскорѣ притекли въ Москву орды разноплеменныя. Простые солдаты, гордясь безначаліемъ, повиновались однимъ желаніямъ своимъ; начальники вмѣсто того, чтобы давать подчиненнымъ примѣръ воздержности и кротости, подражали имъ въ своеволіи. Скромное жилище Священника не избѣгло ихъ посѣщенія; тамъ увидѣли они прелестныхъ сестръ, и по праву побѣды нарекли ихъ заранѣе своими данницами. Чтобы уловить ихъ скорѣе въ свои сѣти, употребляли они сначала хитрость, ласкательства, обѣщанія, любовь, клятвы и даже священное имя Бога; но видя предложенія свои отвергнутыми съ презрѣніемъ и твердостію, они прибѣгнули къ силѣ. Въ скоромъ времени (это было къ вечеру) отсутствіе отца послужило имъ къ совершенію злодѣйскаго ихъ намѣренія. Цѣлою разбойнической шайкою ворвались они въ комнату, гдѣ находились обѣ сестры, и застали ихъ молящимися передъ распятіемъ. Не уважая ни мольбы, ни слезъ ихъ, смѣясь изображенію Божественнаго Страдальца на землѣ и Судіи небеснаго, которое несчастныя обнимали вмѣсто защиты, злодѣи связали имъ руки и повлекли ихъ изъ до-

му. Приближась къ Каменному мосту, сестры уговорились, на чуждомъ похитителямъ языкѣ, вооружиться противъ нихъ обманомъ и рѣшиться, для избѣжанія вѣчнаго позора, умереть добродѣтельными. Рѣшились — и слезы осушены; тихая покорность волѣ сильныхъ показалась уже во взорахъ ихъ; улыбка любви порхнула на помертвѣлыхъ устахъ, и нѣжный, сладкій голосъ просилъ облегчить ихъ узы. Какое жестокое сердце не тронулось бы сею просьбою, съ которою, казалось, сливались обѣщанія и надежды? Варвары, обманутые наружностію своихъ плѣнницъ и притомъ увѣренные въ силѣ своей, исполнили ихъ желаніе. Пустивъ за нѣсколько шаговъ отъ нихъ передовую стражу, сопровождая ихъ въ отдаленіи большою толпою съ комическими пѣснями, они хотѣли доказать тѣмъ свое *великодушіе.* Но—кто изъ нихъ того ожидалъ? — Обѣ сестры, приближась къ срединѣ Каменнаго моста, схватя другъ дружку за руки, пустились бѣжать, перелѣзли одни перилы, перекрестились, показали рукою на небо, взлѣзли на другія перилы и одна за другою — бросились въ рѣку! Все это совершилось въ нѣсколько мгновеній. Французы отъ изумленія и ужаса стояли неподвижны, не вѣрили глазамъ своимъ, и не знали, что начать. Хотѣли вытащить несчастныхъ изъ

воды, но нашедъ ихъ совершенно обезображенными сильнымъ ударомъ о камни, во множествѣ раздѣляющіе теченіе Москвы-рѣки, отдали ихъ на произволъ стремнины. Въ глубокомъ молчаніи, какъ приговоренные къ смерти преступники, возвратились они домой. Въ сердце не смѣли они заглянуть: въ немъ гнѣздился уже грозный спутникъ, до престола Вѣчнаго Судіи съ ними неразлучный; не осмѣливались они взирать и на небо: тамъ начертана была будущая судьба ихъ! — Что сдѣлалось съ несчастнымъ отцемъ? Онъ въ объятіяхъ вѣры старался искать утѣшенія и, можетъ быть, нынѣ нашелъ его. Что сдѣлалось съ злополучными женихами? Ничего не слыхалъ. Если бы я писалъ романъ, а не истинное приключеніе, то сказалъ бы, что одинъ изъ нихъ путемъ смерти и славы соединился съ любезною; другой же, заключивъ себя въ монастырскихъ стѣнахъ, остался только тѣломъ жить на землѣ....

Сотни подобныхъ происшествій ознаменовали Сентябрь мѣсяцъ 1812 года; Французскіе бивуаки въ Москвѣ блистали многими подобными огнями. Безумные пришлецы узнали, каково незванымъ гостямъ гостить въ Русской столицѣ, и какимъ образомъ рабствуютъ на Сѣверѣ. Не одна тысяча ихъ лежитъ въ погребахъ, колодезяхъ и подъ мѣль-

тицами. — Если бы собрать всѣ черты мужества, твердости нравовъ и другихъ добродѣтелей, исполнявшихъ Русскихъ во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, то можно бы написать цѣлыя книги. Искуснымъ перу, рѣзцу и кисти предстоитъ трудъ и слава вывесть изъ мрака неизвѣстности геройскія дѣла соотечественниковъ и представить ихъ во всемъ блескѣ на сцену міра.

Москва, 18 Октября. Москва начинаетъ стряхать съ себя пепелъ и мало по малу оживляется. Геній ея, бродя по развалинамъ, собираетъ снова дѣтей вокругъ печальной, но всегда безцѣнной сердцу матери и ласкаетъ ихъ утѣшительною надеждою, что счастіе, богатство и слава посыплютъ на нее свѣжіе вѣнки. Жители по немногу стекаются въ Москву. Между развалинами ходятъ иные, какъ Радклифовы привидѣнія, и ищутъ слѣдовъ своихъ жилищъ и имуществъ; другіе, одиночкою или парами, встрѣчаются вамъ на улицахъ и спрашиваютъ васъ о той, на которой сами находятся. Черезъ заставы пробираются огромные возы съ жизненными потребностями; на рынкахъ волнуется народъ и жужжитъ, какъ рой пчельный съ приближеніемъ цвѣтущей весны. Ремесленники на площадяхъ предлагаютъ вамъ свои услуги; каменьщики и плот-

ники считаютъ тучные задатки. Уже извощики на быстрыхъ иноходцахъ мчатъ васъ изъ края въ край города, и Петербургская карета одинъ разъ въ сутки стучитъ по мостовой. Уже шумитъ топоръ, и веселое его эхо отзывается въ моемъ сердцѣ. Въ Москвѣ можете нынѣ найти теплый уголъ, вкусный обѣдъ, всѣ необходимыя потребности жизни за недорогую цѣну и даже предметы роскоши. Передъ развалинами Гостинаго Двора видите скромныя палатки, столы, стулья и треножники, на которыхъ лежатъ товары, хотя не въ изобиліи, но довольно хорошіе. Каждый день принимаетъ городъ лучшій и пріятнѣйшій видъ. Можно сравнить Москву съ прекрасною женщиною, которая во время печальнаго траура лишилась лучшихъ своихъ прелестей. Наступилъ конецъ горестнаго испытанія, и она, забывъ *прошедшее*, улыбается *будущему*, спѣшитъ рядиться въ новую, разноцвѣтную одежду, любуется въ зеркалѣ оживленіемъ своихъ прелестей, и съ каждою новою минутою готовитъ своимъ обожателямъ новыя пріятности.

Наконецъ разстаюсь съ тобою, Москва, древнее жилище Царей, колыбель и гробъ многихъ изъ нихъ, средоточіе богатства, изобилія и веселостей Россіи, и родина моя священная! Видѣлъ я тебя цвѣтущею, красивою,

величественною; зрѣлъ я твои развалины: да порадуюсь нѣкогда возобновленію твоего великолѣпія, красоты и славы твоей — и скажу съ гордостію Московитянина:

Что матушки Москвы и краше и милѣе?

С. Хатунь, 20 Октября. Въ кругу семейства одного изъ здѣшнихъ поселянъ, за дубовымъ столомъ, за Русскимъ хлѣбомъ съ солью, подтвердилъ я самъ себѣ замѣчаніе, дѣланное уже мною нѣсколько разъ на счетъ счастливой жизни крестьянъ Графини Орловой. Красивая наружность домовъ, опрятность и порядокъ во внутренности ихъ, довольство въ пищѣ ихъ обитателей, чистота и богатство въ одеждахъ, свѣжесть и здоровье лицъ, живость въ обращеніи и дѣлахъ торговыхъ, болѣе людкости, болѣе разсудительности и лучшая нравственность: вотъ, что отличаетъ ихъ отъ многихъ другихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И всѣмъ этимъ обязаны они человѣколюбивымъ о нихъ попеченіямъ молодой наслѣдницы имѣнія и душевнаго богатства Героя Чесменскаго. За то нѣтъ ни одного, который бы не произносилъ ея имени съ сердечною признательностію; нѣтъ ни одного, который бы не благословлялъ кроткой милосердой своей властительницы. Что же

должна чувствовать она въ душѣ своей? Какія торжества, какія награды могутъ сравниться съ удовольствіемъ брать съ тысячей богатѣйшую дань любовію, внимать себѣ отъ подданныхъ дѣтей искреннюю похвалу и слышать отзывъ ихъ благодарности во глубинѣ своего сердца? Тутъ я вспомнилъ о покойномъ Графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ, и сказалъ самъ себѣ: — » какъ родитель былъ страшенъ врагамъ на моряхъ, такъ дочь въ хижинахъ любима и благословляема. «

Въ почтенномъ хозяинѣ моемъ представляется мнѣ живой урокъ многимъ мудрецамъ нашего вѣка. Нѣжный отецъ и вмѣстѣ строгій правитель и судія своего семейства; краснорѣчивый ораторъ за *мірское* дѣло, жаркій защитникъ слабаго и невиннаго въ сельскихъ совѣтахъ; трудолюбивый воздѣлыватель полей и слѣдственно полезный членъ Отечеству; покорный властямъ и всякому порядку по тѣмъ же законамъ, по какимъ самъ почитаемъ въ своемъ домѣ; добрый Христіанинъ безъ умствованій; вѣрный подданный, чтящій въ Царѣ своемъ образъ Всевышняго Правителя на землѣ; мудрецъ, читающій каждый день великую книгу Природы — онъ постигнулъ сердцемъ, что слѣдовать ея простымъ велѣніямъ — есть повиноваться волѣ Бога.

Нынѣ празднуютъ здѣсь изгнаніе враговъ

изъ Москвы. Я поспѣшилъ за поселянами въ церковь. Умный пастырь, кончивъ священное служеніе, обратилъ къ своему стаду трогательную, простую рѣчь. Онъ говорилъ о торжествѣ любви къ Отечеству, къ Царю и вѣрѣ — не фигурами, не набросанными однимъ на другое умствованіями — онъ говорилъ сердцу краснорѣчіемъ Природы, и сердце каждаго понимало его безъ изъясненій. Ему извѣстно было, что простые примѣры, собранные въ кругу тѣхъ, къ которымъ обращался, у плуга и на торжищахъ, въ дымной хижинѣ и въ богатой свѣтлицѣ, подѣйствуютъ сильнѣе на душу селянина, нежели взятые изъ какой нибудь Риторики пыльные образчики. Онъ зналъ, что нравоученіе, чистое и всѣмъ внятное, почерпнутое изъ Христіанской нравственности (которой должна также служить зеркаломъ самая жизнь пастыря), лучше запутаннаго краснорѣчія древнихъ и новыхъ умствователей; онъ зналъ это очень хорошо — и знаніе свое умѣлъ употреблять въ пользу. Крестьянинъ, слушая его съ искреннимъ, душевнымъ участіемъ и уваженіемъ, не имѣетъ нужды (какъ часто случается) спрашивать у своего товарища: »что говоритъ батюшка? я слышалъ, что онъ проповѣдуетъ красно, да я его не разумѣю,« и тому подобное. Жителя села, простаго сына

Природы не тронешь и не убѣдишь ученостію; онъ послушенъ болѣе краснорѣчію матери своей, и всегда вѣрный данникъ ея всѣмъ сердцемъ и душою. Хвалю трогательное и простое риторство здѣшняго священника, и желаю искренно, чтобы сельскіе наши пастыри взяли его образцемъ для подражанія.

Г. Калуга, 26 Октября. Первое мѣсто въ моихъ запискахъ должны занимать дѣянія соотечественниковъ моихъ — дѣянія, возвышающія имя и духъ Русскаго. Слѣдующимъ повѣствованіемъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ одинъ Смоленскій помѣщикъ, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ самаго происшествія.

......Соединенныя войска двадцати народовъ текли въ Россію подобно грозной, черной тучѣ, носящей въ себѣ опустошеніе и гибель золотой жатвы; врата Смоленска отворились съ громомъ, и черезъ нихъ всѣ бѣдствія войны внеслись въ сердце драгоцѣннаго Отечества; пламя пожаровъ пробѣжало бурею до стѣнъ Кремлевскихъ. Хищеніе, развратъ и забвеніе всего священнаго грозя самимъ Небесамъ, бродили по развалинамъ городовъ и селъ; толпы несчастныхъ жителей убѣгали со страхомъ, оглядываясь на пепелищѣ домовъ своихъ. Тамъ мать съ груднымъ младенцемъ укрывалась въ густоту лѣсовъ, страшась не столько

дикихъ звѣрей, сколько свирѣпыхъ пришельцевъ; здѣсь старикъ подъ ношею лѣтъ и бѣдствій искалъ по рощамъ и полямъ пищи для продолженія своей жизни и для семьи малолѣтныхъ дѣтей; сынъ отыскивалъ отца своего подъ развалинами, жена умоляла возвратить ей супруга: всѣ проливали слезы о разлукѣ съ милою родиною. Уже сильныя руки во мракѣ ночей ковали копья, уже косы и серпы острились; но часъ свободы еще не звучалъ — и гордый сынъ Сѣвера, въ ожиданіи его, запалилъ въ груди своей грозное чувство мщенія.

Наполеонъ съ адскою усмѣшкою считалъ раны, покрывавшія часть Россіи, и наблюдалъ мѣсто, гдѣ могъ бы еще вѣрнѣе поразить ее. Желая испытать нравы Русскаго народа, онъ учредилъ на развалинахъ Смоленска верховный судъ и предписалъ ему довесть до свѣдѣнія оставшихся въ городѣ и округѣ жителей, что тѣ изъ нихъ, которые будутъ недовольны Русскимъ правосудіемъ и управленіемъ, могутъ требовать защиты отъ Французской расправы: видимое желаніе вооружить противу справедливой власти и отечественныхъ законовъ какую нибудь толпу безпокойныхъ бродягъ и бросить тѣмъ искру бунта въ сердца народа! Неудовольствіе нѣкоторыхъ крестьянъ Смоленской Губерніи на помѣщика ихъ, оправдавъ самымъ непримѣтнымъ образомъ сіе намѣреніе, показало

между тѣмъ повелителю Французовъ, до какой степени можетъ дойти благородная гордость Русскихъ и на какія жертвы готова любовь ихъ къ Отечеству.

Извѣстный духомъ истиннаго благородства и твердости Смоленскій дворянинъ Энгельгардъ не ужаснулся нашествія непріятелей. Соболѣзнуя о бѣдствіяхъ родины и желая присутствіемъ своимъ облегчить горестную участь сограждакъ, онъ остался въ помѣстьѣ своемъ, въ Духовскомъ уѣздѣ. Положа руку на сердце, взглянувъ на Небеса, онъ далъ Небесамъ симъ обѣтъ: среди многочисленныхъ враговъ дѣйствовать противу нихъ же; окруженный чужеземною властію, онъ рѣшился укоренять въ сердцахъ народа любовь къ законному Государю, и на пепелищахъ отчизны своей вознести знамя народной свободы и счастія. »Дѣла мои, совѣсть, Государь и Богъ оправдаютъ мое здѣсь пребываніе!« сказалъ онъ, и началъ исполнять священный обѣтъ свой.

Нѣкоторые крестьяне его, недовольные устройствомъ, въ которомъ онъ содержалъ ихъ во все время общаго безпорядка, негодуя на примѣрную строгость, съ которою онъ наказывалъ ихъ за участіе въ грабежѣ Французовъ и за ослушаніе противъ Русскихъ законовъ — крестьяне сіи, прельщенные льстивыми обѣщаніями вольности и золотыхъ

источниковъ, рѣшились идти въ Смоленскъ къ Французскому Начальству доносить на своего помѣщика о лишеніи имъ жизни нѣсколькихъ Французовъ. Просьба крестьянъ выслушана судьями, произведено слѣдствіе, и не найдено никакихъ слѣдовъ смертоубійства. Самъ предводитель разбойнической шайки постыдился бы произнести рѣшительный приговоръ надъ Энгельгардомъ. Дѣла потекли по прежнему въ помѣстьяхъ сего послѣдняго; но духъ злобы не дремалъ: вскорѣ бунтовщики, подстрекаемые Наполеоновыми прокламаціями, соединились въ небольшую разбойническую шайку, набрали въ окрестностяхъ нѣсколько убитыхъ Французовъ, и бросивъ ихъ въ отсутствіе помѣщика подъ полы его дома, привели изъ Смоленска Французскихъ коммисаровъ для вскрытія половъ сихъ и свидѣтельства мертвыхъ тѣлъ. Энгельгардъ найденъ виновнымъ въ смертоубійствѣ и призванъ въ верховный судъ въ Смоленскъ. Возстановитель отечественной свободы, Вильгельмъ-Тель не являлся къ грозному притѣснителю Швейцаріи съ такою твердостію духа, съ какою вступилъ въ среду судей защитникъ славы Государя и согражданъ своихъ. Благородная гордость Русскаго дворянина, увѣренность сына Отечества въ исполненіи своей обязанности, любовь къ Царю и вѣрѣ сіяли въ очахъ

его, управляли всѣми его движеніями и приводили въ смущеніе собравшійся для приговора его Французскій совѣтъ. Не подсудимымъ казался онъ, но судьею неколебимымъ, пишущимъ толпѣ преступниковъ приговоръ къ вѣчному ихъ посрамленію. Наконецъ Энгельгардъ осужденъ быть разстрѣлянъ. »Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества!« — сказалъ онъ Французскому караулу, выслушавъ со всѣмъ хладнокровіемъ приговоръ свой. — Напрасно прельщали его, отъ имени Буонапарта, свободою и прощеніемъ; тщетно обѣщали ему высокія почести и награды, если онъ отречется отъ законнаго Государя своего и объявитъ Смоленскому народу, что повелитель Французовъ есть нынѣ настоящій Монархъ Россіи и помазанникъ Божій! »Свобода моя принадлежитъ Богу и Царю Русскому! — и могъ ли Наполеонъ сдѣлать меня рабомъ своимъ? Скажите ему, что я и теперь свободенъ; скажите ему, что Русскіе дворяне умѣютъ умирать таковыми за Государя своего и Отечество!« — такъ отвѣчалъ онъ, и повторилъ снова требованіе, чтобы его вели скорѣе къ мѣсту казни. Дорòгою произнесъ онъ раза два сопровождавшему его караульному офицеру извѣстный Корнельевъ стихъ:

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.

Не казнь постыдна, преступленье!

На мѣстѣ казни хотѣли завязать ему глаза платкомъ; но онъ, сорвавъ его съ негодованіемъ, сказалъ: »Русской не боится смерти!« перекрестился и ожидалъ роковой пули съ твердостію духа, удивившею самихъ палачей. Свинецъ засвисталъ — — Энгельгарда не стало!... Но Царь * и Россія его не забудутъ; сограждане воскресятъ его въ памяти и сердцахъ своихъ, и передадутъ его потомству въ примѣръ великихъ жертвъ любви къ Отечеству.

Пріятно мнѣ мечтать объ оживленіи Русскаго Кодра въ памятникѣ! Пускай Смоленское и цѣлой Россіи Дворянство, соединясь единодушными пожертвованіями, соорудитъ памятникъ сей тому, кто такъ славно умеръ за права и честь дворянъ; пусть поставятъ его на одной изъ площадей Смоленскихъ въ память сынамъ и правнукамъ нашимъ! Пускай на одной сторонѣ его начертаютъ: *Русскому Кодру;* на другой *Энгельгарду—Россійское Дворянство.* Смотря на него, мирный гражданинъ прочитаетъ во взорахъ *великаго* обязанности свои Государю, согражданамъ и Отечеству.

* Государь Императоръ излилъ щедроты Свои на многочисленное семейство Энгельгарда. 1820.

Покланяясь ему, молодый воинъ воскипитъ огнемъ мужества и спроситъ копье свое, *чтобы потрясть землей и адомъ.* Къ памятнику сему придутъ поучаться люди всѣхъ состояній и званій, и познавать величіе имени Русскаго. Какой примѣръ коренныхъ нашихъ добродѣтелей! Какой богатый предметъ для художника и какое славное поле для генія!

Мечтаю — и счастливый сею мечтою, благословляю память великаго Энгельгарда и жребій, судившій мнѣ родиться Русскимъ.

Г. Росславль, 10 Ноября. Я прибылъ въ городъ вчера вечеромъ и остановился у одного Русскаго купца, гостепріимнаго и любезнаго. Послѣ сытнаго ужина, приправленнаго голодомъ и ласками хозяина, меня оставили одного въ теплой, уютной комнатѣ успокоиться отъ походныхъ трудовъ. Двадцати-градусный морозъ дыханіемъ своимъ тушилъ окна моего жилища; стѣны трещали ежеминутно. Я сидѣлъ у разложеннаго въ камелькѣ огня, и смѣялся угрозамъ зимы. Со мною былъ Боннетъ. »Какъ великъ человѣкъ! — съ гордостію подумалъ я, прочитавъ два, три отрывка изъ Созерцателя Природы: — пресмыкаясь тѣломъ по землѣ, онъ духомъ въ

небесахъ летаетъ. Нѣтъ, кажется, въ мірахъ для него сокрытой тайны: самъ Творецъ знакомитъ его съ чудесами творенія. Уменъ, могучь, величавъ, онъ зритъ съ улыбкою, какъ все ему покорствуетъ. Гроза и гордость звѣрей, левъ повинуется его взору; быстрая, какъ горный вѣтръ, серна, внимая голосу его, останавливается на краю утеса и преклоняетъ передъ нимъ вѣтьвистые рога свои; парящій подъ солнцемъ орелъ къ нему спускается, по его велѣнію. Самыя стихіи ему раболѣпствуютъ. И кто на землѣ не платитъ дани Царю земному и любимцу Небесъ? . . . «

Нынѣ видѣлъ я подобнаго себѣ въ уничиженіи, видѣлъ человѣка, Богомъ и людьми отброшеннаго, и признаюсь, что никогда, ничего не зрѣлъ ужаснѣе. Еще съ содроганіемъ вспоминаю сіе зрѣлище. Ночью прибылъ въ Росславль трехсотный транспортъ плѣнныхъ, пущенный изъ-подъ Краснаго при нѣсколькихъ козакахъ. Боялись съ ними заразы, и для того расположили ихъ бивуаками близь города. Усыпивъ голодъ — нѣкоторые остатками сухарей, иные мертвыми лошадьми и товарищами — предпочли они кочевью на снѣгу городскіе овины и сараи. Одни зарывались въ солому, другіе прятались въ трубы и печи; были даже такіе, которые, собравшись

толпою въ пустый домъ (большая часть здѣшнихъ домовъ еще безъ хозяевъ), ложились десятками другъ на друга, зажигали его со всѣхъ четырехъ угловъ, и содѣлывались жертвою бузумія своего. По утру собрали козаки оставшихся и не досчитали болѣе двухъ сотъ. Меньшую половину изъ сего числа полагали умершею, другую бродящею по всѣмъ концамъ города. Я не успѣлъ проснуться, какъ привалила ко мнѣ толпа Французовъ, Италіянцевъ, Поляковъ, Вестфальцевъ, Баварцевъ, Прусаковъ, Испанцевъ и, Богъ знаетъ какихъ народовъ! Думаю, что эпоха нестроенія Вавилонской башни не производила такого страннаго и жалкаго смѣшенія языковъ. Каждый не говорилъ, а стоналъ на своемъ нарѣчіи; всѣ проклинали Буонапарта, виновника ихъ бѣдствій. Одинъ сказалъ мнѣ: »братъ мой, послѣдняя подпора шестидесятилѣтняго отца, погибъ въ горахъ Гишпаніи; а я осужденъ найти себѣ могилу въ Русскихъ снѣгахъ.« Другій: »освободясь отъ трехъ конскрипцій деньгами, не избѣгнулъ я четвертой — и теперь, въ удаленіи отъ оливъ роднаго Лангедока, въ разлукѣ съ семействомъ и милою невѣстою, гляжу съ ужасомъ на приближеніе смерти.« Третій: »не нуженъ ли вамъ хорошій кучеръ? я управлялъ шестеркою коней у Министра Финансовъ и игралъ не по-

слѣднее лице въ конюшнѣ и тайной *пріемной* Его Превосходительства. Четвертый: »парикмахеры нравоучители въ Россіи неизвѣстны; а я, обладая искусствомъ убирать волосы, могу преподавать за туалетомъ Эпикурову философію. Въ Парижѣ былъ я въ славѣ; если же у васъ не перестанутъ подражать обычаямъ первой столицы міра, то...« Бѣднякъ не договорилъ, увидѣвъ въ рукахъ моего хозяина кусокъ хлѣба. Какой-то Нѣмецъ брался развесть у Русскихъ картофель и научить ихъ находить вкусъ въ супѣ изъ костей. Стоявшій подлѣ Нормандецъ божился, что подъ надзоромъ его Русскій барченокъ въ шесть мѣсяцевъ будетъ совершеннымъ Парижаниномъ. Сыскался одинъ Гасконецъ, который, требуя только года времени, нѣсколькихъ милліоновъ рублей и, кажется, тысячь пяти сотъ войска, обѣщался привезть Наполеона въ Москву въ желѣзной клѣткѣ. Всякій предлагалъ свои услуги и хотѣлъ въ награду одного куска хлѣба и теплаго угла. Ужасно было смотрѣть на странную ихъ одежду, едва прикрывающую наготу тѣла, на черныя, задымившіяся лица ихъ, на томные и вмѣстѣ страшные взоры, въ которыхъ, казалось, потухала жизнь и водворялись мученія ада! Не возможно пробыть съ ними пяти минутъ въ одной комнатѣ, такъ силенъ смрадъ, проис-

ходящій отъ смѣси дыму съ пищею лошадинаго мяса. Если бы не принимали всѣхъ возможныхъ мѣръ для предохраненія жителей отъ заразы и если бы зима, съ жестокими морозами своими, не пришла къ симъ предосторожностямъ на помощь; то чума со всѣми ужасами посѣтила бы неизбѣжно края сіи.

Къ чести Русскаго гостепріимства и человѣколюбія, хозяинъ мой, не смотря на злорѣчивые толки, пренебрегая страхомъ сдѣлаться больнымъ, взялся быть благодѣтелемъ погибающихъ. Незнакомый съ древними школами, не считая себя членомъ ни одной изъ новѣйшихъ, послушный только нравственности, чистой, не искаженной предразсудками, и повинуясь природному чувству сопраданія, онъ потушилъ въ душѣ своей чувство мщенія, и помня, что врагъ перестаетъ быть таковымъ, когда обезоруженъ и слабъ, онъ дѣлалъ добро всякому, кто только требовалъ его помощи. »Несчастные довольно уже наказаны гнѣвомъ Божіимъ« — говорилъ онъ, собирая къ себѣ злополучныхъ плѣнниковъ. Онъ согрѣвалъ ихъ, кормилъ, одѣвалъ, лѣчилъ и наконецъ отпускалъ ихъ въ печальное странствованіе. Стараніями его оживленные узники, осыпая его тысячью благословеній, благословляли съ нимъ вмѣстѣ имя Русское. »Если хотя одинъ изъ насъ возвратится въ свое семейство« — го-

ворили они, разставаясь съ нимъ со слезами — »то заклянемъ дѣтей и весь родъ нашъ почитать за роднаго всякаго Русскаго, котораго жребій войны пошлетъ на поля наши; заклянемъ ихъ облегчать для него узы плѣна всѣми жизненными выгодами и усладить для него разлуку съ Отечествомъ утѣшеніями дружбы и братства.«

Хвала и слава имени Русскому! на бранныхъ поляхъ гремитъ онъ побѣдами; въ мирныхъ хижинахъ цвѣтетъ состраданіемъ. Хвала вамъ, сердца чувствительныя! Герою восплещетъ народъ среди шумныхъ торжествъ своихъ; человѣка благодѣтельнаго вспомянутъ несчастные въ молитвахъ своихъ у престола Бога.— Можетъ быть, найдутся люди, которые истолкуютъ въ худую сторону дѣянія Рославскаго купца; но чистаго совѣстію оправдаетъ Сердцевѣдецъ.

»Вы не видѣли еще человѣка на послѣдней степени уничиженія,« сказалъ мнѣ хозяинъ: »пойдемте по городскимъ улицамъ, я покажу вамъ его, и вы ужаснетесь!« — Въ самомъ дѣлѣ, что увидѣлъ я, вышедши изъ дому?... Волосы становятся дыбомъ; сердце замираетъ отъ ужаса, и перо на силу повинуется мнѣ для изображенія человѣка, истощившаго милости Творца и наконецъ всѣмъ гнѣвомъ Его постигнутаго. Поруганные храмы,

разграбленныя и попаленныя жилища, обезчещенныя жены и дѣвы, лишенные пріюта сироты и старцы требовали отъ Небесъ мщенія, и Небеса послали его наконецъ въ примѣръ вселенной. Всѣ бѣдствія войны, всѣ ужасы Природы стеклись вмѣстѣ, чтобы пасть разомъ на главы преступниковъ: бѣгство, голодъ, морозъ и всѣ возможныя потери соединились въ одно неслыханное доселѣ наказаніе. Безсмысленныя твари не были никогда такъ унижены, какъ человѣкъ въ мрачную сію эпоху. Гляжу вокругъ себя со страхомъ, и вижу людей въ самыхъ мучительныхъ положеніяхъ. Одинъ, въ женской изорванной одеждѣ, ползетъ на колѣняхъ и локтяхъ; другой, полунагій, шедши падаетъ на взничь окостенѣлый; третій грызетъ лошадиную ногу; четвертый съ обезображеннымъ лицемъ вылѣзаетъ изъ-подъ развалинъ. Пятый отъ слабости присѣлъ у порога хижины: снѣгъ клоками падаетъ на обнаженную грудь его; всѣ члены его трепещутъ отъ конвульсій; видно, что онъ борется еще со смертію. Онъ вспоминаетъ отца, мать, любезныхъ сердцу, милое отечество; уста его произносятъ еще имя Бога. Слышу послѣдній вздохъ жизни — и содрогаюсь отъ ужаса!... Нѣтъ средствъ помочь тѣмъ, которымъ сама Природа отказала въ помощи. Люди сострадательные, находя сихъ несчастныхъ на ули-

цахъ, обогрѣвали ихъ и насыщали за обильною трапезою, но не въ состояніи уже были возвратить многимъ изъ нихъ истощенной жизненной силы.

Вотъ подобный мнѣ человѣкъ! вотъ Царь земли! — сказалъ я самъ себѣ, и съ мрачными мыслями, съ чувствомъ унынія возвратился домой. — Бѣдное человѣчество!...

Придите разсѣять черныя мечты моего воображенія вы, благодѣтели рода человѣческаго! И вы, умы безсмертные, посѣтите меня въ моемъ уединеніи. Титы, Маркъ-Авреліи, Генрихи, Петры, Екатерины, Пожарскіе, Сократы, Невтоны и Державины! окружите меня Геніемъ добра, ума и великихъ дѣлъ вашихъ. Да забуду въ вашей бесѣдѣ, какъ можетъ быть униженъ человѣкъ, и стряхнувъ съ него прахъ земнаго рабства, да возвышу его снова до безмертнаго величія вашего!

Мѣстечко Шкловъ, 11 Ноября. Вотъ и Шкловъ! сказалъ я съ съ восторгомъ, переѣзжая широкій Днѣпръ, на берегу котораго сидитъ самое мѣстечко. Ни одинъ путешественникъ— знакомый и неизвѣстный, знатный и безчиновный, богатый и бѣдный — не имѣлъ свободы проѣхать через Шкловъ, не завернувъ къ знаменитому его обладателю. Ни одинъ гость

не выѣзжалъ изъ него, не заплативъ дани удивленія богатству и вкусу, съ которымъ его угощали, не принесши дани уваженія и благодарности тому, который всѣ непріятности пышнаго вельможи умѣлъ прикрывать какою-то очаровательною любезностію и ласками своими. Здѣсь была столица роскоши и удовольствій. Все, что богатства въ союзѣ съ умомъ и вкусомъ произвести въ состояніи; все, что Природа создать и искусства украсить могутъ; все, о чемъ только нѣга, обильная выдумками, мечтать и что совершить она можетъ: было собрано въ цвѣтущемъ Шкловѣ. Сюда щедроты благодѣтельнаго вельможи призвали Музъ вмѣстѣ съ богомъ войны и здѣсь основали имъ пріятное жилище. Въ здѣшній Кадетскій Корпусъ со всѣхъ сторонъ Россіи и Польши стекались тысячами благородные юноши. Тутъ науки просвѣщали умы и сердца ихъ, искусства ихъ украшали и чистая нравственность образовала; всѣ вмѣстѣ производили полезныхъ Отечеству мужей и доставляли ей славныхъ защитниковъ. Здѣсь жилъ наконецъ любимецъ фортуны, окруженный уваженіемъ тысячей чужестранцевъ и единоземцевъ, прелестями и ласками роя Грацій, блескомъ, шумомъ и красотою строевъ конныхъ и пѣшихъ кадетовъ, пышностію и веселостями *двора* своего, благодарностію имъ

осчастливленныхъ, однимъ словомъ, здѣсь жилъ *Зоричь!* — Зоричь болѣе не существуетъ и съ нимъ пересталъ *жить* Шкловъ. Это нынѣ — обыкновенное Польское мѣстечко, въ которое богатые Жиды, худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, или испорченнымъ Русскимъ, приглашаютъ путешественника, и изъ котораго низкія, неопрятныя корчмы заставляютъ его скорѣе удалиться.

Г. Борисовъ, 14 Ноября. Путь отъ Рославля до Борисова усѣянъ мертвыми тѣлами, которыя представляются глазамъ въ разныхъ ужасныхъ видахъ. Никого не встрѣчаешь на дорогѣ сей, кромѣ изуродованныхъ морозами воиновъ *великой арміи* въ женскихъ, крестьянскихъ, жидовскихъ и другихъ странныхъ одѣяніяхъ. Первый разъ въ жизни вижу печальный маскерадъ. Сожженныя корчмы, опустошенныя деревни и бродящіе около развалинъ своихъ съ *палашемъ при боку* Шляхтичи, ограбленные великими своими избавителями — Французами: вотъ предметы, которые повторять не слишкомъ пріятно! Около Борисова и въ самомъ городѣ любовался я трофеями Русскихъ. На поляхъ сихъ, въ сихъ оградахъ довершено сокрушеніе сильнѣйшей арміи (какой никогда не существовало), носившей ужасъ отъ дворца Эскуріальскаго до стѣнъ Кремлевскихъ. Предводившій

ее Геній, пріучившій самую смерть страшиться его, дававшій законы Царямъ и признававшій власть Бога только на небесахъ, бѣжитъ теперь безъ души отъ горсти преслѣдующихъ его козаковъ. Можно сказать, что онъ такъ утомилъ фортуну своими безпрерывными успѣхами въ дедалѣ кабинета и на чистомъ ратномъ полѣ, что она вдругъ отказалась служить ему. Справедливѣе прибавить должно, что онъ утомилъ терпѣніе Небесъ до того, что онѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ излили на него весь гнѣвъ свой. — Чѣмъ-то кончится его военное и политическое поприще? Будетъ ли онъ умѣть, воспользовавшись ужаснымъ урокомъ, загладить свои ошибки и преступленія? Познаетъ ли себя виновнымъ предъ судомъ людей и Неба, и замѣнитъ ли ненасытную страсть честолюбія истинною любовію ко благу своего народа и спокойствію общему? Какого имени удостоится онъ отъ будущихъ поколѣній? — *Намъ*, до сего часа, предоставлено дать ему только тѣ имена, на какія могутъ имѣть право дѣянія, противныя законамъ чести, справедливости и любви къ ближнему, — дѣянія, которыя должны питать въ душѣ нашей одно чувство ненависти и потушить въ ней всякое доброе чувство, прежде возбужденное его полезными Франціи трудами и военными подвигами.

Хотѣлъ бы перомъ военнаго наблюдателя начертать планъ Борисовскаго дѣла; желалъ бы удержать въ моей записной книгѣ распоряженія полководцевъ, содѣйствовавшія наиболѣе къ успѣху побѣды или къ замедленію ея, уловить минуту, которой покорствуя Геній, рѣшаетъ судьбу битвы, — съ холоднымъ, терпѣливымъ безпристрастіемъ разобрать ошибки, которыя были вскорѣ исправлены, или сопровождались важнѣйшими послѣдствіями. Но возможность слишкомъ часто не соглашается съ доброю волею. Кругъ обозрѣній частнаго Офицера тѣсно ограниченъ: онъ не простирается далѣе его дивизіи или, много, корпуса. Свѣденія почерпаетъ онъ: или на самомъ полѣ сраженія, гдѣ онъ дѣйствуетъ на чертѣ, ему назначенной, и не видитъ, что дѣлается на другихъ; или въ кругу товарищей, разсказывающихъ ему о томъ, что около нихъ происходило; или въ общемъ мнѣніи, которое иногда бываетъ худый судья и цѣнитель нашихъ дѣлъ. Соображаясь съ подобными свѣденіями, онъ дѣлаетъ по нимъ свои сужденія, и не рѣдко ошибается. Таково положеніе наше, когда, не имѣя вѣрныхъ источниковъ, хотимъ пощеголять замѣчаніями на счетъ стратегическихъ *линій* и *пунктовъ* какого нибудь сраженія. За грубыя ошибки достается намъ, какъ обыкновенно достается

въ подобныхъ случаяхъ мирнымъ героямъ кабинета отъ полевыхъ героевъ: награда извѣстная — смѣхъ сожалѣнія! Воспользываясь собственнымъ моимъ замѣчаніемъ, упомяну только о томъ, что къ намъ ближе и извѣстнѣе. Скажу, что соображенія Главнокомандующаго, доставившія намъ безчисленные трофеи, не могли быть съ большею тонкостію и мудростію обдуманы; что Генералъ Милорадовичь, пріобыкшій первый встрѣчать и первый провожать непріятеля, всегда собирать вѣнки и щедро раздавать ихъ своимъ сотрудникамъ, Герой всегда отважный и счастливый, острилъ на враговъ смертоносные штыки своихъ гренадеръ; что готовился славно вспомоществовать ему дальновидный и храбрый Генералъ Ермоловъ съ военными *товарищами*; но что Судьба не дозволила *вполнѣ* совершиться начертаніямъ вождя Русскихъ войскъ и рвенію сподвижниковъ его, уберегая конечно хищника престоловъ и нарушителя правъ народныхъ для жесточайшаго наказанія.

Г. Минскъ, 20 Ноября. Первый городъ отъ самой Калуги, въ которомъ можно засыпать розами наслажденія протеченный путь, усѣянный ужасами смерти и безпокойствами жизненными! Здѣсь имѣешь уже способы попѣ-

жить взоры и вкусъ; здѣсь наконецъ эпикурействують наши сѣверные Герои послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ стоической школы.

Я вступилъ въ Польшу, и не вижу еще Польскаго города. Кто здѣшніе обитатели? — Жиды. Къ кому прибѣгнуть для покупки, или продажи? — къ Жидамъ. Гдѣ найдешь здѣсь художниковъ и мастеровыхъ? — между Жидами. Они продадутъ, купятъ, сдѣлаютъ, сыщутъ и доставятъ все, что только продать, купить, сдѣлать и сыскать можно. Вся торговля и промышленность, всѣ искусства и художества платятъ богатую дань оборотливымъ и проворнымъ Евреямъ, — и золото Польши большею частію сыплется въ широкіе ихъ карманы. Въ удѣлъ природнымъ ея обитателямъ достались: воздѣлываніе земли и защищеніе ея. Они питаютъ и обороняютъ чуждый народъ, который, спокойно сидя въ своихъ конторахъ, лавкахъ, мастерскихъ и корчмахъ, собираетъ съ нихъ же деньги и ихъ же обманываетъ.

Зеленая корчма подъ Вильною, 1 Декабря. Сладкія мечты воображенія! куда переносите вы меня изъ дремучихъ лѣсовъ Литвы, изъ

мрачной корчмы Польской?... Ахъ! вы переселяете меня на мѣста, сердцу драгоцѣнныя — на милую родину!

Сижу теперь въ семейномъ кругу почтеннаго Русскаго дворянина. Шумитъ буря; мятель засыпа́етъ о̀кна мирной обители и возноситъ около нее снѣжные валы. Но завывающая буря и крутящійся въ снѣгахъ вихорь насъ не ужасаютъ; мы сидимъ у разложеннаго въ каминѣ огня и любуемся розовымъ пламенемъ, порхающимъ по угольямъ. Дрожащій старецъ, глава семейства, разсказываетъ намъ, какъ Задунайскій унизилъ Чалму, какъ Италійскій сломилъ рога буйной Прагѣ и каралъ на горахъ Альпійскихъ учителей въ искусствѣ военномъ. Другой, ближайшій родственникъ дому, повѣствуетъ о мудрыхъ дѣяніяхъ Екатерины, о великихъ мужахъ Ея вѣка и золотомъ Ея царствованіи. Двѣ замужнія женщины, цвѣтущія душевною и тѣлесною красотою, и племянницы ихъ, числомъ и прелестями Грацiи, слушаютъ со вниманіемъ разсказы почтенныхъ лѣтами и опытностію родственниковъ. Вся душа ихъ, кажется, во взорахъ и на устахъ красноречивыхъ повѣствователей. Старики вдругъ умолкаютъ. Розовое пламя умираетъ мало по малу; Ангелъ тишины и унынія пролетаетъ надъ нашимъ кругомъ. Долго царствуетъ глубокое спокойствіе;

наконецъ оно прерывается общими жалобами на разлуку. Тѣ сѣтуютъ о супругахъ, другія о любезныхъ братьяхъ, третьи о сыновьяхъ, препорученныхъ битвамъ и славѣ отечественной войны. Одна изъ прелестныхъ не смѣетъ и роптать вслухъ на горестную свою участь; тихій вздохъ вылетаетъ изъ груди ея, — и этотъ вздохъ принадлежитъ милому ея жениху. »Гдѣ-то теперь любезные сердцу нашему? укрыты ли отъ бурь и непогоды? живы ли, здоровы ли они? думаютъ ли объ насъ въ странахъ чуждыхъ, отдаленныхъ?« говорятъ онѣ — все снова умолкаетъ, снова та же мертвая тишина царствуетъ. Вдругъ слышны слабые звуки колокольчика—слышны, и теряются въ отдаленіи. Но звуки ближе, ближе, уже на дворѣ, уже у крыльца.... Прелестныя летятъ изъ комнаты, и скоро возвращаются — съ военными вѣдомостями въ рукахъ. Всѣ садятся по мѣстамъ. Отецъ семейства трепещущею рукою берется за газеты, надѣваетъ очки, возводитъ взоры къ Небесамъ и читаетъ: »Въ незабвенный день К.... битвы Ротмистръ А...« Это внукъ мой! — говоритъ старецъ дрожащимъ голосомъ. — Это нашъ братецъ! Ради Бога, продолжайте, дѣдушка! — восклицаютъ прекрасныя. — Это онъ, — съ сердечною боязнію шепчетъ милая невѣста. Ста-

рецъ, повинуясь прелестнымъ родственницамъ, повинуется сердцу своему. »Ротмистръ А..., видя, что Французская батарея, наведенная на лѣвое наше крыло, вырывала сотни жертвъ изъ твердыхъ рядовъ и приводила въ опасность жизнь многихъ Генераловъ, вызвался летѣть со ввѣреннымъ ему эскадрономъ на батарею сію, и поклялся честію своею уничтожить адское ея дѣйствіе. Честь Русскаго Офицера священна—и предложеніе его принято съ удовольствіемъ. Громы батареи ужасно грянули — еще разъ грянули.... и вдругъ умолкли! Ротмистръ былъ уже на ней, привелъ въ замѣшательство ея защитниковъ, захватилъ большую часть ея орудій, и покрытый ранами и славою, возвратился къ своему мѣсту. Самъ Фельдмаршалъ встрѣтилъ его съ поздравленіемъ и собственною рукою надѣлъ на него Георгіевскій крестъ.« — — — —

— Эй! корчмарь! — Еврей! — водки!... — Я хотѣлъ было продолжить мое пребываніе въ кругу любезнаго семейства, хотѣлъ представить радость дѣда и милыхъ внучекъ; думалъ описать черту мужества и великодушія другихъ родственниковъ; но принужденъ теперь возвратиться скорѣе въ дремучіе лѣса Литвы, въ бѣдную Польскою корчму и сказать воображенію: остановись!

Сей часъ пришли сюда два Русскіе Офице-

ра, которые самымъ *страннымъ* голосомъ требуютъ водки. Одинъ изъ нихъ бьетъ по столу грозно нагайкою; другой, называя себя какимъ-то Княземъ (конечно Татарскимъ), тормошитъ немилосердо корчмаря Жида и жену его, потомъ дѣлаетъ съ нимъ мировую за стаканомъ водки, ссорится за другимъ и бьетъ его за третьимъ. Одинъ подходитъ ко мнѣ съ вопросами: что я за человѣкъ? не Французскій ли шпіонъ? . . . Я смотрю на него съ удивленіемъ; потомъ съ сожалѣніемъ усмѣхаюсь, пожимаю плечами и продолжаю писать.

Пускай въ семействѣ Русскаго дворянина скажутъ, прочтя нѣкогда мои записки: »дай Богъ, чтобъ ни одинъ изъ сихъ Офицеровъ не былъ моимъ братомъ и даже дальнимъ родственникомъ!« Объ невѣстѣ и говорить не нужно: какая дѣвушка, хотя бы она не имѣла ничего, кромѣ своей души, хотя бы она была дочь простаго ремесленника — какая дѣвушка согласится дать руку подобному господину? . . .

Воспитаніе есть лучшее украшеніе воина. Званіе его, давая ему особенныя преимущества, не присвоиваетъ ему права быть грубымъ, необходительнымъ и жестокимъ; напротивъ того добродушіе, любезность и чувствительность должны быть вплетены въ

вѣнокъ его вмѣстѣ съ мужествомъ, твердостію духа и пренебреженіемъ всѣхъ опасностей. Грозный, какъ левъ, среди волненій шумящей битвы, кроткій, любезный и сострадательный въ мирной хижинѣ — вотъ отличительныя черты истиннаго воина!

Г. Вильна, 12 Декабря. Исполнился *обѣтъ* Государя противъ неожиданныхъ бурь судьбы ополчившагося твердостію духа и увѣренностію въ любви къ Нему сыновъ Его; услышаны Небесами молитвы вѣрнаго Ему народа, среди мірскихъ превратностей сохранившаго свои коренныя добродѣтели и нравы; увѣнчались успѣхами мужество и труды войска Его, великаго на бранныхъ снѣгахъ и на пепелищахъ родныхъ хижинъ: — *не осталось уже ни одного врага на лицѣ любезнаго Отечества!* Красуйся, цвѣти, величайся снова, Россія! но въ красотѣ, богатствѣ и славѣ твоей не забудь начертать на скрижалахъ вѣчности Имя Монарха, Своею твердостію отстранившаго твое уничиженіе; не оставь врѣзать въ нихъ клятву Его: *не положить оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ* твоихъ предѣлахъ. Пускай сыны наши, величаясь именемъ Русскаго, въ

благородной гордости повѣствують сынамъ и внукамъ своимъ о Томъ, Кому обязаны они благополучіемъ ходить по вселенной съ возвышенною головою и смѣлыми очами! Пускай дѣянія Его будутъ первымъ лепетаніемъ младенца, начальными предметами воспитанія юноши, любимымъ разговоромъ мужа и послѣднимъ у гроба воспоминаніемъ старца! Пусть память Александра I со слезами благодарности въ роды родовъ благословляется, и любовь къ Нему на сердцахъ народныхъ вознесется къ престолу Бога!

Бѣдные остатки непріятельской арміи бѣгутъ уже за Нѣменомъ. Мы начинаемъ дышать воздухомъ счастія; отдыхая здѣсь, мы веселимся—веселимся тѣмъ болѣе, что отголоски нашихъ торжествъ и радостей отдаются скоро въ сердцѣ любезнаго Отечества. Къ дополненію счастія сего, съ нами Князь Смоленскій, утомленный побѣдами, отдыхающій здѣсь на лаврахъ, собранныхъ съ полумилліона враговъ. »Иди спасать Россію,« сказалъ ему Монархъ въ Петровомъ градѣ, и повторили то сердца народа. »Ты спаситель Россіи!« — говоритъ ему нынѣ Государь въ Вильнѣ, и благодарное Отечество поздравляетъ его симъ именемъ, и вселенная имъ уже Кутузова привѣтствуетъ! Что долженъ ощущать Свѣтлѣйшій, видя къ нему

явныя милости Небесъ, благоволеніе Государя и любовь ввѣренныхъ ему войскъ; внимая благодарности Россіи, привѣтствіямъ міра и тайному отзыву собственнаго сердца, говорящаго ему, что ни одинъ побѣдитель не всходилъ на подобную высоту славы?... Онъ восхищается въ душѣ своей, и восхищеніе дѣлитъ съ сотрудниками-героями. Къ довершенію нашего блаженства, Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Вильну (вчерашняго числа). Минутныя бѣдствія Отечества, труды и опасности военныя, собственныя потери, болѣзни и несчастія — все забыто въ рядахъ храбрахъ, восхищенныхъ пріѣздомъ любимаго Монарха. Одинъ взоръ Его освѣтилъ мрачное прошедшее; одинъ *мигъ* покрылъ *годы!*

Вильна торжествуетъ прибытіе Государя. Душамъ обыкновеннымъ сродно мщеніе; но великодушный Александръ мститъ Вильнѣ одною милостію и благодаритъ ее за радостныя привѣтствія. Весь городъ блистаетъ разноцвѣтными огнями; вездѣ свѣтло снаружи — каково-то внутри?... На ратушѣ отличается отъ многихъ другихъ прозрачныхъ картинъ изображеніе Генія Россіи, карающаго толпу Галловъ, и надъ нимъ парящаго съ лавровымъ вѣнкомъ двуглаваго орла. Говорятъ, что подобное изображеніе, съ лес-

шными для Наполеона перемѣнами, укрыша-
ло то же зданіе, когда честолюбецъ, прико-
вавъ Поляковъ къ колесницѣ своей, огнемъ
войны освѣщалъ путь свой въ Россію. По-
слѣдуя великому примѣру, мы не хотимъ се-
го слышать, забываемъ прошедшее и радуемся
отъ души настоящему.

На дняхъ Государь Императоръ удосто-
илъ Своимъ присутствіемъ балъ, данный Свѣт-
лѣйшимъ для Русскихъ Офицеровъ и Польскаго
дворянства. Встрѣча достойна была Высокаго
Гостя и хозяина-героя. Государь, входя въ залу,
невольно наступилъ ногою на Французскія зна-
мена, изъ которыхъ (такъ я слышалъ) одно
держалъ самъ Фельдмаршалъ и при входѣ Ве-
ликаго Посѣтителя невидимо преклонилъ изъ-за
дверей *. Знамена сіи на дняхъ отбиты у непрі-
ятеля. Говорятъ, что Императоръ былъ во-
схищенъ сею встрѣчею и обнималъ Фельдмар-
шала, подарившаго Его такимъ неожиданнымъ
торжествомъ. Польскія дамы разсказываютъ
также съ восторгомъ, что Князь въ сей ве-
черъ былъ съ ними любезенъ до безконечно-
сти. »Не однихъ лавровъ достоинъ Кутузовъ,«
говорили онѣ: »мы готовы поднесть ему вѣн-

* Прекрасный предметъ для картины!

ки изъ лучшихъ розъ и миртъ, сорванныхъ въ цвѣтникахъ Польскихъ.«

Тамъ же, 14 Декабря. Вильна покоится въ долинѣ, окруженной высотами и пересѣкаемой рѣками Вильею и впадающею въ нее Вилейкою. Городъ не обширенъ, но красивѣе, многолюднѣе и живѣе многихъ губернскихъ городовъ Россіи. Сообщеніемъ окружныхъ водъ съ Балтійскимъ моремъ торговля здѣшняя процвѣтаетъ. Улицы здѣсь не широки; домы порядочной высоты и почти всѣ каменные. Большая часть изъ нихъ, особенно на главныхъ улицахъ, построена подъ одну крышку. Зодчество церквей довольно величественно. Впрочемъ я не видалъ здѣсь зданій, передъ которыми можно бы остановиться съ чувствомъ удивленія.

Достойны здѣсь замѣчанія Университетъ и Домъ Милосердія: одинъ обязанъ существованіемъ своимъ монаху, другой—женщинамъ. Первый основанъ въ 1570 году Епископомъ Валеріаномъ Протазевичемъ, утвержденъ Королемъ Польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, обновленъ и возвеличенъ благодѣтельными щедротами Императора Александра. Второй, учрежденный тѣми, которыя вездѣ и всегда составляютъ лучшую отраду человѣчества, процвѣтаетъ неусыпными ихъ попеченіями. Дѣ-

вушки извѣстнѣйшихъ фамилій здѣшнихъ не стыдятся, обходя весь городъ, просить милостыню для бѣдныхъ, ввѣренныхъ Богомъ доброму ихъ сердцу и относить къ нимъ собранныя подаянія. Чего въ подобныя путешествія не переносятъ нѣжные члены ихъ отъ непогоды, отъ безпокойной мостовой, отъ обязанности сходить въ мрачные, сырые погреба и взлѣзать на чердаки, гдѣ обитаютъ несчастные, требующіе ихъ помощи? За то холодное, убійственное равнодушіе не смѣетъ встрѣтиться съ ихъ взоромъ, симъ краснорѣчивымъ ходатаемъ за человѣчество: — кто не отдастъ послѣдняго за сей умоляющій взглядъ, за одно слово, обворожающее душу вашу?..Путешественникъ, обозрѣвъ здѣшній Домъ Милосердія, не выйдетъ изъ него, не заплативъ сердечной дани симъ благотворнымъ существамъ, посланнымъ на землю для утѣшенія и благополучія нашего.

За городомъ, на острой высотѣ, есть примѣчательный памятникъ древности. Нѣкогда въ развалинахъ зáмка горсть Русскихъ, какъ сподвижники Леонида, защищалась противъ многочисленныхъ войскъ Казимира V, занявшаго уже Вильну Поляками — защищалась геройски, и погреблась подъ бойницами!

---

16 Декабря. Здѣшняя площадь представляетъ каждое утро видъ военной ярмарки. Пестрота и волненіе на ней необычайныя! Тутъ грубые жители Азіятскихъ степей, Татаринъ и Калмыкъ, носятъ на булатныхъ стрѣлахъ своихъ Брегетовы и Нордтоновы часы; тамъ проворный Козакъ ведетъ на грозномъ арканѣ своемъ нѣсколько Англійскихъ лошадей; здѣсь тяжелый Кирассиръ предлагаетъ вамъ Брабантскія кружева и Кашемирскія шали; далѣе живый Егерь мѣняетъ кучу наполеонсдоровъ на Рускія ассигнаціи, или усастый Гренадеръ продаетъ вамъ богатую звѣзду Французскаго Маршала; вездѣ шныряютъ между ими оборотливые Жиды, получающіе всѣ сіи вещи за полцѣны и менѣе. Можно судить по этому торжищу, какъ богата была жатва добычей, мечами собранныхъ съ *непріятелей* на бранныхъ поляхъ.

Нынѣ Вильна окуривается: на всѣхъ улицахъ дымятся пучки соломы для очищенія воздуха и предохраненія города отъ заразы, могущей случиться отъ безсмѣтнаго числа лежащихъ въ округѣ и въ городѣ мертвыхъ тѣлъ. Всякій часъ умираетъ въ гошпиталяхъ и домахъ множество плѣнныхъ разныхъ народовъ: ихъ возятъ каждый день навьюченными санями за Вилью и Вилейку. Благодаря мудрымъ попеченіямъ Правительства, жители и

войска снабжены всѣми средствами для защиты себя отъ прилипчивыхъ болѣзней.

Здѣсь снаряжаютъ нѣсколько сотъ Испанцевъ, одѣваютъ ихъ чисто и тепло, и ведутъ въ Ригу для отправленія оттуда на мѣста ихъ родины. Наполеонъ, въ несправедливо начатой войнѣ, захвативъ ихъ близь Пиренейскихъ горъ, одѣлъ въ свои легкіе мундиры во Франціи и послалъ на снѣга Сѣвера воевать противу Русскихъ. Александръ, во брани Богомъ оправданный, сдѣлавъ ихъ Своими плѣнными, снабдилъ всѣми жизненными выгодами, и возвращаетъ нынѣ родителямъ дѣтей, женамъ супруговъ, любви ея радость, дружбѣ ея утѣшеніе и сыновъ отечеству.

Вильна, 18 Декабря. Отечественная война кончилась; но слава ея должна во всемъ величіи оживиться для нашего потомства. Не довольно, чтобы уста краснорѣчивыхъ старцевъ передали ее дѣтямъ и внукамъ своимъ; мало еще того, чтобы рѣзецъ и кисть по частямъ перенесли ее будущимъ поколѣніямъ, и чтобы перо историка начертало ее на листахъ безсмертія: — ей необходимъ памятникъ, который, смѣясь угрозамъ времени, переселялъ бы ее всю вдругъ во взоры и сердца потомковъ. Блистательный даръ краснорѣчія, неизъясни-

мыя прелести поэзіи, обворожительная власть живописи и ваянія, могутъ сильно дѣйствовать на чувства, науками утонченныя, на умы, просвѣщеніемъ образованные и ко всему изящному приготовленные. Но могутъ ли онѣ имѣть такое вліяніе на умы и сердца простаго народа? Въ состояніи ли тронуть ремесленника, работника и земледѣльца, вышедшихъ изъ рукъ Природы съ чувствами, хотя способными ко всему прекрасному и великому, но необразованными вкусомъ и науками? — Памятникъ отечественной войны долженъ быть краснорѣчивъ для всѣхъ состояній. Надобно, чтобы онъ въ одно время дѣйствовалъ на взоры и душу воина, вельможи, купца и селянина; чтобы всѣ они умѣли *понимать* его величіе и сближаться имъ со славою сей войны. Нужно, чтобы памятникъ сей соединялъ въ одно время мужественныя дѣянія сыновъ Россіи, твердость духа ея Государя и милосердіе великаго Провидѣнія, въ 1812 году столь явно покрывшаго ее щитомъ своимъ. Воины-солдаты и воины-поселяне, защитники Отечества, ожидаютъ сего памятника, какъ свидѣтельства ихъ храбрости, терпѣнія и любви къ родинѣ; Россія проситъ его для Монарха, хранителя ея свободы, имени и величія; народъ, исполненный чистой вѣры, требуетъ его для вѣчнаго воспоминанія милостей Творца и изъявленія

Ему чувствъ благодарности. Какимъ же произведеніемъ искусства исполнятъ вдругъ надежду войска и гражданъ, мольбу Россіи и требованіе народа? — Сооруженіемъ величественнаго храма, посвященнаго имени *Спасителя*, украшеннаго изображеніемъ Государя въ минуту рѣшительнаго Его обѣта; окруженнаго трофеями нынѣшней войны и статуями умершихъ на поляхъ славы Русскихъ героевъ! Москва, какъ славная жертва нынѣшней войны, должна обладать и гордиться симъ богатымъ памятникомъ.

Мысль храма сего принадлежитъ Генералу Кикину. Относя столь справедливо Богу успѣхи и славу отечественной войны сей (не отнимая славы дѣяній отъ войска и Вождя его), со всею основательностію и краснорѣчіемъ описываетъ онъ явныя благодѣянія Небесъ и доказываетъ, что никакой памятникъ не можетъ быть приличнѣе храма во имя Спасителя. Мысль счастливая, исполняющая общія желанія, и достойная быть приведена въ дѣйствіе! Говорятъ, что начертаніе сего храма представлено взорамъ Государя Императора; уже ласкаютъ насъ пріятнымъ для каждаго Русскаго слухомъ, что оно Имъ благосклонно принято и будетъ вскорѣ утверждено *.

* Авторъ имѣлъ счастіе видѣть заложеніе сего храма въ Москвѣ 12 Октября 1817 года.

— 19 Декабря. Неразлучный сопутник Суворова по пути его победъ и красноречивый ихъ повествователь, почтеннейший Е. Б. Фуксъ (находящiйся ныне при Светлейшемъ), читалъ намъ на дняхъ отрывокъ, написанный имъ по случаю подаренной Графинею Анной Алексеевной Орловой Генералу Милорадовичу сабли, по многимъ отношенiямъ драгоценной. Она пожалована была Великою Екатериною покойному Графу Алексею Григорьевичу за победу подъ Чесмою и ныне дочерью его прислана Герою, какъ дань благодарности за огражденiе имъ отъ враговъ праха родителя ея. Въ семъ даре чувство детской привязанности соединилось съ любовiю къ Отечеству — любовiю, бывшею всегда наследственною въ роде Орловыхъ и особенно ими доказанною въ нынешнюю войну безчисленными пожертвованiями всякаго рода. — Здесь нежная дочь явила себя истинною гражданкою. Оправданъ выборъ безсмертной Государыни, и духъ Ея утешенъ!

Мысленно представляю себе тотъ мигъ, въ который нашъ Баярдъ даетъ обетъ передъ лицемъ Неба и войска освятить полученный имъ даръ новыми славными подвигами. Одушевленныя его чувствами воины клянутся водрузить Русское знамя на земле непрiятель-

ской; всѣ взоры обращены къ драгоцѣнному мечу; всѣ уста, кажется, говорятъ:

Веди насъ симъ мечемъ на новый подвигъ бранный!
Въ борьбѣ кровавыхъ битвъ ему пойдемъ во слѣдъ: —
Залогъ, величіемъ и красотою данный,
Вѣрнѣйшій есть залогъ побѣдъ!

— 20. — Часто въ обществѣ военномъ читаемъ и разбираемъ *Пѣвца въ станѣ Русскихъ*, новѣйшее произведеніе Г. Жуковскаго. Почти всѣ наши выучили уже сію піесу наизусть. Вѣрю и чувствую теперь, какимъ образомъ Тиртей водилъ къ побѣдѣ строи Грековъ. Какая Поэзія! какой неизъяснимый даръ увлекать за собою душу воиновъ! Желалъ бы даже спросить Пѣвца, въ какой магіи почерпнулъ онъ власть переносить душу сію, куда онъ хочетъ, и велѣть ей чувствовать по волѣ непостоянныхъ прихотей его?... Захочетъ — и я въ станѣ военномъ, подъ покровомъ яснаго вечера, среди огней бивуака, бесѣдую съ друзьями за круговою чашею о славѣ нашихъ предковъ. Пѣвецъ, настроивъ душу мою къ какому-то унылому о нихъ воспоминанію, вскорѣ ободряетъ ее, говоря, что память великихъ не слезъ, но подражанія достойна. — Велитъ — и я переношу сердце на милую родину,

Страну, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія.
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки:
Что вашу прелесть замѣнитъ? —
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

* *
*

Тамъ все, *и проч.*

Трогательное, сладчайшее воспоминаніе объ Отечествѣ! Какое сердце, въ самомъ дѣлѣ, не дрожитъ, читая сіи стихи? Надобно точно быть въ удаленіи отъ милой родины, подъ непостояннымъ небомъ чуждыхъ земель, среди ужасовъ войны и подъ всегдашнимъ надзоромъ смерти, чтобы живо чувствовать всю прелесть этихъ стиховъ. Кто лучше насъ, бездомныхъ странниковъ, ощущаетъ всю красоту и силу ихъ? Они невольно извлекаютъ слезы и велятъ сердцу вырываться на кровавый пиръ противъ враговъ Отечества и друзей незабвенныхъ!

Всѣ добродѣтели военныя прелестно изображены Поэтомъ: какою неизъяснимою силою влечетъ онъ подражать имъ! какимъ клеймомъ уничиженія означенъ у него малодушный! —

Онъ не принадлежитъ къ собратству храбрыхъ; онъ чуждый всякому Русскому. Хотите ли видѣть изображенiе истиннаго Героя? — Вотъ оно:

Тотъ *нашъ*, кто первый въ бой летитъ
 На гибель супостата;
Кто слабость падшаго щадитъ
 И грозно мститъ за брата!
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
 Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
 Въ среду шумящей брани!
Ему веселье — битвы гласъ!
 Спокоенъ подъ громами;
Онъ свой послѣднiй видитъ часъ
 Безстрашными очами!

Читая изображенiе лучшихъ полководцевъ нынѣшней войны, думаешь, что *Пѣвецъ* въ самомъ дѣлѣ родился въ шумномъ станѣ военномъ, возросъ и воспитывался среди копiй и мечей, сопровождалъ храбрыхъ въ грозныя, кипущiя битвы, замѣчалъ отличительныя черты ихъ мужества, и нынѣ ихъ воспѣваетъ.—Какой воинъ, особенно родившiйся подъ сѣнiю Кремлевскихъ стѣнъ, какой воинъ не вскипитъ огнемъ мужества, внимая восторженному симъ чувствомъ Пѣвцу?—Неувядаемы цвѣты, которые бросаетъ онъ на славныя могилы Кульнева, Кутайцева и Багратiона, и стонущiе надъ ними звуки его лиры столько

же безсмертны, какъ и дѣла ихъ. — Поэту знакомы, конечно, всѣ прелести дружбы: для того-то онъ такъ хорошо описываетъ ее.

— Многіе говорятъ, что чувство сіе болѣе не существуетъ на свѣтѣ: — сдѣлаю въ его пользу небольшое отступленіе отъ предмета моего. — Совѣтую имъ заглянуть въ станъ военный: тамъ вѣрно увидятъ они дружбу, покоющуюся подъ щитомъ прямодушія и чести. Военнымъ не знакома двуличная учтивость; свѣтское притворство чуждо открытой душѣ ихъ; низкое корыстолюбіе было всегда ихъ первымъ врагомъ. Когда храбрый воинъ подаетъ вамъ свою руку, вѣрьте, что онъ подаетъ вамъ тогда сердце свое. Когда онъ говоритъ вамъ: будь мнѣ другомъ! тогда знайте, что онъ, для вашихъ нуждъ готовъ вынуть послѣдній рубль на днѣ своего кошелька; что онъ въ пылу битвъ, не разсуждая объ опасностяхъ, не дѣлая разчисленій, станетъ за васъ грудью, и для сохраненія вашего имени, почтетъ жизнь свою должною жертвою. Оресты и Пилады не чрезвычайныя явленія между военными. Если бы господа новѣйшіе философы потрудились перешагнуть за порогъ мирнаго ихъ кабинета и заглянуть въ дымные бивуаки, гдѣ послѣдній сухарь дѣлится по-поламъ для брата, гдѣ нѣсколько воиновъ защищаю-

тся однимъ соломеннымъ щитомъ отъ бурь и ненастья, и часто однимъ плащемъ согрѣваются; если бы мудрецы сіи послѣдовали за храбрыми въ борьбу грозныхъ битвъ, гдѣ другъ выручаетъ друга изъ объятій смерти: то невольно признались бы они, что священное, великое чувство дружбы еще въ свѣтѣ обитаетъ.

Но любовь — краса, богатство и награда воина — еще прелестнѣе въ устахъ Поэта.

Любовь одно со славой!

Пускай судьба сблизитъ два существа непостижимою тайною взаимности; пускай свяжетъ сердце ихъ узломъ чистыхъ, вѣчныхъ наслажденій, познакомитъ ихъ съ блаженствомъ земнаго и небеснаго рая — и тогда пусть отдѣлитъ одно существо отъ другаго, чтобы препоручить его опасностямъ брани, на защиту милой!

Онъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ!
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды!
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды? . . .

*
* *

Отвѣдай врагъ исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой! . . .
Святый обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

И умереть пріятно за ту, съ которою намъ такъ сладостна была жизнь!

Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть,
Погибнемъ съ наслажденьемъ!

*
* *

Изъ строфы: *Довѣренность къ Творцу*, и слѣдующей за нею, можно составить прекрасный военный катихизисъ. Строфа: *Но свѣтлыхъ облаковъ гряда*, самая картинная! Не льзя изобразить живѣе восходъ зари, часъ передъ битвою, звукъ вѣстоваго перуна, тревогу въ станѣ; не возможно лучше приготовить сердце къ томной безвѣстности будущаго жребія нашего — жребія, который развяжетъ на кровавомъ полѣ узелъ нашей жизни и счастливѣйшихъ ея мечтаній.

Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ разобрать всѣ красоты *Пѣвца*; онѣ безчисленны! Трудъ сей принадлежитъ постоянному обитателю мирнаго кабинета. Довольно сказать, что *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ* сдѣлалъ эпоху въ Русской словесности и — въ сердцахъ воиновъ!

В. А. Жуковскій прибылъ теперь въ Вильну съ главною квартирою; дѣливъ съ защитниками Отечества всѣ трудности нынѣшней войны, онъ дѣлитъ съ ними здѣсь и славу. Мнѣ сказывали, что онъ былъ опасно боленъ,

по что, молитвами Музъ и попеченіями ихъ, лучшій цвѣтокъ Парнасса оживаетъ. — Чего не дѣлаетъ слава? Цѣлая страна, цѣлый народъ плачутъ у болѣзненнаго одра великаго человѣка, между тѣмъ какъ холодный долгъ роетъ каждый день могилы людей безвѣстныхъ, и путникъ съ равнодушіемъ мимо ихъ проходитъ!

Вильна, 22 Декабря. Какъ прелестна Полька! — Покоится ли на роскошнымъ диванѣ: это Венера, ласкающая дитя любви на колѣняхъ своихъ, окруженная Играми, Смѣхами и Нѣгою, въ часъ, когда ожидаетъ къ себѣ величественнаго Марса, или нѣжнаго Адониса! Кружится ли въ мазуркѣ: это милая Флора, играющая съ Зефиромъ! Собираетъ ли милостыню для бѣдныхъ, скрывая родъ и прелести свои подъ флеромъ скромности: это существо, которому въ древнія времена вознесли бы алтари! — Полька одѣвается прелестно. Станъ ея — станъ Нимфы: Купидонъ, во младенчествѣ своемъ, могъ бы окружить его ручонками своими. Посмотрите на ножку ея: она вылита по формѣ ноги Медицейской Венеры; она обута Граціями! Каждое движеніе Польки есть жизнь; каждое изъясненіе ея — душа! Никто скорѣе ея не оживитъ скучнаго общества; никто конеч-

по скорѣе не воскреситъ мертвыхъ чувствованій нелюдима и не образуетъ *по своему* сердца каждаго мущины. Пустите въ кругъ живыхъ Полекъ молодаго человѣка, вышедшаго изъ рукъ Природы неловкимъ, необразованнымъ, холоднымъ къ изящному — и вы увидите, какъ онъ перемѣнится въ школѣ сей; вы увидите, какъ развернутся въ немъ умъ, дарованія и чувства! Не рѣдко случалось, что ненавистникъ мрачныхъ лѣсовъ Польши оставался умирать подъ тѣнію липы, осѣняющей домъ какой нибудь милой Сарматки....

Вотъ портретъ Польки, на-скоро снятый съ природы! Жалѣю, что долженъ его испортить, сказавъ *то*, что я слышалъ о нравственности ихъ. Я повторю здѣсь чужія слова; собственныхъ моихъ замѣчаній на сей предметъ не успѣлъ я еще сдѣлать.

Польки воспитываются для общества, а не для домашней жизни, не для супруга. Кажется, ихъ образуютъ для того только, чтобы блистать въ большомъ кругу, водить за собою толпу поклонниковъ и гремѣть наружными достоинствами. Дѣлать счастіе *одного*, есть удѣлъ немногихъ изъ нихъ. Вѣтренность, непостоянство суть отличительный ихъ характеръ. Нигдѣ нѣтъ столько разводовъ, какъ въ Польшѣ. Сколько здѣсь женщинъ,

которыя, разведясь съ двумя мужьями, выходили за третьяго; сколько такихъ, которыя новыми супругами куплены у старыхъ за высокую цѣну!...

Сказалъ бы болѣе; но всѣхъ *злорѣчивыхъ* толковъ не перескажешь!... Довольно и сихъ черныхъ оттѣнковъ, чтобы испортить мою картину.— — — О истина! за чѣмъ пришла ты своею мрачной кистью замарать блестящія краски, наложенныя мною въ восторгѣ чувствъ моихъ?..

— 24 Декабря. Я долженъ, конечно, благодарить судьбу, указавшую мнѣ нынѣ бросить якорь мой въ Московскомъ Гренадерскомъ полку. Въ Молдавіи его иначе не называли, какъ храбрый Московскій полкъ. Офицеры и солдаты его дерутся, какъ львы. Безсмертный Суворовъ любилъ его: на берегахъ Требіо и подъ стѣнами Нови подарилъ онъ сему Герою и Отечеству Французскія знамена. Базарджикъ еще съ трепетомъ говоритъ о немъ. Бородино видѣло его ужасныя потери и славные подвиги.

По случаю *перевода моего*, я долженъ былъ прибѣгнуть къ Начальнику Главнаго Штаба Генералу Коновницыну. Въ шесть часовъ утра былъ я у него съ бумагами. Дверь кабинета храбраго Генерала не есть дверь пріемной

празднаго вельможи: она отворяется тотчасъ по слову *нужда*. Адьютандъ его, Г. Павленко (достойный находиться при такомъ Начальникѣ) ввелъ меня къ нему немедленно. Если бы я не приготовлялся идти къ извѣстному воину, то подумалъ бы, что пришелъ къ мудрецу: такъ поразило меня умное, тонкое его лице! Нѣтъ, Лафатеръ основалъ науку свою не на однѣхъ мечтательныхъ догадкахъ! Когда вы сокрыли бы для физіономика дѣянія Коновницына во мракѣ неизвѣстности, тогда одна наружность сего Генерала возбудила бы въ душѣ наблюдателя то уваженіе, которымъ Россія уже давно приноситъ дань военнымъ и кабинетнымъ дарованіямъ храбраго искуснаго Полководца и неутомимаго Начальника Главнаго Штаба.

1813.

М. Меречь, 1 Января. Наступилъ новый годъ. Сколько слезъ, сколько благословеній сопровождали старый въ бурномъ его теченіи! Какою же данью почтятъ славный его конецъ? — Приношеніемъ сердечной благодарности къ престолу Вѣчнаго, испытавшаго умы и душу Россіи въ горнилѣ несчастія и поставившаго ее потомъ, во всемъ блескѣ, на неколебимую высоту: да пройдутъ мимо вѣки, и часъ разрушенія міровъ застанетъ ее не измѣнившеюся въ величіи своемъ. Монархъ Россіи первый показалъ примѣръ сей благодарности. Въ маленькомъ мѣстечкѣ Меречѣ, на берегу Нѣмена, Повелитель народовъ и вождь побѣдоносныхъ Его войскъ, въ сердечномъ умиленіи, слагали земное величіе у подножія Царя Царей, и славу протекшаго года приносили Ему въ дань: Богомъ дарованное Богу возвращали!

Всевышнему угодно было неизвѣстное мѣстечко, бѣдный, смиренный храмъ избрать мѣстомъ торжества Своего Могущества и Благости для того, чтобы яснѣе показать всю тщету человѣческаго величія. Началось моленіе, исчезли титлы, земныя отличія забвенны, и человѣкъ предсталъ предъ Лице Творца своего въ ничтожествѣ смертнаго. Мрачная картина прошедшаго представилась его взорамъ; пожары, плѣнъ, болѣзни, самая смерть въ безчисленныхъ видахъ явились предъ него со всѣми ужасами прошедшей войны; онъ увидѣлъ себя въ братьяхъ своихъ, изнемогшихъ подъ бременемъ нуждъ и страданій; онъ узрѣлъ себя въ тысячахъ остововъ, по снѣгамъ разбросанныхъ, и съ чувствомъ уничиженія, со слезами благодарности обратился ко Всеблагому, вынесшему его изъ среды сихъ бѣдствій. — Молитва нынѣшняго дня есть трогательное раскаяніе тѣхъ, которые въ слѣпотѣ своей не постигали Руки Промысла, и чистая, сердечная дань сыновъ, вѣрныхъ Ея опредѣленіямъ.

— Я встрѣтилъ новый годъ въ глухую полночь, на жесточайшемъ морозѣ, среди улицъ бѣднаго Мереча. Главная квартира на силу въ немъ умѣщалась. Ни одного уголка, гдѣ преклонить и согрѣть бы замерзшіе члены мои! Я точно походилъ на странствующаго рыца-

ря печальнаго образа. Санхо-Панса мой считалъ на небѣ ясныя звѣзды, а мои Россинанты уныло смотрѣли на голую, снѣжную равнину. Не знаю, что было бы со мною, если бы конно-гвардейскій вахмистръ, при Свѣтлѣйшемъ находящійся, не отворилъ мнѣ двери своего сердца и бѣдной своей хижины. Входя въ нее, я думалъ, что вступаю въ храмъ, гостепріимству посвященный. Русскій солдатъ угощалъ отъ души Русскаго Офицера. Чайникъ закипѣлъ, и я, казалось, принялъ новую жизнь. Мой Санхо-Панса и лошади мои не были забыты. Теплый уголъ для меня разчищенъ, постлана свѣжая солома и положена подушка, взятая хозяиномъ отъ собственнаго изголовья. Я бросился на роскошную сію постелю и, слушая солдатъ, разсказывающихъ о добротѣ души Свѣтлѣйшаго и о любви ихъ къ нему, заснулъ слаще всякаго Лукулла. По утру хотѣлъ было я, въ знакъ благодарности, сунуть бездѣлицу въ руку добраго вахмистра; но онъ ничего не принялъ, считая обидою платежъ за гостепріимство.

М. Ликъ, 9 Января. Царства, какъ бы отъ сна, пробуждаются. Сѣверная владычица указываетъ имъ на свое величіе, — и Пруссія, одушевленная славнымъ ея примѣромъ, первая дружелюбно протягиваетъ руку Россіи и мо-

липъ ее: да соединясь твердымъ единодушіемъ, сокрушатъ онѣ колоссъ честолюбія, обагренный кровію милліоновъ людей, и на развалинахъ его да воздвигнутъ мирнымъ добродѣтелямъ храмъ, который Небесами сохранится для будущихъ вѣковъ. — Какой народъ не любитъ возстановленія своего имени? какой плѣнникъ, оковами отягченный, не восхищается надеждою свободы? — Великъ народъ, въ трудной борьбѣ съ неровными силами сохранившій всю славу своего имени; почтенъ и тотъ, который, потерявъ сіе имя въ бурю политическихъ обстоятельствъ, при первой благопріятной возможности, спѣшитъ ополчиться всѣми силами и средствами своими для возстановленія его. Справедливый историкъ нынѣшнихъ временъ возвѣститъ потомству, что Россія первая указала Царямъ и Царствамъ путь къ свободѣ и славѣ; — что Пруссія первая смѣло шагнула на пути семъ и посмѣялась игу, которымъ отягчена была вмѣстѣ съ половиною Европы. Уже граждане и воины Прусскіе единогласно кричатъ: миръ съ Русскими; война Французамъ! Уже Король желаніемъ своимъ спѣшитъ, кажется, на встрѣчу требованіямъ войска и народа.

Мы идемъ теперь то Польшею, то Пруссіею. Жители послѣдней принимаютъ насъ, какъ давно жданныхъ друзей. Государь не

успѣлъ ступить на границу Пруссіи, и пріобрѣлъ уже искреннюю любовь здѣшнихъ жителей. Въ городахъ почтенные инвалиды привѣтствуютъ Его отъ души громкимъ: *ура!* граждане называютъ Его своимъ избавителемъ, а прекрасныя женщины усыпаютъ цвѣтами путь скромнаго Побѣдителя. Въ деревняхъ безъ боязни толпятся около Него добродушные поселяне и сопровождаютъ Его своими благословеніями. Въ проѣздъ Императора черезъ Прусскую деревню, одинъ девяностолѣтній старикъ, смотря на Него, залился слезами. О чемъ плачешь ты? — спросили его Русскіе Офицеры. »Плачу отъ радости!« — отвѣчалъ онъ: »Кто видѣлъ Великаго Фридерика подъ Цорндорфомъ, когда онъ велъ нашъ Лихновскій полкъ къ побѣдѣ, и кто видѣлъ Великаго Александра, напоминающаго намъ, что мы Прусаки, тотъ можетъ умереть съ удовольствіемъ.« — Черезъ день старикъ слегъ, въ самомъ дѣлѣ, въ постелю и (такъ разсказывали идущіе за нами) умеръ вскорѣ, какъ померкаетъ тихая заря вечера, сопровождая солнце въ величественномъ его теченіи.

Перейдите рубежъ, раздѣляющій Польшу съ Пруссіею, и новая, пріятная картина представится вашимъ глазамъ. Тамъ много даетъ Природа; здѣсь Природа не скупѣе, но трудо-

любіе умѣетъ къ щедротамъ ея примѣшивать свои награды. Мы простились уже, кажется, съ ужасными лѣсами, въ таинственномъ мракѣ которыхъ терялись подобно древнимъ Друидамъ; простились и со степями, на которыхъ утомленный взоръ насилу находитъ бѣдную деревеньку. Здѣсь напротивъ мало лѣсовъ, и тѣ, которые растутъ, можно назвать не иначе, какъ только рощицами. Поля же такъ населены, что на каждыхъ двухъ верстахъ встрѣчаешь прекрасныя деревни. Почти въ каждой изъ нихъ найдете трактиръ, хотя не богатый, но въ которомъ можно имѣть кофе, хорошее масло съ бѣлымъ хлѣбомъ и порядочные bratwurst, сосиски. Каждый трактиръ имѣетъ свою вывѣску, украшенную разнаго рода живописными и знаками, которыми небеса, земля и воды изобилуютъ. Очень часто оселъ на вывѣскѣ заманиваетъ васъ къ своему обладателю парой стиховъ съ богатыми рифмами, которыя могли бы украсить поэмы новыхъ Третьяковскихъ. Вы видите, что и здѣсь есть ученые между четвероногими. — Деревенскіе домы окружены садами, и выглядываютъ изъ нихъ только бѣлыми трубами своими. Внутренность ихъ совсѣмъ не похожа на внутренность Польскихъ *хатъ*. Какая въ нихъ чистота, какой порядокъ! Изба просторная, очагъ въ ней выбѣленный, посуда

поставлена въ большомъ порядкѣ, въ нѣсколькихъ рядахъ за прибитыми къ стѣнѣ дощечками, составляющими родъ открытаго шкапа; вся кухня въ особенномъ сбереженіи. — Я не нахожу ничего лучше (разумѣется для ѣзды солдатской, а не путешественника) здѣшней ѣзды на крестьянскихъ высокихъ и огромныхъ телегахъ, на которыхъ стелется военная постель — солома. Ихъ везетъ доброю рысью большая, могучая пара лошадей, замѣняющая вамъ шесть или болѣе клячь Польскихъ.

Іогансбургъ, Января. Небольшое мѣстечко! Сей часъ угадаешь по чистотѣ, по выбѣленнымъ домамъ съ крышками изъ черепицы, что мѣстечко это принадлежитъ Пруссакамъ. Новые нравы, новые обычаи, и признаюсь, въ пользу Нѣмцевъ! Я стою теперь у ремесленника. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной мастерская и кухня, въ другой гостиная и спальня нѣжныхъ супруговъ. Внутренность послѣднихъ убрана хорошею мебелью. Ничто не блеститъ въ нихъ, но всякая вещь нравится глазамъ, потому что всякая вещь на своемъ мѣстѣ, каждая бездѣлица показываетъ искусство, трудолюбіе и порядокъ. На стѣнѣ висятъ часы, напоминающіе обитателямъ дома о времени работы и отдохновенія.

У дверей стоитъ *скромный* клавесинъ и ожидаетъ, чтобы прелестные пальчики хозяйки дали ему жизнь и душу. На окошкахъ въ глиняныхъ вазахъ цвѣтутъ резеда и гвоздика; въ уединенномъ углу комнаты отдергиваю маленькую зеленую занавѣсь, и нахожу Библію, Молитвенникъ, Геснера и Гёте. На стѣнахъ висятъ картины, представляющія разныя черты изъ жизни любимаго Короля Прусскаго. Тамъ *Великій* Фридерикъ съ проницательными взорами, съ длинною косою за плечами, на бѣшеномъ конѣ разъѣзжаетъ по полямъ Росбаха и даритъ заранѣе полки свои побѣдою. Здѣсь видите, какъ непріятельскій Пандуръ прицѣлился въ него; но примѣтивъ, что Король хладнокровно грозится на него своею тростью, онъ опускаетъ ружье и становится неподвижнымъ отъ страха. Вотъ и прелестная Королева Луиза: она улыбается вамъ улыбкою Ангела. Тутъ не забытъ и Суворовъ нашъ, переходящій Чертовъ мостъ. Не удивляюсь, находя образъ его въ почтеніи у чужеземцевъ. — Великіе люди принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ!

Не требуйте къ себѣ хозяина дома. Онъ сидитъ въ своей мастерской и не безпокоится ни о чемъ, какъ о работѣ своей. Нахлобучивъ колпакъ на голову, въ кожаномъ своемъ фартукѣ, не выпуская трубки изо

рша, протягивая иногда руку къ огромному стакану пива, передъ нимъ неизмѣнно стоящему, флегматически распѣвая любимую пѣсенку, онъ въ опредѣленные часы трудовъ глухъ, слѣпъ и нѣмъ для всего посторонняго. Поработаю нѣсколько времени больше обыкновеннаго — думаетъ Русской — и заготовлю *хлѣбосольцамъ* моимъ болѣе мяса, меду и браги! Лишній часъ труда — говоритъ Нѣмецъ — и лишнее украшеніе въ моей комнатѣ! Но вотъ дочь хозяина, миловидная Нѣмочка, въ бѣломъ платьецѣ, завѣшенномъ чернымъ тафтянымъ передникомъ. Нуженъ ли вамъ кофе? — и прелестная подаетъ вамъ его съ бѣлымъ прекраснымъ хлѣбомъ. Настаетъ ли часъ обѣда? — и та же красавица поспѣваетъ на кухнѣ, помогаетъ матери въ стряпаньи, накрываетъ на столъ, снова сбѣгаетъ на кухню, въ погребъ, и потомъ безъ суеты, безъ разсѣянности, угоститъ васъ, какъ не льзя лучше. Она же послѣ обѣда сыграетъ вамъ на клавесинѣ отзывную Тирольскою пѣсню, или какой нибудь пріятный вальсъ; потомъ сядетъ за рукодѣлье, или побесѣдуетъ съ героями любимыхъ ея романистовъ, Коцебу и Лафонтена; а вечеромъ — готова на балъ!

Вотъ каковы дочери Нѣмецкихъ ремесленниковъ! Вы удивляетесь? Но послѣдуйте за мною на балъ, который даетъ Принцъ Ме-

кленбургскій Карлъ прекрасному полу Іогансбурга, и вы принесете новую дань удивленія къ ногамъ милыхъ Нѣмочекъ. Здѣсь не разсылаютъ просительныхъ билетовъ, не нужно мучить толпу слугъ для раздачи ихъ по домамъ; но довольно двухъ, трехъ увѣдомительныхъ словъ Бургомистру, довольно сказать: Русскіе Офицеры просятъ городъ на балъ — и неприхотливое общество города у васъ на вечеринкѣ въ назначенный вами часъ. Почетныя семейства Ландрата и Бургомистра, Пасторскія дочери, дочери здѣшнихъ купцовъ и ремесленниковъ, двѣ, три дѣвушки изъ уѣзда съ матерями своими или родственницами, составляютъ не блестящее, но пріятное общество сіе. Всѣ такъ пристойно, съ такимъ вкусомъ одѣты, такъ ловко танцуютъ, такъ умно васъ занимаютъ, что вы забудетесь и станете мечтать, что находитесь въ порядочномъ кругѣ Московскомъ. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, принадлежащія къ семействамъ начальниковъ уѣзда и города, говорятъ очень хорошо по *Французски* *. Но что вообразите вы о дочери какого нибудь сѣдельника, или портнаго, когда Русскій Генералъ въ нѣсколькихъ звѣздахъ подниметъ

* Упоминаю о Французскомъ языкѣ для *тѣхъ*, которые считаютъ его за главное достоинство образованнаго человѣка.

се на танецъ? Вы думаете, что она оторопѣла, смѣшалась отъ застѣнчивости, не знаетъ, что дѣлать, что сказать ему? Напротивъ, она сама заводитъ съ нимъ разговоръ, находитъ случай изъявить ему свою благодарность, вплетаетъ туда же какую нибудь милую похвалу Героямъ Сѣвера, умѣющимъ побѣждать и веселиться, и очаровательною силою переноситъ его въ царство любезности. Еще повторяю: вотъ каковы Нѣмки! Мы только что успѣли ихъ узнать, и уже въ восхищенiи отъ нихъ!

Цѣхановъ, Января. Опять въ Польшѣ! Гдѣ скрыться отъ роя Жидовъ, скучающихъ вамъ предложенiемъ тягостныхъ услугъ? Скоро ли перестанетъ возмущать душу видъ Польскихъ крестьянъ, падающихъ къ ногамъ вашимъ и безпрестанно обнимающихъ ваши колѣна? Мнѣ кажется, что я съ цвѣтущихъ луговъ, гдѣ веселiе и свобода кружатся въ хороводахъ, перенесенъ въ болоты непроходимыя, въ которыхъ томятся несчастные путники жизни, туда сердитой рукою Судьбы заброшенные.— Проходя здѣшнiя мѣста, пробѣгаешь будто бы мрачныя страницы изъ исторiи феодальнаго правленiя среднихъ вѣковъ, картина котораго и въ описанiи возмущаетъ душу. Хо-

тя просвѣщеніе вводитъ сюда по немногу любовь къ человѣчеству; хотя оно говоритъ сильнымъ и знатнымъ въ пользу правъ его: но встрѣчаемо на пути своемъ корыстолюбіемъ и слѣпою любовію къ частной выгодѣ, оно не можетъ дѣлать большихъ успѣховъ. И до нынѣ человѣкъ не стыдится считать подобнаго ему *вещью*, не краснѣетъ, видя его ползущимъ у ногъ своихъ, какъ пресмыкающееся животное! Не спрашивайте о нравственности здѣшняго народа: — существуетъ ли она тамъ, гдѣ ею торгуютъ? — Здѣсь нѣтъ ни одного селенія безъ корчмы, или, просто, всѣ здѣшнія селенія можно назвать корчмами. Большая часть помѣщиковъ, въ деревняхъ своихъ, занимаются торговлею хлѣбнымъ виномъ, отдаютъ крестьянъ *на упой* Жидамъ, и подстрекаютъ такимъ образомъ невоздержность тѣхъ, за нравы которыхъ должны отвѣчать Высочайшему Правителю. Надобно искренно жалѣть о странѣ, гдѣ золото цѣнится дороже добрыхъ нравовъ, составляющихъ душу и силу Царствъ. Раскрываю Робертсона, и кстати выписываю изъ него нѣсколько строкъ, меня поразившихъ: L'état le plus corrompu de la société humaine est celui où les hommes ont perdu leur indépendance et la simplicité de leurs moeurs primitives, sans être arrivés à ce degré de civilisation où un

sentiment de justice et d'honneur sert de frein aux passions féroces et cruelles. *Tableau de l'état de l'Europe, T. 1. p. 27* *.

Плоцкъ, 30 Января. Гордая Висла *молчитъ*, пропуская черезъ себя каждый день нѣсколько тысячь Русскихъ. Природа и политическія обстоятельства принуждаетъ ее къ сему молчанію. Маршалъ департамента Плоцкаго и предводитель здѣшняго ополченія, Генералъ Е...кій, вздумалъ было представлять лице Димосѳена, витіеватыми Рѣчами возбуждая народъ къ единодушному вооруженію противу Русскихъ; но не получивъ въ удѣлъ краснорѣчія Аѳинскаго Оратора, онъ имѣлъ съ нимъ одинакую участь полководца. Димосѳенъ бѣжалъ съ поля сраженія, узрѣвъ мечи храбрыхъ Македонянъ; Е...кій поспѣшно скрылся изъ дому своего, завидя издали копья Донскихъ Козаковъ. Соловей этотъ вздумалъ было пѣть красное солнышко весны тогда, когда бури осеннія шумѣли надъ

* Переводъ Сюара. — Самое испорченное состояніе общества находится тамъ, гдѣ люди потеряли свою независимость и простоту первобытныхъ нравовъ, не достигнувъ еще той степени образованности, на которой чувства правосудія и чести служатъ уздою страстямъ неистовымъ и жестокимъ. *Картина состоянія Европы.* Т. 1. стр. 27.

опрокинутымъ его гнѣздомъ, и никто за мрачною непогодою не слушалъ его пѣсней.

Благородно всякому гражданину мечтать о возстановленіи имени своего отечества. Но страна, искавшая для сего скрытныхъ, непозволенныхъ, далекихъ средствъ; страна, гдѣ знатность, пользуясь всѣмъ и всѣмъ управляя, единственно о себѣ думаетъ, гдѣ народъ пресмыкается въ ничтожествѣ и гдѣ не существуетъ средняго состоянія—страна сія не могла льстить себя и тѣнью прежняго ея величія.

Въ Польшѣ только три состоянія: дворянство, духовенство и земледѣльцы; чуждый народъ Жидовскій составляетъ въ ней четвертый, средній классъ. Какое необозримое между ними разстояніе! какое между ними различіе мыслей и чувствованій! какой ужасный перевѣсъ первыхъ двухъ состояній, между собою тѣсно связанныхъ одинакими желаніями честолюбія противъ третьяго, который кажется отъ нихъ совершенно отброшеннымъ! Гдѣ кольцо, связывающее сію разорванную цѣпь?... Магнатъ вздыхаетъ о Царскомъ вѣнцѣ; Епископъ, родственникъ или другъ помогаетъ мечтамъ его своею властью; торговецъ Еврей, считая своимъ отечествомъ лавку свою и домъ, не мыслитъ никогда о выгодахъ Польши; крестьянинъ, подъ игомъ бѣдности, горю-

етъ о прежнемъ довольствѣ. Честолюбіе однихъ, корыстолюбіе другихъ, угнѣтеніе третьихъ могутъ ли соединиться для общей пользы?... Въ Польшѣ главная политическая пружина есть дворянство; но она дѣйствуетъ для собственной силы и величія. Сколько знатныхъ, ласкающихъ себя надеждою царствовать при первой благопріятной для нихъ перемѣнѣ; сколько имѣетъ каждый изъ нихъ родственниковъ, друзей, приверженныхъ, подкупленныхъ, послушныхъ, составляющихъ тысячи партій! Какая сила соединитъ ихъ различную волю, различныя желанія, мысли и чувства въ одну цѣль—великую цѣль счастія отечества? Развѣ мудрый оборотъ правленія можетъ произвести сіе чудо; развѣ изчезнетъ въ Польскихъ дворянахъ духъ честолюбія и замѣнится истинною любовію къ отечеству, народъ насладится лучшею участію и, воспользуясь природными силами и богатствами, родитъ въ собственномъ классѣ землепашцевъ среднее состояніе: до того времени Польша останется тѣмъ, чѣмъ была уже нѣсколько лѣтъ — покорною чуждымъ Державамъ страною.

Деревня Здворжъ, 3 Февраля. Цвѣтъ Русскаго войска — Гвардія и Гренадеры—расположились на временныхъ квартирахъ около Плоц-

ка. Первыми попеченіями Главнокомандующаго—сбереженіе здоровья и покой Русскихъ героевъ. Свободная и теплая одежда была имъ позволена на походѣ во время жестокихъ морозовъ; на стоянкахъ желаетъ онъ, чтобы они веселились на широкихъ, спокойныхъ квартирахъ. За то Офицеры и нижніе чины любятъ Свѣтлѣйшаго, какъ отца своего »Родной батюшка Суворовъ воскресъ въ немъ,« говорятъ солдаты: »Князь знаетъ всѣ нужды наши. Въ дѣлѣ любитъ, чтобы мы его тѣшили, а послѣ дѣла самъ не забываетъ насъ.« Можно сказать, что привязанность къ нему солдатъ примѣрная; она доходитъ до восторга. Не удивительно! Всѣ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ знакомы съ его личною храбростію; уже нѣсколько десятковъ лѣтъ привыкли стремиться, по быстрому и спокойному взору его, къ опасностямъ и славѣ. Могли ль они забыть неусыпныя объ нихъ попеченія его въ теченіи прошедшихъ и нынѣшней кампаній? Почти каждый изъ нихъ знаетъ его въ лице; многіе имѣютъ счастіе не рѣдко говорить съ нимъ. Иный рядовой ему кумъ, другій крестовый братъ, третій пріятель. Тотъ помнитъ, какъ жарко было такое-то дѣло, какъ ненастны были бивуаки въ такомъ-то мѣстѣ; этотъ мастеръ разсказывать о веселостяхъ Молдаванскихъ; а этотъ славно выручилъ своихъ товарищей въ

такомъ-то сраженіи. Всѣ осыпаны его ласками и благодѣяніями.—Мало того, чтобы полководецъ умѣлъ приготовить войну и сдѣлать ей распоряженія, чтобы онъ въ день битвы владѣлъ быстрымъ взоромъ и спокойно умѣлъ встрѣчать ея опасности; надобно еще, чтобы онъ обладалъ волшебнымъ искусствомъ приближать и привязывать къ себѣ простаго воина. Съ искусствомъ симъ онъ будетъ располагать по своей волѣ мышцами, умами и сердцами солдатъ; съ нимъ поведетъ онъ горсти противъ тысячь и пріучитъ побѣду ступать по слѣдамъ своимъ. Искусствомъ симъ владѣли Тюрень, Фридерикъ II и Суворовъ; оно досталось нынѣ Кутузову вмѣстѣ съ мужествомъ и проницательностію ихъ. Французскій Маршалъ не прославилъ бы столько Царства лилій, если бы не разговаривалъ съ солдатами, какъ отецъ; Прусскій Король не велъ бы семилѣтней войны и не расширилъ бы границъ своего отечества, если бы не бесѣдовалъ на бивуакахъ съ нижними чинами, закуривавшими его табачнымъ дымомъ; Герой Италійскій не шагалъ бы такъ смѣло по Альпійскимъ горамъ, если бы не ѣдалъ съ солдатами простой кашицы. Такъ и кумовство и крестовое братство съ ними Князя Смоленскаго сблизили еще болѣе родство его со Славою!

Д. Здворжъ, 5 Февраля. Четыре, пять хижинъ на берегу озера, обрѣзаннаго дикими утесами, кругомъ огражденнаго мрачнымъ лѣсомъ — вотъ наше теперешнее жилище! Ничто свѣтское не смѣетъ нарушить молчаніе сей пустыни; только вѣтеръ, волнуя гордыя главы сосенъ, разливаетъ около нее глухій стонъ; только отзывъ топора въ ней изрѣдка отдается, или охотникъ, гоняясь по утесамъ за робкою козою, прерываетъ тишину сихъ мѣстъ. Два любовника, заключающіе весь міръ въ самихъ себѣ, или наскучившій суетами мудрецъ, не могли бы найти уединенія, болѣе сходнаго съ ихъ чувствованіями. Сколько разъ претворялъ я пустыню сію въ жилище счастія мирнаго и неизмѣннаго! Сколько разъ мечталъ я о семъ счастіи, раздѣляемомъ съ нѣжнымъ другомъ! Здѣсь — думалъ я — можно трудиться для свѣта, не будучи знакомъ съ его шумомъ и суетами; здѣсь часто твердилъ любимое изрѣченіе мое:

C'est aux champs que le coeur cultive son bonheur!

Но что можетъ мечта передъ опытомъ — мечта, которая какъ весенній вѣтерокъ ласкаетъ челнъ по гладкой поверхности водъ и вскорѣ уступаетъ могуществу грозной бури, въ бездны его погружающей? . . .

— По препорученію начальства былъ я на дняхъ посланъ въ Плоцкъ. Ночь застигла бы меня на конѣ въ семи верстахъ отъ города, если бы Форштмейстеръ здѣшняго округа не предложилъ мнѣ гостепріимства подъ уединеннымъ кровомъ своимъ. Пріязни его и ласокъ любезной его супруги никогда не забуду.

— Плоцкъ засталъ я шумнымъ и многолюднымъ отъ расположенной въ ней главной квартиры Государя Императора. Городъ сей можно назвать прелестнымъ по площадямъ его, изъ которыхъ одна представляетъ видъ вѣчной ярмарки, а другая, окруженная красивыми зданіями и обсаженная высокими тополями, составляетъ пріятное гульбище; но болѣе можно назвать его прелестнымъ по мѣстоположенію его на возвышенномъ, крутомъ берегу Вислы. Зима лишаетъ его нынѣ лучшихъ его прелестей. Когда придутъ красные дни и весна воскреситъ Природу; тогда ближайшіе виды съ берегу должны быть полны жизни и красотъ романтическихъ.

Г. Калишъ, 12 Февраля. Чѣмъ ближе къ Германіи, тѣмъ чаще видимъ хорошіе города. Искусство, трудолюбіе и вкусъ, которые старалось ввести въ нихъ Прусское Правительство въ то время, когда они ему принадлежа-

ли, не успѣли еще въ нихъ совершенно изчезнуть. — Калишъ посредственной величины городокъ и довольно красивъ. Въ немъ есть Кадетскій Корпусъ.

Поле за городомъ достойно особеннаго замѣчанія. На немъ перваго числа нынѣшняго мѣсяца Генералъ Винцегероде славно отмстилъ Французамъ измѣнническій плѣнъ свой совершенною побѣдой надъ Генераломъ ихъ Ренье. На томъ же самомъ мѣстѣ 18 Октября 1706 года Меньщиковъ съ учениками воинами далъ жестокій урокъ Шведамъ, учителямъ нашимъ въ искусствѣ сражаться: Генералъ ихъ Мардефельдъ былъ тогда совершенно разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Здѣсь Геній Великаго Петра, черезъ пространство цѣлаго столѣтія, подаетъ руку Генію Александра. — Думаютъ, что на этомъ полѣ утвердятся къ западу границы обширной Русской Имперіи. Гдѣ Авача, и гдѣ Калишъ?...

Тамъ же, 15 Февраля. Вчера, гуляя за мелькающими роями Грацій, по дорожкамъ прекраснаго булевара, усыпаннаго желтымъ пескомъ, опушеннаго зеленѣющимъ дерномъ, осѣненнаго высокими тополями, прельстился я вывѣскою трактира, стоящаго на углу булевара сего. На ней золотыми буквами начертано: Hôtel de

Paris. Столица Франціи не одного меня прельщаетъ: — кому не хочется въ Парижъ?... Вхожу въ залу, въ которой накрытъ столъ человѣкъ для тридцати. Рои Офицеровъ шумятъ въ разныхъ сторонахъ. Я присоединяюсь къ одному знакомому, недавно вышедшему изъ ополченія; разспрашиваю его о старыхъ моихъ пріятеляхъ, и среди разговора сажусь съ нимъ близъ молодаго Поляка, на софѣ раскидавшагося. Полякъ былъ щегольски одѣтъ и тысячью духовъ распрысканъ; конфедератка съ серебреными кистями и узорами лежала близъ него. Онъ часто поправлялъ усы свои, столь же часто смотрѣлся въ зеркало, напротивъ его висящее, и потомъ съ пренебреженіемъ оборачивался на моего товарища, который, въ порыжѣломъ отъ бивуачнаго огня сертукѣ, съ мѣдною при бедрѣ саблею, съ длинною трубкою во рту, не обращалъ на него никакого вниманія. Быть такъ щегольски одѣту, какъ былъ снаряженъ нашъ Сарматъ, и не заслужить отъ бѣднаго Русскаго Офицера ни одного взора удивленія, ни одного лестнаго слова, казалось ему чѣмъ-то чудеснымъ. »Вы меня закуриваете табакомъ!« — сказалъ онъ моему товарищу голосомъ досады. — Простите! — отвѣчалъ этотъ очень хладнокровно. — »Вы служили, конечно, въ *милиціи?*« — началъ снова первый, перебивая не кстати

нашу рѣчь. — *Служилъ; а для чего вамъ это?* — отвѣчалъ вторый, обратившись совершенно къ своему противнику. — »Ополченныя очень мало дѣлали въ нынѣшнюю войну.« — *Больше, нежели Польская милиція, и столько, сколько требовало отъ нихъ Отечество.* — »Говорятъ, что они во время сраженія подбирали мертвыя тѣла.« — *Только не своихъ, а Французовъ и также Поляковъ. Настоящее, правильное войско занято было пораженіемъ полумилліона враговъ; временному оставалось возносить имъ могилы, чтобы будущіе вѣки взирали на нихъ, какъ на памятники нашей славы и позора народовъ, считавшихъ за честь быть въ рабствѣ у Наполеона. Но позвольте васъ спросить, по чему вы догадываетесь, что я служилъ въ ополченіи?* — »По вашей саблѣ.« *По саблѣ? это довольно смѣшно! Правда, что она не хороша снаружи; но потрудитесь взглянуть на ея клинокъ. Прошу господъ Офицеровъ также посмотрѣть на него.* — Всѣ бывшіе въ залѣ обратились къ любопытной саблѣ. На одной сторонѣ клинка вырѣзано было: *отъ дѣда внуку;* на другой: *при осадѣ Праги взята у Польскаго Полковника: ура!* Ура! закричали всѣ предстоящіе Офицеры; ура! разнеслось по всѣмъ комнатамъ. *Знайте, господинъ щеголь!* — продолжалъ торжествующій товарищь мой, подавая Поляку блестящую

его конфедератку, — *знайте, что наружность часто обманчива: не все то золото, что блеститъ; не все то достойно презрѣнія, что носитъ на себѣ печать бѣдности.* Прекрасное мщеніе!

Я посмѣялся отъ всего сердца, и обнимая любезнаго побѣдителя, обѣщался ему помѣстить сіе приключеніе въ моихъ запискахъ. Исполняю мое обѣщаніе тѣмъ охотнѣе, что могу, описаніемъ сего происшествія, дать маленькій урокъ модному самолюбію.

Г. Калишъ, 12 Марта. Отправляюсь сей часъ на берега Бальтійскаго моря черезъ Познань, Франкфуртъ и Берлинъ. Путь неожиданный, сулящій мнѣ тысячу удовольствій! Я назначенъ Шефскимъ Адъютантомъ къ Принцу Мекленбургскому Карлу, и сопровождаю его на мѣсто его родины. Государь Императоръ дозволилъ ему насладиться временемъ настоящаго спокойствія посреди его семейства, котораго онъ давно не видалъ.

Дорога наша до Гамбурга очищена отъ враговъ. Молодой Герой Чернышевъ водружаетъ уже Русское копье на берегахъ Бальтійскаго моря. Покойно и пріятно ѣхать по пути, освященномъ трофеями *нашей* славы! — Бѣгу на почту — и прощаюсь съ Калишемъ.

Г. Познань, 14 Марта. Удовольствіе привязало намъ крылья, и мы прилетѣли въ Познань. Я успѣлъ на него только взглянуть, и могу сказать: прекрасный, цвѣтущій городъ! Увѣряютъ, что Варшава обширнѣе, величественнѣе и многолюднѣе; но Познань красивѣе и правильнѣе. Не удивительно: прежняя столица Польши, нося на себѣ печать древняго ея великолѣпія и могущества, означена притомъ мрачнымъ клеймомъ политическихъ неустройствъ, столько лѣтъ ее терзавшихъ. Познань, недавно оживъ * попеченіями благодѣтельнаго Прусскаго правленія, каждый день болѣе и болѣе украшаясь и обогащаясь, дышитъ свѣжестію и красотою весны своей. Первую можно сравнить съ важною старушкою, горюющею въ мраморныхъ своихъ палатахъ о потерянномъ вѣнцѣ и прошедшей славѣ **; второго уподобить можно прекрасному юношѣ, съ улыбкою зовущему васъ любоваться миловидными зданіями и садами, которыхъ онъ счастливый обладатель. Хвала и честь правленію Прусскому! ему обязанъ Познань

* Онъ былъ опустошенъ наводненіемъ. Съ того времени рѣка Варта, на которой онъ стоитъ, взяла другое теченіе.

** Съ окончаніемъ войны все перемѣнилось. Варшава процвѣтаетъ нынѣ подъ благодѣтельнымъ владычествомъ Россійскаго Монарха. 1820.

(какъ и всѣ Польскіе города, бывшіе въ управленіи у Прусаковъ) нынѣшнимъ цвѣтущимъ своимъ состояніемъ. Между разными выгодами, дарованными Пруссіею симъ городамъ, можно почесть не послѣднимъ для нихъ благодѣяніемъ суммы, на нѣсколько лѣтъ имъ отпущенныя. Деньги сіи употреблены на построеніе домовъ по новѣйшей и самой правильной архитектурѣ. Не знаю, чувствуются ли сіи милости! . . .

Мы нашли Познань чрезвычайно шумнымъ и веселымъ. Причина тому ярмарка, которую застали мы во всей ея живости. Германія и Польша снабжаютъ ее своими издѣльями. Пока Принцъ былъ у Графа Воронцова и пока перемѣняли нашихъ лошадей, мы гуляли по площади, на которой средоточится вся ярмарка; заглядывали въ подвижныя лавки и палатки, украшенныя разными товарами; любовались богатыми образцами и красивыми вывѣсками, волнующимися почти надъ каждымъ окномъ; перебѣгали взорами съ предмета на предметъ, съ прекраснаго на полезное, и терялись наконецъ въ шумномъ роѣ многолюдства. Ничто не представляетъ живѣе дѣятельности нашей, какъ ярмарка. Зрѣлище, полное жизни и удовольствія! Тутъ видите вы Промышленность съ живыми взорами, съ тонкою улыбкой, предлагающую вамъ богатые

дары свои. Тамъ представляется вамъ Трудолюбіе, согбенное подъ тяжестію рукодѣлій своихъ и земныхъ избытковъ; оно ожидаетъ покупщиковъ, могущихъ облегчить его бремя. Здѣсь Искусство прельщаетъ васъ тысячами пріятныхъ бездѣлокъ, тысячами полезныхъ вещей, и заставляетъ васъ преклонить колѣно передъ твореніями всеобъемлющаго ума. Далѣе Корыстолюбіе, со впалыми глазами, съ изсохшимъ, желтымъ лицемъ простираетъ объятія свои къ блестящему металлу, звенящему въ рукахъ вашихъ. Тутъ встрѣчается съ вами Любопытство, за которымъ ходитъ зѣвающая Праздность. Тамъ же слышны и вздохи робкой Бѣдности. Но вотъ и главныя лица ярмарки — Богатство и Роскошь! они обращаютъ на себя вниманіе всей толпы, вездѣ поспѣваютъ и все оживляютъ магическимъ жезломъ своимъ.

Съ площади пошли мы въ тракпиръ на булеварѣ, гдѣ ожидали насъ наши повозки. Оттуда любовались Природою, разцвѣтающею на прекрасной, тѣнистой аллеѣ; дышали ароматомъ, приносимымъ къ намъ вѣтеркомъ съ липовыхъ вершинъ, и слушали веселое пѣніе птицъ, славящихъ весну. Но въ комнатѣ ожидало насъ новое, прелестнѣйшее зрѣлище. Три весеннія розы, три Граціи (дочери хозяина дома) рѣзвились между собою въ ожи-

данія, конечно, шалуна Зефира, или плутишки Амура. Жестокія! онѣ отняли у насъ весь аппетитъ, и мы изъ-за вкуснаго стола встали *почти* голодные. Но бѣда ведетъ за собою другую бѣду! Я хотѣлъ удалиться отъ опасныхъ красавицъ, прибѣжалъ къ почтовой коляскѣ, которая должна была раскидать по пути мои новыя чувства; искалъ плаща, въ которомъ хотѣлъ сокрыться отъ прелестныхъ, и не нашелъ его: какой-то проворный Еврей успѣлъ стащить его и скрыться съ своею добычею.

О вы, которые путешествуете съ тощимъ желудкомъ, легкимъ кошелькомъ и нѣжнымъ сердцемъ! не заѣзжайте въ Познанѣ въ трактиръ, стоящій на булеварѣ, и не заглядывайтесь такъ на красавицъ. Эти блестящія созвѣздія принесутъ къ вамъ несчастіе. Черезъ нихъ потеряете вы охоту къ пищѣ, лишитесь мантіи и — спокойствія на цѣлую дорогу!...

Штернбергъ, 15 Марта. Воля твоя, краснорѣчивый Руссо! а просвѣщеніе золотое дѣло. Загляни въ палатки кочующихъ Татаръ, пробѣги Польскія мѣстечки, побывай въ Нѣмецкихъ городахъ — и скажи потомъ, гдѣ захотѣлъ бы выбрать постоянное твое жилище? Вѣрно, въ послѣднихъ! Нравы, образъ

жизни, все принимаетъ здѣсь отливъ просвѣщенія, и все восхищаетъ васъ.

Покуда запрягаютъ намъ въ повозку лошадей, мы любуемся изъ окна прелестною группою Нѣмочекъ, берущихъ воду у красиваго фонтана, который стоитъ среди площади. Вода бьетъ изъ четырехъ львиныхъ пастей и падаетъ въ круглый, чистый бассейнъ, изъ дикаго камня высѣченный. Весь городъ довольствуется ею изъ этаго фонтана. Правда, что онъ меньше всякаго нашего уѣзднаго городка, но за то многолюднѣе и въ тысячу разъ красивѣе; здѣсь почти всѣ домы построены подъ одну крышку. Содержатель почты сказывалъ мнѣ, что одна площадь составляетъ часто цѣлый Нѣмецкій городокъ, но что таковые города встрѣчаешь здѣсь почти на каждыхъ десяти верстахъ и менѣе. Народъ — не говоря уже о высшемъ и среднемъ состояніяхъ — очень чисто одѣтъ; мущины носятъ синіе кафтаны посредственнаго сукна, длинные камзолы такого же, или краснаго цвѣта, лосинныя исподнія платья, пестрые бумажные чулки и башмаки съ огромными свѣтлыми пряжками; волосы у нихъ подобраны назадъ подъ роговой гребень; трехугольная шляпа вѣнчаетъ сіе изображеніе. Служанки, которыхъ видѣлъ я у фонтана, всѣ чисто одѣты, въ бѣлыхъ кофтахъ и

юбкахъ, черными передниками завѣшенныхъ. Голова у нихъ искусно обвязана чернымъ шелковымъ платкомъ и прекрасно оттѣняетъ бѣлизну ихъ лица.

Почтовые дворы здѣсь прекрасны. Входите въ контору, показываете подорожную, платите назначенныя за каждую милю деньги и получаете сей часъ лошадей. Правда, почтовая ѣзда здѣсь чрезвычайно дорога: за три мили, наши 21 версту, пла́тите близь трехъ рублей серебромъ на пару лошадей; сверхъ того берутъ съ васъ установленныя за каждую станцію Schmiergeld, Trinkgeld (на мазку колесъ и на водку) близь серебрянаго рубля: за то нѣтъ притязаній, нѣтъ придирокъ, жалобъ и ссоръ, случающихся на нашихъ почтовыхъ дворахъ. Ѣзда по здѣшней почтѣ не самая скорая и не тихая: на каждую милю назначенъ часъ ѣзды; за то вы не имѣете нужды томиться по три часа или болѣе въ почтовой избѣ..... На Нѣмецкихъ почтовыхъ дворахъ всѣ выгоды предоставлены путешественнику: вы можете потребовать кофе, обѣдъ и ужинъ, можете имѣть и чистую постель въ теплой покойной комнатѣ. Притомъ въ каждомъ городкѣ есть два, три порядочные трактира.

Франкфуртъ на Одеръ, 16 Марта. Давно ли отъ ярмарки, опять уже на ней! Познанская и Франкфуртская подаютъ другъ дружкѣ руку. Купцы, особенно оборотливые Жиды, ѣздятъ съ той на другую, съ этой опять на ту, смотря по ихъ выгодамъ. Въ дорогѣ встрѣчали и обгоняли мы огромныя фуры съ товарами. Длинныя повозки, покрытыя холстиною на подобіе палатокъ, изъ которыхъ выглядывали Жидовскія засаленыя шапки, Нѣмецкіе чистые чепчики и смѣшныя трехугольныя шляпы; высочайшія телѣги на двухъ высочайшихъ колесахъ, окованныхъ желѣзомъ для вѣчности; странная упряжь гусемъ четырехъ, пяти и до шести могучихъ лошадей, окутанныхъ огромными хомутинами съ мѣдными бляхами, погремушками и разноцвѣтными лоскутами: все это веселило насъ на пути.

Во Франкфуртѣ мы только что перемѣняемъ лошадей, и потому видѣлъ я его мелькомъ. Все, что могу сказать объ немъ, будетъ сказано въ его пользу. Улицы въ немъ широки и правильны; чистота на нихъ чрезвычайная. Домы высоки и, какъ во всѣхъ иностранныхъ городахъ, построены подъ одну крышку. Всеобщая торговля его съ Берлиномъ, Данцигомъ, Варшавою оживляетъ его и дѣлаетъ однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Германіи. Широкій Одеръ, служащій ему зеркаломъ, по-

крытъ нынѣ многочисленными судами. Мостъ его разрушенъ Французами. Чрезвычайная живость видна на другомъ берегу, обсаженномъ деревьями, подъ тѣнью которыхъ гуляютъ веселыя пары и кипятъ шумныя толпы воиновъ, купцовъ, ремесленниковъ и поселянъ. На площадяхъ и улицахъ настоящій маскерадъ: тамъ не одинъ народъ, но нѣсколько народовъ! Все движется, какъ муравьи, переносящіе магазейны свои изъ одного дупла въ другое; все шумитъ, какъ рой пчельный, нашедшій для сотовъ своихъ новый источникъ богатства.

Деревня Фогельсдорфъ, 17 Марта. Вообразите себѣ чистыя, гладкія дорожки Англійскихъ садовъ, и можете послѣ того имѣть понятіе о дорогѣ, ведущей отъ Франкфурта къ Берлину. Нигдѣ не видалъ я подобной. Ровна, какъ полъ, съ небольшими отъ средины скатами; обрыта съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и обсажена высокими тополями! Черезъ каждый малѣйшій ручей, малѣйшій оврагъ сдѣланъ каменный красивый мостикъ. Близь рвовъ лежатъ частыя груды камней, которые, будучи разбиты на мѣлкія части, брошены въ появившіяся неровности и раздавлены тяжестію колесъ, содержатъ дорогу въ постоянной исправности. Шоссе сіи

препоручены смотрѣнію неусыпныхъ работниковъ. Правленіе не имѣетъ нужды выдавать деньги на разныя издержки, требуемыя для содержанія таковыхъ дорогъ; все это дѣлается не счетъ проѣзжающихъ. На каждой милѣ вамъ заграждаетъ путь небольшая застава, отъ которой цѣпь проведена въ маленькій красивый домикъ пристава, собирающаго Chaussée-Geld, деньги за шоссе. Пла́тите за милю бездѣлицу, и смотритель, не выходя изъ комнаты, опускаетъ цѣпь.

Нахожу, что способъ сей содержать дороги есть легчайшій и выгоднѣйшій. Отнесши бездѣльную подать приставу, путешественникъ можетъ спокойно катить по прекрасной дорогѣ, и бѣдный поселянинъ или торговецъ, отдавъ за милю какой нибудь грошъ, не боится заплатить двадцать грошей за то, чтобы вытащили его тяжелый возъ изъ грязи, или починили изломанную ось. Не льзя не похвалить хорошаго. Здѣсь на семи верстахъ шесть, семь человѣкъ исправляютъ испорченную дорогу. Въ другихъ напротивъ мѣстахъ поднимаютъ цѣлыя деревни, нарушаютъ тишину лѣсовъ, потрясаютъ сердца̀ горъ — и все это для того, чтобы исправить на нѣсколько дней бѣдный оврагъ. Здѣсь дорога, будучи однажды прочно основана и утверждена, не можетъ въ послѣдствіи времени много

портиться; потребовавъ сначала значущихъ издержекъ, не имѣетъ послѣ въ нихъ нужды. Работники знаютъ свое дѣло и не знаютъ никакого другаго; всѣ припасы у нихъ заранѣе приготовлены, все у нихъ всегда подъ рукою. — Порядокъ — дѣло великое! — однажды установленный, онъ самъ потомъ учреждаетъ и даетъ законы.

По чему не сдѣлать у насъ, хотя для главнѣйшихъ дорогъ, хотя для самыхъ грязныхъ, худыхъ мѣстъ, постановленій, подобныхъ здѣшнимъ *? — Впрочемъ, безразсудно было бы мечтать объ основаніи шоссе во всемъ обширномъ нашемъ Государствѣ. Въ странѣ Гигантовъ не все то удобно, что легко въ отечествѣ Пигмеевъ!...

Берлинъ, 18 Марта. Вотъ я уже въ одномъ изъ первѣйшихъ городовъ Европы, на самой пріятной и многолюдной его улицѣ, въ лучшей

* Правительство наше, пекущееся о выгодахъ и благѣ каждаго и всѣхъ, препорученныхъ Судьбою его отеческимъ попеченіямъ, занялось уже созданіемъ прекраснѣйшей шоссе отъ новой столицы до древней. Подвигъ великій и многотрудный; но тѣмъ славнѣе будетъ его исполненіе; тѣмъ знаменитѣйшій будетъ памятникъ народнаго величія и Царской благости! Авторъ имѣлъ уже удовольствіе ѣхать близъ ста верстъ по сей шоссе, удобностію своей и красотою превосходящей даже Нѣмецкія.

его отели; однимъ словомъ — я въ Берлинѣ, на липовой улицѣ (die Linde), въ Петербургскомъ трактирѣ (Hotel de Petersbourg). Вхожу въ отведенное намъ жилище; пробѣгаю рядъ богатыхъ комнатъ, и спрашиваю своего товарища: не забрели ли мы ошибкою въ домъ какого нибудь Прусскаго вельможи? — »Это наши бивуаки (смѣясь отвѣчаетъ онъ мнѣ), бивуаки, приготовленные Русскими штыками и дружелюбіемъ Прусаковъ!« — Не для изнѣженнаго ли придворнаго, баловня Фортуны, поставленъ здѣсь этотъ кушетъ? — »Не худо и воину понѣжить на немъ члены, утомленные сорокаверстнымъ маршемъ!« — Не для того ли обложены эти стѣны зеркалами, чтобы ласкать улыбку, взоръ, каждое движеніе статнаго щеголя, любящаго миръ, моду и себя болѣе всего на свѣтѣ? — »Пріятно и Марсову сынку, сбираясь на маневры, надѣть передъ сими стеклами киверъ и шашку, или готовясь идти къ какой нибудь прелестницѣ, поправить усъ *чернобурый въ завиткахъ!*« — Что скажешь объ этомъ розовомъ балдахинѣ? А это пышное ложе, Персидскими тканями покрытое, не ждетъ ли, чтобы красавица, утомленная нѣсколькими зефирными вальсами, пришла броситься на него, и забывшись въ сладкомъ снѣ, увидѣть въ мечтахъ какого нибудь бальнаго прелестника, съ пучнымъ жабо, напрыскан-

пымъ духами à la mille-fleurs, съ чулками тѣлеснаго цвѣта, упадающаго передъ нею на колѣна? — »По чему же красавицѣ въ мечтахъ сновидѣнія не увидѣть у ногъ своихъ какого нибудь *милаго*, умнаго, ловкаго гусара, который поклянется небесами и землею, глазами прелестной и усами своими, принесть ей въ жертву цѣлый рядъ враговъ и перваго Французскаго орла съ вѣрнымъ пламеннымъ сердцемъ своимъ, положить къ ея стопамъ?...« — Все это прекрасно! Однакожъ пойдемъ далѣе.— Подхожу къ окну. Нѣга подкладываетъ подъ локоть мой тафтяную подушку; Роскошь осѣняетъ меня занавѣсомъ, убраннымъ рукою вкуса и богатства. Отворяю окно — и прекраснѣйшій булеваръ представляется моимъ глазамъ. Берлинъ славится липовою аллеею; и какъ не гордиться ему сими высокими деревьями, посаженными Искусствомъ, Искусствомъ и Природою сбереженными? Какъ не утѣшаться Берлинцамъ, сидя въ жаркой полдень въ прохладной тѣни сихъ деревъ, или гуляя вечеромъ въ заманчивой ихъ сѣни? Не выходя изъ комнаты, здѣсь дышешь воздухомъ сельскихъ садовъ и любуешься живостію и шумомъ городскаго гульбища.

Но — вотъ и наемный слуга (Lohnlaquais)! Для иностранца это Аріаднина нить въ лабиринтѣ большихъ городовъ. Министры, Ге-

нералы, духовныя особы, ученые, купцы, однимъ словомъ всѣ состоянія ему извѣстны; всѣ памятники, ученыя и человѣколюбивыя заведенія, театры и лавки ему знакомы. Отъ передней до кабинета придворнаго, отъ горницы субретокъ до спальни прекрасной госпожи, отъ лавки игольщика до биржи, всѣ платятъ дань его пронырству, и газеты не извѣстятъ васъ такъ скоро о какомъ нибудь новомъ приключеніи, какъ спокой Лонлакей. Съ помощью его, не выходя изъ дому, я сдѣлалъ всѣ мои покупки въ два часа.

Однакожъ не все сидѣть въ красивой клѣткѣ, въ которую заперла меня дорожная усталость; надобно побывать и на волѣ, надобно осмотрѣть и городъ. Липовая аллея достойна, чтобы на ней хотя разъ пройтиться и полюбоваться различными лицами, движущимися взадъ и впередъ по чистымъ ея дорожкамъ. Не понравилось мнѣ то, что между щеголями и щеголихами встрѣчалъ я много нищихъ, много мальчишекъ въ отрепьяхъ, которые ломаются, кричатъ и не отстаютъ отъ васъ, пока вы не сдѣлаете имъ подаянія. Всякое униженное коверканье подобныхъ намъ возбуждаетъ какое-то негодованіе; зрѣлище паяца не должно смѣшить, но возмущать душу; человѣкъ въ уничиженіи не можетъ быть никогда смѣшонъ.

Подхожу къ новому дворцу, обитаемому нынѣшнимъ Королемъ, и спрашиваю: гдѣ дворецъ? Зданіе, хотя красивое, но низкое и малое! Что не довольно въ семъ случаѣ? — Одно обманутое воображеніе, настроенное стихотворными вымыслами, блестящими описаніями чертоговъ земныхъ полубоговъ. Напротивъ же утѣшаетъ насъ мысль, что не огромныя и великолѣпныя палаты, дивящія взоръ прохожихъ, но мудрыя, отеческія дѣла, веселящія сердцà народа, суть прекраснѣйшіе и славнѣйшіе памятники Царей. — Старый дворецъ есть четвероугольное большое зданіе съ огромнымъ дворомъ въ срединѣ. Древность помрачила его стѣны и украшающія его статуи, и даетъ ему какой-то пасмурный видъ. — Идучи по такъ называемому длинному мосту черезъ рѣку Шпре, я остановился поклониться памятнику Фридерика Великаго. Я хотѣлъ видѣть на бронзѣ его знаки, сдѣланные Русскими солдатами во время вступленія ихъ въ Берлинъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны; но я не могъ примѣтить ихъ — или отъ того, что самолюбіе Прусаковъ ихъ изгладило, или по причинѣ слабаго моего зрѣнія. Шпре не рѣка, а рѣчка, чуть примѣтная за домами и мѣльницами, и мостъ, черезъ нее построенный, не стòитъ названія Длиннаго.— Театръ есть большое, великолѣпное каменное

зданіе. Архитектура его и легка и богата; колоннада прекрасна! Пространная площадь, его окружающая, придаетъ ему величественную красоту. — Множество площадей украшаетъ Берлинъ; нѣкоторыя изъ нихъ обсажены разнаго рода деревьями, которыя, очищая испареніями своими городскій воздухъ, служатъ жителямъ и пріятною прогулкою. Проходя мимо Вильгельмовой площади, любовался я, какъ Прусскіе Офицеры обучали на ней рекрутъ. Кто знаетъ — думалъ я — что въ толпѣ сихъ воиновъ не скрываются новые Шверины, Зейдлицы, Кейты и Винтерфельды? Кто знаетъ, что зрѣлище сихъ четырехъ великихъ Полководцевъ, дышущихъ здѣсь въ мраморѣ, не бросило уже искры славы въ юныя сердца? Война раздуетъ сію искру — и новые герои воскресятъ дѣянія старыхъ, и признательное отечество вмѣстѣ съ благодарнымъ Королемъ вознесутъ имъ памятники, подобные тѣмъ, которые мы здѣсь видимъ.— Здѣшніе жители показываютъ Фридрихсштрассе, какъ первую улицу въ Берлинѣ и — въ Европѣ! По широтѣ и правильности ея, по красотѣ ея домовъ, можно согласиться, что это прекраснѣйшая улица. Взоръ теряется въ безконечности ея. — Берлинская фарфоровая фабрика достойна посѣщенія путешественника. Сколько лѣтъ, сколько тру-

довъ и издержекъ нужно было, чтобы довести ее до подобнаго совершенства! Знатоки отдаютъ преимущество Мейссенской въ выдѣлкѣ глины, а Берлинской въ совершенствѣ живописи.

Ни одна черта изъ жизни Царя-воина-философа не изглаживается временемъ въ сердцахъ Прусаковъ. Провожатый мой разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, здѣсь случившійся и показывающій всю доброту души Фредерика Великаго. — Въ одно посѣщеніе Королемъ фабрики попался ему на крыльцѣ семилѣтній ребенокъ, сынъ бѣдной вдовы. Мальчикъ, испугавшись неожиданной встрѣчи сей, выпустилъ изъ рукъ чашку, которую онъ несъ домой, и началъ горько плакать. Король милостиво подошелъ къ нему, и взявъ его за руку, сказалъ: »Не плачь, дружокъ! пойдемъ со мною; я велю дать тебѣ другую.« Онъ приказалъ, въ самомъ дѣлѣ, выбрать ему чашку по его вкусу, и сверхъ того сунулъ ему тихонько талеръ. — Мнѣ талера не надобно! — отвѣчалъ ребенокъ, ободрившійся ласками Монарха — подари мнѣ лучше одинъ дрейеръ, на который нужно мнѣ купить матушкѣ лѣкарства. Король улыбнулся; велѣлъ сыскать у работниковъ дрейеръ, далъ его обрадованному мальчику, и не удовольствуясь милостями сими, приказалъ проводить его къ матери, отпу-

спивъ для нее полдюжины чашекъ и звернувъ фридрихсдоръ въ оберткѣ одной изъ нихъ.

Тамъ же, 19 Марта. Нынѣ, пріѣхавъ съ Принцемъ къ Генералу Репнину, имѣлъ я удовольствіе найти у него Генерала Алексѣева. Будучи еще ребенкомъ, я знавалъ его, какъ Московскаго Полиціймейстера и хорошаго отцу моему знакомца. Время и болѣзни, послѣдствіе тяжелыхъ ранъ, перемѣнили нѣсколько его наружность; но душа его все также прекрасна, какъ была въ цвѣтущіе годы его жизни. И нынѣ та же обворожительная любезность, та же веселость нрава его не покидаютъ. Увидѣвъ его, я мечталъ, что свидѣлся съ Москвою, съ милыми друзьями, съ веселостями безпечной юности — мечталъ, и былъ нѣсколько минутъ счастливъ.

Я имѣлъ также счастливый случай быть у Графа Витгенштейна. Минутное пребываніе у него утвердило меня еще болѣе въ томъ мнѣніи, что истинно великій человѣкъ всегда снисходительнѣе и милостивѣе того, который высокъ одною породою, или богатствомъ. Славныя дѣла говорятъ за перваго; и нужно ли ему, послѣ всемірнаго свидѣтельства, напоминать всякому о своемъ величіи? . . . На-

противъ другой, не имѣя за себя ничего, кромѣ золота, или прадѣдовскаго пергамента, думаетъ вывѣскою гордости обратить на себя общее вниманіе — думаетъ, и ужасно ошибается! Защитникъ Петрова града примѣръ перваго. Я не видалъ человѣка ласковѣе, любезнѣе, милостивѣе въ обращеніи. Величественная, благородная наружность его обольщаетъ васъ съ перваго взгляда; слова̀ его съ каждою новою минутою пріобрѣтаютъ новую власть надъ сердцемъ вашимъ. Не удивляюсь, что окружающіе Графа столько ему преданы.

Графъ Витгенштейнъ отдыхаетъ въ Берлинѣ на трофеяхъ. Чуждый народъ торжествуетъ его здѣсь пребываніе, пока еще война не дозволила Русскимъ привѣтствовать его сердечною благодарностію. Онъ не можетъ выѣхать со двора безъ того, чтобы толпы Прусаковъ не окружили его и не изъявили ему своей преданности громкимъ *ура!* — Оставя тактикамъ судить объ его военныхъ дарованіяхъ, скажу, не страшась укора потомства, что вѣрный и славный защитникъ *Петрова града*, осѣненный благословеніями нашего Сѣвера, смѣло вступитъ въ храмъ вѣчности на ряду съ великими мужами. Графъ, отдыхая здѣсь на трофеяхъ, трудится надъ пріобрѣтеніемъ новыхъ: онъ занимается возваніемъ Германскихъ народовъ ко всеобщему

вооруженію противу врага ихъ свободы и спокойствія. Увѣренъ, что народы сіи, внимая Герою, не замедлятъ отдѣлиться отъ честолюбца, и пожелавъ колесницѣ его счастливаго пути, пристать къ братскому союзу, поднимающему оружіе на защиту правъ народныхъ. Достойно хвалы потомства и замѣчанія справедливаго историка единодушное рвеніе Прусаковъ и Короля ихъ къ возстановленію прежняго ихъ величія! Всѣ званія и состоянія проснулись, всѣ сливаютъ имя гражданина съ именемъ воина. Отцы разстаются съ малолѣтными дѣтьми, мужья покидаютъ нѣжныхъ супругъ, сыны разлучаются съ престарѣлыми родителями; кто только можетъ поднять оружіе, требуетъ его; а старцы, жены, дѣвы и дѣти, безсильныя нести и бросать на враговъ громы, сопровождаютъ благословеніями идущихъ на брань отечественную. »Не нужны намъ имущества, когда мы не возвратили еще лучшаго сокровища нашего — имени!« говорятъ богатые, и жертвуютъ имѣніемъ своимъ. »Что намъ и въ жизни, когда чуждая власть оковываетъ наши руки и души?« кричатъ бѣдные, и несутъ въ дань отечеству здоровье и жизнь. »Свобода! свобода! возвращеніе славы потомку Великаго Фридерика и подданнымъ его!« восклицаетъ цѣлая Пруссія, и ополчаетъ сыновъ

своихъ. Нынѣшнее всеобщее вооруженіе Пруссаковъ можно назвать революціей, — такъ стремительно и единодушно сіе вооруженіе!

Обратившись мыслями на отечественную войну Русскихъ, остановившись на нынѣшнемъ ополченіи Пруссіи, увѣримся, что любовь къ отечеству не есть призракъ, и что привязанность къ имени своему не мечта. Увѣримся, что Творецъ, бросивъ въ насъ первую искру жизни, присоединилъ къ ней искру любви къ отечеству. Привычка младенца къ колыбели, привязанность его къ кормилицѣ, — ребенка къ комнатѣ, въ которой онъ воспитывался, и къ лугамъ, на которыхъ онъ игрывалъ, — юноши къ мѣсту родины, не есть ли приготовленіе къ сей любви? Родители, друзья, супруга, воспоминанія, страсти, несчастія и минуты блаженства укрѣпляютъ ее болѣе и болѣе, и доводятъ до силы, которой мы въ совершенныхъ годахъ уже противиться не можемъ. Ахъ! если бы любовь къ отечеству была призракомъ, то и жизнь наша не что иное была бы, какъ мрачное, печальное привидѣніе!

Отъ Графа ѣздилъ я съ Принцемъ къ Принцессѣ Бранденбургской Елисаветѣ (кажется, ее такъ зовутъ). Ея Свѣтлость очень ласкова, — это я очень помню; однако же не за-

былъ, что и ноги мои чувствуютъ еще боль отъ послѣдствій грознаго этикета, принудившаго меня стоять на нихъ нѣсколько времени. Увы! такая же участь ожидаетъ меня впередъ.... То ли дѣло друзья! за чашей круговой, на пышномъ соломенномъ ложѣ бесѣдовать съ дружбою о любви, или теряться сердцемъ и мечтами въ роѣ милыхъ?...

Рупинъ, 20 Марта. Нынѣ увидѣлся я со старымъ моимъ знакомымъ — и гдѣжъ? У шлагбаума, въ караульнѣ, при выѣздѣ изъ Фербелина! Это онъ! закричалъ я, и готовъ былъ изъ коляски броситься къ нему на шею.

Помните ли, въ путешествіи нашего Морица, толстаго часоваго, у котораго подъ брюхомъ мотапась маленькая шпаженка — того гордаго стража городскихъ воротъ Тильзита, который необыкновенною фигурою и странными тѣлодвиженіями привелъ въ замѣшательство Русскаго путешественника? Нынѣ встрѣтилъ насъ *другой онъ* у воротъ Фербелинскихъ: та же тучная, смѣшная фигура, достойная кисти Гогарда; тѣ же странныя тѣлодвиженія; тотъ же самый вопросъ: Wer sind Sie? *Кто вы?* поразившій слухъ мой такъ

сильно, что я невольно вздрогнулъ! Это былъ одинъ изъ Ландверовъ, поставленный у заставы для записыванія именъ проѣзжающихъ. Опомнившись отъ изумленія, полѣзъ я въ карманъ за данью моего глубочайшаго почтенія къ его толстой особѣ; но товарищь мой, сказавъ уже наши имена, закричалъ почталїону: forwärts! *пошелъ!* — рогъ затрубилъ, бичь хлопнулъ — и я однимъ киваньемъ головы расплатился съ моимъ милымъ, старшнымъ знакомымъ.

Перлебергъ, 21 Марта. Сѣверъ Германіи (въ той сторонѣ, которую проѣзжаемъ) совершенно бѣденъ живописными видами. Хорошо обдѣланныя поля, большія деревни съ садами, обширныя равнины, скучные пески съ мрачными сосновыми лѣсами, болоты пересѣченныя ивовыми аллеями, — вездѣ слѣды примѣрнаго трудолюбія, но вездѣ печальное единообразіе, вездѣ повторенія однихъ и тѣхъ же предметовъ! Напрасно мертвая кисть хотѣла бы здѣсь оживотвориться; если бы она и заплатила дань здѣшней Природѣ, то не представила бы ничего, кромѣ порядочно устроенной хижины пахаря подъ тѣнію гостепрiимныхъ тополей, кромѣ тучнаго вола и величественнаго могучаго коня, — красоту и славу здѣш-

нихъ мѣстъ. На югѣ Германіи царствуетъ Природа со всѣми ужасами и пріятностями своими! — говорятъ художнику, — и артистъ, съ пламенной любовію къ изящному, спѣшитъ на берега Неккера и Майна.

Трудности, претерпѣнныя въ Польшѣ, представляются намъ, какъ во снѣ. Мы совершенно забыли, что война не потушила еще огней и каждую минуту готова позвать насъ къ дыму своихъ бивуаковъ. Среди солдатскаго похода мы совершаемъ самое пріятное путешествіе, и бѣдные какъ Иры, наслаждаемся подобно Крезамъ. Пользуйся настоящимъ! говорятъ любезные учители счастія—и мы въ строгой точности повинуемся ихъ ученію. Катя со станціи на другую въ покойной колясkѣ на четырехъ быстрыхъ коняхъ, покоясь на хорошихъ постеляхъ, сидя за блюдомъ форелей или фазана, любуясь ключемъ Шампанскаго, біющаго со дна прадѣдовскаго покала, или слушая, какъ сокъ Гренадскихъ апельсиновъ съ пескомъ Американскаго тростника бунтуетъ въ портерѣ, обогащаясь каждый часъ новыми дарами природы и искусства — спрашиваемъ, улыбаясь, другъ у друга (съ товарищемъ моимъ Колеломъ): не охаетъ ли какая нибудь тысяча душъ отъ роскошнаго нашего путешествія? не имѣемъ ли нужды послать приказъ къ бурмистрамъ и старостамъ нашимъ о накладкѣ на крестьянъ

оброка?... Слава Богу! удовольствія наши не покупаются цѣною кроваваго пота подобныхъ намъ. Безъ всякихъ побужденій случай платитъ намъ богатую подать. Долго ли будетъ баловать такимъ образомъ? Не знаю; но благодаря судьбу за ея милости, пользуемся ими.

Перлебергъ не большой, но порядочный городокъ. Мы находимся еще въ Пруссіи; черезъ нѣсколько часовъ будемъ въ Мекленбургѣ.

М. Лудвигслустъ, 25 Марта. Куда бури жизни не занесутъ утлаго челна, пущеннаго на произволъ судьбы по необозримому пространству океана?... Думалъ ли я, безпечный питомецъ любви и природы, вѣрный другъ полей и рощей, постоянный житель родной хижины — думалъ ли я сторожить въ шумномъ станѣ военномъ, сыпать подъ тѣнію грозныхъ орудій смерти и въ кругу сѣверныхъ героевъ бесѣдовать о безсмертіи падшихъ на поляхъ славы? мечталъ ли я опять на пути нынѣшней войны, внимая громамъ ея, не досыпая ночей на соломенномъ ложѣ и подъ покровомъ пасмурнаго неба, встрѣчая морозы и непогоды — воображалъ ли, что жребій войны броситъ меня на пышные пуховики фортуны, въ жилище благодѣтельной Феи, въ цвѣтникъ Гра-

цій и заставитъ сердце мое кружиться въ вихрѣ разнообразныхъ удовольствій?... Но что всего драгоцѣннѣе, всего сладостнѣе, — осиротѣвшій въ мірѣ, въ удаленіи отъ полей отечественныхъ, отъ родныхъ и друзей незабвенныхъ, не могъ и мыслить найти новое родство, новыхъ друзей и благодѣтелей на берегахъ Балтійскаго моря! Мы усладимъ для тебя разлуку съ отечествомъ и милыми сердцу твоему: говорятъ они, и оправдываютъ то опытомъ. — Сколько счастливыхъ и печальныхъ перемѣнъ въ жизни человѣческой! какъ разноцвѣтна чудесная ткань ея! Кто можетъ предвидѣть, какими шелками изоткется и моя собственная?...

И такъ я въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, въ гостяхъ у любезнаго Повелителя его, въ мѣстахъ, гдѣ жила и скончалась Сестра Императора нашего. Принцъ Карлъ близь десяти лѣтъ не былъ въ своемъ семействѣ, и потому можно вообразить, съ какими чувствами радости встрѣтили его родственники. Я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены свиданія; видѣлъ слезы, текущія по лицамъ ихъ; видѣлъ, какъ сынъ и дочь Великой Княгини Елены Павловны, живые портреты прекраснѣйшей душею и тѣломъ Матери, бросились съ искренними знаками радости на шею своего дя-

ди. И могъ ли я, смотря на эту семейственную картину, не принести потаенною слезою дани Природѣ, которая пишетъ законы и вѣнчаннымъ Главамъ?.. Въ этой сценѣ насъ, Русскихъ, не забыли. Пріязнь, ласки, упрежденіе нашихъ желаній, попеченіе о нашемъ покоѣ и удовольствіяхъ, заботы о нашемъ здоровьѣ — все это возбуждало въ сердцахъ нашихъ чувства живѣйшей благодарности.

Прелестная весна улыбается намъ и сулитъ тысячу пріятностей.

Тамъ же, 29 Марта. Я не имѣлъ нужды вопросами пробудить въ окружающихъ меня воспоминаній о покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловны: здѣсь все говоритъ о Ней; все старается предупредить желаніе Русскихъ слышать о Русской Государынѣ. Первымъ намъ привѣтствіемъ Мекленбургцевъ есть благодарность за то, что *мы* дали имъ такую добродѣтельную Принцессу. При семъ чувство народнаго самолюбія пробуждается! Намъ ли послѣ сего не гордиться родомъ Государей нашихъ, столько богатыхъ добротою и величіемъ? Намъ ли не ублажать вѣнецъ, котораго блескъ на насъ же тако щедро упадаетъ? Кто изъ Русскихъ не проливаетъ слезъ восхищенія и благодарности

передъ престоломъ Вышняго Царя за то, что даровалъ великому народу Сѣвера земныхъ Царей по подобію Своему? — Друзья! я видѣлъ *чужій* народъ, слезами платящій дань памяти Великой Княгини, какъ родъ человѣческій приноситъ дань золотому вѣку сожалѣніемъ, что онъ уже для него не возвратится. Я зрѣлъ старцевъ, у дверей гроба разцвѣтающихъ отъ одного разсказа, какими знаками уваженія чтила Она ихъ сѣдины и преклонныя лѣта. Былъ я въ хижинахъ, гдѣ имя Ея произносится, какъ святыня, гдѣ затвердились и передаются потомству, какъ божественныя изреченія, слова, которыми Она ободряла слабыхъ, утѣшала бѣдныхъ и печальныхъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ дѣти откладываютъ игры, чтобы слышать отцевъ своихъ, разсказывающихъ *о доброй Еленѣ* — такъ называютъ Ее и поднесь здѣшніе жители. Самые царедворцы въ палатахъ Герцогскихъ вздыхаютъ о веселостяхъ, вмѣстѣ съ Нею сокрывшихся. Какія же рѣдкія добродѣтели должны были украшать Ее, когда народъ, отъ старца до ребенка, носитъ по ней сердечный трауръ даже при нынѣшней Наслѣдной Принцессѣ, любезной, кроткой и чувствительной!

Первымъ желаніемъ моимъ, по пріѣздѣ сюда, было поклониться праху Великой Кня-

гини; первою обязанностію моею было это немедленно исполнить. Русскій дьячокъ, оставшійся здѣсь послѣ смерти Ея и не хотѣвшій разстаться съ симъ драгоцѣннымъ прахомъ, проводилъ меня къ памятнику, его хранящему. Монументъ стоитъ въ уединенномъ мѣстѣ сада, въ мрачной сѣни деревъ, которую лучи солнечные никогда не проницаютъ: онъ простъ, красивъ и трогателенъ. Передняя его сторона украшена легкою колоннадою. На фронтонѣ крупными золотыми буквами начертано: Helenae Paulowidi (Еленѣ Павловнѣ). Во внутренности, освѣщаемой слабымъ свѣтомъ лампады, все просто, кромѣ двухъ гробовъ, богато украшенныхъ и стоящихъ рядомъ: одинъ, съ лѣвой стороны отъ входа, поставленъ надъ мѣстомъ, вмѣщающимъ въ себѣ бренные остатки Великой Княгини; другой, какъ говорятъ, приготовленъ Наслѣднымъ Принцемъ для него самаго. Какъ рано скошенъ жадной косою смерти прекрасный сей цвѣтъ, бывшій равно украшеніемъ родныхъ и чуждыхъ полей!

Идучи отъ памятника, мы встрѣтили Принца Павла, а потомъ Принцессу Марію. Во все пребываніе наше здѣсь, они показывали къ намъ отлично милостивое вниманіе; но нынѣ взоры ихъ изъясняли намъ что-то особенное, чего дѣтскій языкъ ихъ не могъ выразить.

Кажется, они говорили намъ: какъ мы благодарны вамъ! какъ мы любимъ васъ! Вы Русскіе — и наша *Мать* была Русская!...

Лудвигслустъ, 30 Марта. Не понимаю, что могло склонить Герцога Лудвика (отца, нынѣшняго Правителя Мекленбурга) поселиться со Дворомъ своимъ между сыпучими песками, болотами и мрачными сосновыми лѣсами, и назвать сіе жилище своимъ удовольствіемъ (Ludwigslust). Напротивъ я назвалъ бы его Лудвиковою пасмурностію: такъ печально и однообразно здѣшнее мѣстечко! Говорятъ, что покойный Герцогъ имѣлъ характеръ меланхолическій и скучный, и для того, не любя улыбки даже въ самой Природѣ, избралъ себѣ такое сельское убѣжище, въ коемъ Природа только хмурится и заставляетъ на каждомъ шагу на нее досадовать. Не скажу, чтобы искусство не украсило сего жилища; но все, что въ немъ создано хорошаго руками человѣческими, теряетъ свою цѣну при видѣ песковъ и болотъ, въ которыхъ вязнешь, сдѣлавъ только шагъ за мѣстечко. Нѣтъ въ окрестности ни зеленаго луга, ни вьющагося между упрямыми берегами ручейка, ни пригорка, съ котораго взоръ могъ бы насладиться порядочнымъ видомъ; нѣтъ совершенно того, что утѣшаетъ

насъ въ загородномъ жилищѣ. Ѣдучи отсюда, въ какую сторону хотите, надобно закрыть глаза на нѣсколько верстъ. Не смотря на скучную Природу здѣшнюю, весь Дворъ проводитъ большую часть года въ Лудвигслустѣ: привычка, благоговѣніе къ памяти родителей и притомъ большія издержки, на сіе мѣсто употребленныя, заставляютъ нынѣшняго Герцога продолжать въ ономъ свое пребываніе.

Во всемъ Лудвигслустѣ три улицы, изъ коихъ одна можетъ почесться таковою, а другія только началомъ улицъ, потому что на нихъ стоитъ не болѣе десяти домовъ. Всѣ зданія построены на казенное иждивеніе изъ кирпича; они не выбѣлены, впрочемъ въ нихъ соблюдены всѣ выгоды, чистота и покой. Онѣ помѣщаютъ въ себѣ чиновниковъ, служителей придворныхъ и мастеровыхъ. На плацформѣ, противъ дворца есть также зданія лучшей архитектуры: въ нихъ обитаютъ Принцъ Адольфъ и чиновники, которые для Двора болѣе необходимы. Какъ тѣ, такъ и другія осѣнены рядами липъ и тополей. Въ мѣстечкѣ, на главной улицѣ есть порядочный тракширъ для проѣзжающихъ и мѣщанское собраніе (bürgerclub), гдѣ пожилые граждане — по общему закону Нѣмецкой флегмы — пьютъ пиво, курятъ табакъ, рѣшаютъ за газетами

судьбу царствъ, а молодые съ гражданками кружатся и рѣзвятся въ вальсахъ.

Дворецъ есть большое четвероугольное и поперегъ продолговатое зданіе, довольно красивое, съ некрасивыми службами, покрытыми черепицею. Противъ передняго фаса его, за зеленою плацформою, украшенною чистымъ прудомъ съ водометами и рядами тополей къ сторонѣ домовъ, возвышается Лютеранская церковь. Наружное зодчество ея прекрасно; во внутренности все величественно, все соотвѣтствуетъ высокому предмету богослуженія. Входя въ нее, внимаю небесной музыкѣ, голосамъ Ангельскимъ; эфирные жители слетѣли, конечно, сюда, чтобы пѣснославить Творца вселенной. Зрѣніе такъ обмануто искуственными облаками; оркестръ такъ выгодно поставленъ за ними, что не смѣешь и не хочешь разувѣрить себя въ сладкой мечтѣ — и съ сердцемъ, полнымъ благоговѣнія и любви ко Всевышнему, съ восторгомъ неизъяснимымъ, внимаешь небесному хору. Задняя сторона дворца обращена въ садъ. Тутъ представляется вамъ большой, правильно обрѣзанный четвероугольный лугъ, утѣшающій взоръ бархатной своею зеленью, прямая аллея, теряющаяся въ длинѣ перспективы; справа маленькій, некрасивый домикъ, напоминающій о теремахъ, гдѣ предки наши запирали бѣдныхъ красавицъ;

а съ лѣва дикій лѣсъ. Правая сторона сада не стоитъ почти того, чтобы въ нее заглянуть: развѣ остановитъ васъ въ ней на нѣсколько минутъ прудъ съ островкомъ и домикъ, гдѣ златоперые фазаны разныхъ родовъ обитаютъ многочисленною семьею. Лучшая прогулка съ лѣвой стороны, начиная мимо половины Принцессы Маріи. Сей часъ при входѣ въ садъ найдете маленькій лѣсокъ, въ которомъ разные оттѣнки зелени деревъ такъ искусно подобраны, какъ будто на ландшафтѣ своенравною рукою художника. Лабиринтъ Англійскихъ дорожекъ запутываетъ ваши намѣренія: хотите идти вправо, онѣ приводятъ влѣво, желаете пробраться въ лѣсокъ, и очутитесь у церкви. Остановимся же у нее. Вотъ могила, на которой не вижу величественнаго памятника, означающаго, что здѣсь покоится прахъ человѣка, именемъ своимъ гремѣвшаго въ календарныхъ спискахъ; но по зеленому дерну, ее покрывающему, и безчисленнымъ цвѣтамъ, начинающимъ на ней распускаться, примѣчаю свѣжія заботы дружбы или родства. Тутъ покоится прахъ Русскаго Офицера Графа Мусина-Пушкина; онъ умеръ на полѣ чести и славы, оплакиваемый нѣжнымъ братомъ и военными товарищами. »За васъ, друзья, и свободу народовъ!« сказалъ онъ, и испустилъ послѣднее дыханіе:—смерть

завидная для всякаго ратника, несущаго жизнь въ жертву Отечеству и пользѣ сограждан *. — Маленькая церковь стоитъ вниманія: она готической архитектуры и очень искусно отдѣлана. Лучи солнца, играя въ ея разноцвѣтныхъ стеклахъ, кажутъ ихъ вамъ за прозрачные изумруды, яхонты и сапфиры. Въ продолженіе прогулки по остальной части сада, который есть дикій лѣсъ, займутъ васъ памятники, посвященные Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и матери нынѣ царствующаго Герцога; водопады съ шумящими каскадами, нарушающими мрачную тишину сихъ мѣстъ, звѣринецъ, гдѣ скачутъ серны, легкія какъ горный вѣтеръ, и наконецъ домикъ, гдѣ Сестра нашего Государя любила чаще быть и кормить изъ своихъ рукъ семейство голубей. И донынѣ не покидаютъ они любимаго жилища своей благодѣтельницы, и томнымъ воркованіемъ изъявляютъ, кажется, по Ней грусть свою. Домикъ сей есть сквозная галлерея: она очень красива снаружи, а внутри убрана всѣми любимыми вещами покойной Великой Княгини. Она бываетъ заперта весь годъ, и только въ день Ея рожденія отворяется и посѣщаема тѣми, которые благого-

* При списываніи сихъ записокъ, я помѣстилъ теперь могилу Графа Пушкина, ибо отрывокъ, въ которомъ описана смерть его, потерянъ вмѣстѣ съ другими.

вѣютъ къ ея памяти и любятъ ее по смерти. Въ землѣ Мекленбургской всѣ ее любятъ донынѣ: слѣдственно посѣтителей въ день сей бываетъ очень много. Повторю еще, что здѣсь не нужно спрашивать о Русской Государынѣ, потому что все о Ней говоритъ, всѣ предметы о Ней напоминаютъ. Особенно, творческой силѣ кисти поручено было передать Ея образъ въ разныхъ видахъ будущимъ вѣкамъ. Тамъ является Она, какъ нѣжная мать семейства, среди дѣтей своихъ; здѣсь представлена въ видѣ Флоры, разсыпающей на землю богатые дары свои, окруженной Зефирами, Играми и Смѣхами; тутъ утѣшаетъ взоры въ образѣ *Надежды*, одною рукою оперщейся на якорь, другою показывающей на небо; тамъ опять въ образѣ Царицы отвѣчаетъ привѣтствіямъ чуждаго народа, принимающаго ее съ радостными восклицаніями и обѣщающаго ей любовію своею усладить, сколько возможно, разлуку съ милою родиною; здѣсь снова является Она въ одеждѣ Русской поселянки; но и самый сельскій нарядъ не скроетъ, что Она рождена была повелѣвать. Во всѣхъ видахъ она образецъ красоты, любезности и кротости.

Г. Шверинъ, 8 Апрѣля. Герцогъ, желая предоставить всю честь пріема одному Принцу Карлу, отказался ѣхать съ нами въ свою столицу. Одинъ Наслѣдный Принцъ съ супругою своею прибыли сюда, и то черезъ день послѣ насъ. Торжество нашего въѣзда стоитъ быть описано — хотя для того, чтобы мои соотечественники улыбнулись, смотря на важную фигуру, которую представляю, катясь на колесницѣ *временной* Фортуны. Мнѣ самому смѣшно, въ торжествѣ семъ, играть ролю *Эфестіона;* но не я первый и не я послѣдній на *чужомъ* мѣстѣ!...

За семь верстъ отъ города встрѣтила насъ конная гвардія, состоявшая человѣкъ изъ двадцати. Она одѣта была, на образецъ Французскихъ жандармовъ, въ синіе мундиры съ пунцовыми обшлагами и въ трехугольныхъ шляпахъ съ высочайшими султанами. Лошади и уборъ на нихъ были щегольскія. Начальникъ отряда сказалъ маленькую привѣтственную рѣчь Принцу, на которую сей отвѣчалъ благодарственною; послѣ чего команда прокричавъ: vivat! раздѣлилась на двѣ половины: одна составила нашъ авангардъ, другая поскакала вслѣдъ за нами. За двѣ версты отъ города встрѣчены уже мы были разсыпною конницею: это были граждане съ начальниками уѣзда и города, Ландратомъ и Бургоми-

стромъ. Они поздравили Принца съ прибытіемъ въ столицу отцевъ его. Поздравленія выражены были съ сердечнымъ краснорѣчіемъ; благодарность имъ соотвѣтствовала. Не много далѣе, ожидали насъ верховыя лошади въ богатыхъ приборахъ. Сѣвъ на нихъ, поскакали мы въ городъ. У воротъ онаго собраны были Шверинскіе жители, малые и большіе, старцы и женщины. Народъ встрѣтилъ насъ громогласнымъ *ура!* продолжавшимся нѣсколько минутъ. Впереди всѣхъ стояли двѣнадцать дѣвушекъ, одна другой прекраснѣе, одѣтыхъ въ бѣлое платье съ цвѣточными цѣпями и вѣнками. Самая прелестная изъ нихъ сказала маленькую рѣчь Принцу такъ искусно, съ такими пріятностями, что она обворожила бы и суроваго Катона. Кого не убѣдитъ такой краснорѣчивый ораторъ? — думалъ я, смотря на ея черно-огненные глаза, и между тѣмъ пропустилъ было для моей картины самую счастливую черту—минуту, въ которую *прекрасная* надѣла лавровый вѣнокъ на Принца и опутала лошадь его цвѣточными перевязьми. Ко мнѣ и товарищамъ моимъ подошли другія дѣвушки и наложили на насъ такія же цѣпи. Въ такомъ нарядѣ, среди многочисленнаго народа, сквозь котораго лошади наши могли на силу продираться, при громкихъ восклицаніяхъ, сдѣлали мы наше торжественное вшест-

віе въ столицу Мекленбургской области. Квартиры были намъ приготовлены во дворцѣ Наслѣднаго Принца. Зданье не большое, но красивое! Вступивъ въ него, Принцъ долженъ былъ удовлетворить требованіямъ народа, изъявившаго громкими восклицаніями желаніе видѣть еще сына своего Государя. Онъ исполнилъ сіи требованія, показавшись на балконѣ. Въ сію минуту шляпы полетѣли вверхъ; развѣялись различныя знамена съ цвѣтами Герцогскаго герба и съ разными надписями; раздались шумныя восклицанія: »виватъ добрый Герцогъ, Принцъ Карлъ! да здравствуетъ вся фамилія нашего отца! ура Россійскому Императору, нашему Покровителю и Защитнику! ура всѣмъ добрымъ Русскимъ!« Принцъ, поблагодаривъ ихъ, почти со слезами, удалился въ свои комнаты; но волненіе народное продолжалось еще съ полчаса. Какъ скоро оно утихло и толпы разошлись, мы сопутствовали нашему Шефу въ старый Герцогскій дворецъ. Тамъ сдѣлалъ онъ короткое посѣщеніе 90-лѣтней теткѣ отца своего (Принцессѣ Улрикѣ Софіи), которая, стоя уже при дверяхъ гроба, лишенная древностію лѣтъ способностей дѣйствовать и разсуждать, оживилась нашимъ приходомъ и столько обрадована была видѣть Русскихъ, что объявила намъ свое восхищеніе съ присоеди-

ненiемъ маленькаго привѣтствiя. Послѣ того ходили смотрѣть тамъ же кабинетъ рѣдкостей, картинныя галлереи и сокровищницу Герцогскую. Сколько памятниковъ искусства, наукъ, художествъ и — богатства, прибавилъ бы я, если драгоцѣнные камни могутъ стоять на ряду съ изящными произведенiями ума и вкуса! — Видъ изъ дворца прелестный! Кисть живописца нашла бы здѣсь богатую жатву. Воды обширнаго озера ласкаютъ стѣны дворца, отражаютъ въ зеркалѣ своемъ городъ, красивые берега съ мызами, садами, рыбачьими хижинами, зелеными пригорками, и теряются наконецъ въ сизой отдаленности.

Мы не можемъ ступить за порогъ нашего жилища безъ того, чтобы не окружили насъ толпы народныя и не привѣтствовали насъ громкимъ ура! и разными другими искренними знаками восторга и дружбы, какъ на примѣръ: *Русь добра!* für ewig freunde! *вѣчные друзья!* Unseres blut und hertzen für Alexander! Каждый хочетъ имѣть удовольствiе поговорить съ нами о нашемъ отечествѣ, о Московскомъ пожарѣ, о прошедшихъ битвахъ и прочемъ. Потому мы не успѣли еще видѣть городъ.

Вчера была иллюминацiя по всѣмъ улицамъ. Прозрачныя картины и надписи говорили намъ

о чувствахъ жителей къ своимъ Государямъ и Русскимъ.

Я сей часъ съ бала, даннаго Принцу Министромъ *Брандтенштейномъ*. На ономъ, Наслѣдная Принцесса сдѣлала каждому изъ насъ (Русскихъ) честь протанцовать съ нами. Фрейлина ея, милая *Лютцо*, всегда алѣя розами стыдливости, приглашала насъ къ сей чести. Ужинали мы на особенномъ столѣ, среди цвѣтника Грацій. Каждая изъ нихъ была любезна и прелестна; но всѣхъ прелестнѣе и любезнѣе дочь Министра. Назовите ее Нимфою, Граціею, Флорою, чѣмъ угодно: всякое изъ сихъ именъ будетъ ей прилично. Ни одна изъ нихъ не считала еще двадцатой весны своей. Прелестныя разнымъ образомъ старались насъ занимать; онѣ пили за наше здоровье искрометнаго Шампанскаго; — розы пылали на щекахъ ихъ: — я вспомнилъ Горація *... и вздохнулъ!

Новый Штрелицъ, 6 Апрѣля. Путемъ праздниковъ продолжали мы ѣхать сюда съ нашимъ Шефомъ по владѣніямъ отца его. Мекленбургцы, обрадованные видѣть своего Принца, послѣ девяти лѣтъ возвратившагося къ

* Или Батюшкова.

нимъ съ знаками отличія, вездѣ встрѣчали его съ искреннимъ восхищеніемъ. Освѣщенія претворяли самую ночь въ день; родное сердцу сѣвернаго жителя *ура* не умолкало; пиршества и балы не давали намъ успокоиться. Привѣтствія, свойственныя душамъ добрымъ, знакомили насъ съ утѣшительною мыслію, что мы, въ странѣ гостепріимства и пріязни, собираемъ награды, купленныя мужествомъ, правотою и любовію къ общей свободѣ. Въ путешествіи семъ врѣзалась еще глубже въ сердцѣ моемъ одна изъ первѣйшихъ и неоспоримыхъ истинъ, что любовь народная къ первымъ своимъ Правителямъ есть любовь, вмѣстѣ съ нами и привязанностію къ отцамъ нашимъ рожденная. Возмите примѣръ съ жителя села, сего грубаго сына Природы, не умѣющаго притворяться; посмотрите на него: онъ плачетъ, когда разсказываютъ ему о подвигахъ добраго Государя; онъ желалъ бы облобызать край священной одежды его и — умереть скокойно!

Вчера по утру пріѣхали мы ко Двору здѣшняго Герцога, почтеннаго древностію лѣтъ и единодушнымъ о немъ добрымъ мнѣніемъ всей Германіи. Народъ его не многочисленъ, но все, что только живетъ на землѣ Штрелицкой, составляетъ семейство, окружающее его своею любовію и благословеніями. Отецъ сво-

нихъ подданныхъ и — доброй, прекрасной Королевы Луизы, могъ ли не возбудить въ душѣ нашей особеннаго къ нему уваженія? Объ Наслѣдномъ Принцѣ ничего не могу сказать. Принцъ Карлъ находится теперь въ Прусскихъ войскахъ: говорятъ, что онъ очень любимъ солдатами. На здѣшнемъ маленькомъ Олимпѣ земномъ встрѣтился я съ существомъ, достойнымъ украшать *небесный*—съ существомъ, которые нашелъ я въ дочери Герцога, Принцессѣ Сольмской, прекрасной, живой (но не столько миловидной, какъ покойная сестра ея Королева Прусская). Супруга ея, напротивъ, не наградила Природа слишкомъ пріятною наружностію. Дѣти же сей четы такъ прелестны, что не налюбуешься ими. Одного съ торжественнымъ видомъ представила мнѣ мать, какъ крестника Россійскаго Государя. Малютка дышитъ уже воинскимъ духомъ: мечь, копье, знамя, барабанъ съ нимъ не разлучны. »Я люблю очень Русскихъ — сказалъ онъ матери, указывая на насъ — они сожгли большой свой городъ и не хотѣли сдаться непріятелямъ. Когда я выросту, пойду съ ними воевать, кричать *ура!* и бить Французовъ.« Маменька поцѣловала за это маленькаго Героя и увѣряла насъ, что она также любитъ Русскихъ. Въ два дни, которые мы здѣсь находимся, она старалась намъ это доказать, по-

казывая къ намъ особенное вниманіе, занимая насъ въ концертѣ, за обѣдомъ, и не упустивъ ни одного случая польстить самолюбію *Гиперборейцевъ*... Какъ я замѣтилъ, она съ особеннымъ удовольствіемъ проводитъ время во многолюдномъ обществѣ; супругъ же ея, напротивъ, любитъ *уединеніе*. Онъ имѣлъ дачу близъ Новаго Штрелица, гдѣ прелестные часы его жизни протекаютъ въ бесѣдѣ — съ фазанами! По желанію Принцессы *одинъ изъ многихъ* Гофмаршаловъ былъ столько снисходителенъ, что повелъ меня къ здѣшнему ваятелю въ мастерскую. Здѣсь показали мнѣ бюстъ покойной Королевы, обманывающій глаза живостію и сходствомъ съ подлинникомъ. И въ мраморѣ дышитъ она неизъяснимою любезностію, и даже въ немъ очаровываетъ сердца! Отъ скульптера путеводитель мой провелъ меня въ лѣсокъ *Коппель*, который мнѣ очень хвалили. Самою простотою его нашелъ я сей лѣсокъ прелестнымъ. Искусство столько старалось въ немъ подражать Природѣ, что себя совсѣмъ забыло и выказало одну послѣднюю. Чистыя дорожки виляютъ по рощицамъ и пригоркамъ, на каждомъ шагу васъ обманываютъ, заманиваютъ къ живописнымъ видамъ, отвлекаютъ отъ нихъ къ новымъ, приводятъ то къ зеркальному пруду, гдѣ красивыя форели стадами плаваютъ, то на бархатную по-

лянку, сиренгами окруженную, гдѣ серны рѣзвятся во множествѣ, не боясь присутствія гуляющихъ. Смотря, въ какомъ мирѣ живутъ здѣсь люди съ животными, вспомнишь и невольно вздохнешь о жилищѣ перваго человѣка. Надобно при семъ отдать справедливость Германскимъ постановленіямъ, запрещающимъ тревожить безъ пользы спокойствіе робкихъ жителей лѣсовъ, и похвалить должно правила, здѣшнимъ лѣсничимъ и охотникамъ данныя. Имъ предписано, въ случаѣ нужды, убивать звѣря огнестрѣльнымъ оружіемъ, стараясь застать его одного и положить на мѣстѣ, чтобы противнымъ случаемъ не испугать прочихъ. Къ похвалѣ сей прибавить должно, что здѣшніе помѣщики, думающіе о пользѣ общей, равно какъ и своей, не отвлекають селянина отъ плуга и семейства, чтобы сдѣлать изъ него празднаго и порочнаго человѣка, не держатъ по эскадрону псарей и по сотнямъ гончихъ и борзыхъ, не кормятъ ихъ потовыми трудами крестьянъ, не топчутъ полей и скромнаго участка земледѣльца.. Не скажу ничего болѣе, и обращаюсь къ прогулкѣ. Послѣ нее останешься такъ доволенъ, будто провелъ нѣсколько часовъ въ обиталищѣ богатой сельской Природы, далеко отъ шуму и суетъ городскихъ.

Нынѣ, за столомъ сидѣлъ подлѣ меня здѣшній

Полковникъ и Командоръ Любскій, Графъ Фоссъ, человѣкъ очень любезный. Случившееся недавно происшествіе съ дѣтьми его столько любопытно, что не льзя отказать себѣ въ удовольствіи сообщить его. Сынъ Графа, одиннадцатилѣтній малютка, слыша каждый день повѣствованія объ единодушномъ вооруженіи Германіи, о святости долга каждаго сына отечества нести ему въ жертву спокойствіе и жизнь, о рвеніи всѣхъ состояній освободиться отъ ига чужеземцевъ; воспламенясь сими разсказами, положилъ въ умѣ своемъ, во что бы то ни стало, вступить въ ряды ополчающихся. Съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ сообщаетъ онъ десятилѣтней сестрѣ намѣреніе свое. »У него есть конь, во всемъ ему послушный и готовый съ нимъ въ огонь летѣть; дѣтскія копье, сабля, шлемъ и щитъ подъ его распоряженіемъ, эскадронъ гусаръ формируется въ Новомъ Штрелицѣ; все споспѣшествуетъ его предпріятіямъ! Явиться къ начальнику новобранцевъ, быть приняту въ число ихъ, и надѣлать чудеса храбрости—дѣло легкое и прекрасное!« Такъ начертываетъ онъ свой рыцарскій походъ — и, въ маленькой головѣ его, уже нѣсколько Французовъ лежатъ безъ головъ! Сестра, убѣжденная его ораторствомъ, хочетъ принять, хотя малое участіе въ его подвигахъ, обѣщаетъ во всемъ ему по-

мочь и хранить геройское предпріятіе въ глубокой тайнѣ. Три дни проходятъ въ разныхъ приготовленіяхъ, какъ то: въ приведеніи въ порядокъ грознаго воинскаго вооруженія и конскаго снаряда, въ снабженіи путевымъ продовольствіемъ небольшой котомки, въ вышиваніи девиза на штандартѣ для молодаго рыцаря и въ прочихъ затѣяхъ, какія только дѣти съ живымъ воображеніемъ изобрѣсти въ такомъ случаѣ могутъ. Все это дѣлается потаенно отъ домашнихъ; никто изъ послѣднихъ не подозрѣваетъ даже, чтобы дѣтямъ пришло въ голову что нибудь подобное. На четвертый день, часу въ пятомъ за полночь, когда сонъ покоилъ еще всѣхъ въ домѣ, дѣвочка — по сдѣланному условію — прокрадывается въ горницу, гдѣ ожидалъ ее братъ, вооруженный съ ногъ до головы; провожаетъ его въ конюшню, помогаетъ ему сѣсть на маленькаго Буцефала, отправляетъ его въ путь чести и славы съ благословеніями, и возвращается къ своей постели безъ шуму, не будучи никѣмъ примѣчена. По утру дядька одиннадцатилѣтняго героя, не нашедъ его въ постели, поднимаетъ тревогу въ домѣ. Можно вообразить о безпокойствѣ отца и матери. По изчезнувшему борзому коню догадываются о побѣгѣ; тотчасъ по всѣмъ дорогамъ разосланы гонцы. Вспомнивъ нѣкоторыя обстоя-

тельства прошедшихъ дней, начинаютъ подозрѣвать въ сообществѣ малютку и требуютъ ее къ родительскому трибуналу. Ее допрашиваютъ; но ни угрозы, ни ласки не могутъ поколебать ея вѣрность: твердая въ своемъ словѣ, она во всемъ запирается. Наконецъ по слѣдамъ и разспросамъ отыскиваютъ путь бѣглеца, догоняютъ его уже за двѣ мили (14 верстъ) отъ деревни Графской и приводятъ въ слезахъ домой. Геройское предпріятіе кончилось тѣмъ, что господина рыцаря и сообщницу его пожурили, какъ должно; осыпали ихъ потомъ поцѣлуями и — сдѣлали для нихъ дѣтскій турниръ, гдѣ маленькій побѣдитель былъ награжденъ изъ рукъ сестры лавровымъ вѣнкомъ, и отъ родителей подарками *.

---

25 Апрѣля **. Кутузова не стало! Вѣсть сія бѣжитъ изъ города *** въ станъ, изъ дво-

* За симъ не достаютъ слѣдующія записки: 1 Присяга волонтеровъ въ *Клостровъ*, описаніе *Ростока*, завтракъ съ Шведскимъ Генераломъ на кораблѣ *Еленъ*; 2 Бани морскія въ *Добранъ*, видъ моря, и 3 Праздникъ, козакамъ данный Мекленбургскимъ Дворомъ, торжество побѣды, подъ Лютценомъ одержанной, Изюмскіе гусары на балѣ и прощаніе съ жителями Лудвигслуста.

** Отрывокъ сей сочиненъ въ видѣ небольшой рѣчи, которая должна была прочтена быть въ кругу военномъ.

*** Князь Смоленскій умеръ въ Шлезскомъ городѣ Бунцлау, 16 Апрѣля.

рца въ хижину и наполняетъ все унылиемъ. Одинъ передаетъ другому сiе печальное извѣстiе, какъ будто лишился единственнаго друга или отца, какъ будто потерялъ съ нимъ все, что имѣлъ драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ. Иный отвергаетъ слухъ сей, чтобы продлить хотя на малое время сладкое заблужденiе, что Герой живетъ еще среди преданнаго ему войска; другiй, соразмѣряя теченiе его жизни съ безсмертiемъ дѣлъ его, не вѣритъ, чтобы грозная коса смѣла прервать священную нить ея, чтобы отъ сего отличнѣйшаго мужа Природа потребовала себѣ дани на ровнѣ съ толпою простыхъ смертныхъ. Но всеобщее сокрушенiе удостовѣряетъ насъ, что Кутузовъ болѣе не существуетъ. Союзные Цари погрузились въ темную думу: кому поручать великое бремя Предводителя войскъ, и кто съ полною увѣренностiю на свои дарованiя и опытность предприиметъ довершить подвигъ, столь славно Исполиномъ нынѣшней войны начатый и продолженный? Германiя, за ранѣе предупрежденная молвою о славѣ дѣлъ его, давшая ей съ восхищенiемъ дорогу между своими народами, готовая уже совершенно преклонить вѣсы на священную сторону, объялась вдругъ нерѣшимостiю, и съ сомнѣнiемъ ожидаетъ, кто замѣнитъ Вождя, исполнявшаго лучшiя ея надежды. Между полководцами хо-

дитъ уже проснувшая зависть и прельщаетъ ихъ мечтами честолюбія: ибо войско лишилось того, который неоспоримою славою заставилъ ее умолкнуть; ибо не стало уже Генія, умѣвшаго соединить въ пользу общую умы безпокойные и несогласные. Здѣшній селянинъ, какъ будто увидя надежду полей своихъ съ нимъ погибшею, останавливаетъ соху на недоконченной браздѣ. »Кто защититъ плоды трудовъ моихъ — восклицаетъ онъ — когда судьба отняла у насъ защитника?« Мать ведетъ дѣтей своихъ ко гробу великаго: »онъ былъ спаситель своего Отечества — говоритъ она—поклонитесь праху его и молитесь, чтобы Всевышній послалъ нашей родинѣ подобнаго заступника!« Но кто можетъ словами представить сердечное сокрушеніе Русскихъ воиновъ? Одни, полагая его только на одрѣ тяжкой болѣзни, простираются на помостѣ храма и молятъ Всеблагаго, цѣною собственной ихъ жизни, сохранить дни Вождя любимаго; другіе отдаютъ послѣднюю лепту для возженія ѳиміама предъ образомъ грознаго Предводителя небесныхъ силъ. Тотъ, прижавъ со слезами драгоцѣнный наперсный крестъ къ устамъ своимъ, передаетъ потомъ сію святыню, для облобызанія, товарищамъ своимъ, и разсказываетъ, какъ покойный Князь, на канунѣ общаго боя, обмѣнялся симъ кре-

стомъ на мѣдный солдатскій, который послѣ того носилъ подъ звѣздами, отъ первыхъ Государей міра полученными; сей завѣщаетъ престарѣлымъ родителямъ, какъ лучшее свое сокровище, серебреную монету, пожалованную ему недавно собственными руками Фельдмаршала. Иный, въ трогательныхъ воспоминаніяхъ, проходитъ длинный рядъ годовъ, проведенныхъ въ служеніи Царю и Отечеству подъ начальствомъ великаго, и считаетъ годы сіи побѣдами, имъ стяжанными; другій повѣствуетъ о любимыхъ его изреченіяхъ, достойныхъ быть преданными потомству, о ласковомъ его обращеніи съ подчиненными, смягчавшемъ суровую жизнь ратника, о трудныхъ походахъ, его нѣжными заботами облегченныхъ. Никто изъ нихъ не можетъ безъ слезъ говорить о смерти Свѣтлѣйшаго: — въ немъ лишились они Начальника, роднаго имъ по вѣрѣ и языку отцевъ ихъ, роднаго и по любви къ нимъ и неусыпнымъ о нихъ попеченіямъ; въ немъ потеряли Предводителя, который, не допустивъ посрамленія до Христовыхъ знаменъ, пріобрелъ каждому изъ воиновъ имя хранителя святой земли Русской. Въ одномъ станѣ враговъ слышны радостные клики и торжествуютъ смерть Героя: въ немъ видѣли они мечь Божій, каравшій ихъ отъ полей Бородина до береговъ Эльбы. » За насъ

нынѣ и Судьба!« — провозглашаютъ они въ безумной слѣпотѣ, и веселятся унынію священныхъ легіоновъ. — Нѣтъ! мы не дадимъ смѣяться врагамъ нечестивымъ. Докажемъ имъ при первомъ боѣ, что Кутузовъ не умеръ, что онъ живетъ въ духѣ Русскихъ воиновъ и что Всевышній не отниметъ отъ нихъ руки побѣды, доколѣ имя славнаго защитника отечества не изгладится изъ сердецъ современниковъ и памяти благодарнаго потомства.

Бивуаки подъ Швейдницемъ, 16 Маія. Я выѣхалъ изъ Лудвигслуста съ Шефомъ моимъ 2 Маія. Обратное путешествіе наше въ главную армію было через Берлинъ * и восточный край Саксоніи, въ которомъ пески и лѣса, не смотря на красивые городки, дѣлали для насъ дорогу скучною и однообразною. — По множеству раненыхъ Прусаковъ, попадавшихся намъ на встрѣчу по дорогѣ и видѣнныхъ нами въ городскихъ больницахъ, надобно судить, что Люценское дѣло было жестоко

* Берлинъ застали мы въ такомъ точно положеніи, какъ была Москва за недѣлю до вступленія въ нее непріятеля. 12 Маія Французы находились только за три мили отъ города. Благоразумнымъ распоряженіямъ Кронъ-Принца Шведскаго и храбрости его войскъ столица Пруссіи одолжена своимъ спасеніемъ.

и что подданные Фридерика оправдали въ семъ первомъ опытѣ мнѣніе Европы, взирающей на нихъ, какъ на новый оплотъ противъ грознаго потока, стремившагося опровергнуть политическую свободу народовъ. Къ чести Прусскихъ воиновъ долженъ сказать, что раненые ихъ, среди жесточайшихъ операцій, не перестаютъ заниматься благосостояніемъ отечества: они молятъ о жизни для того, чтобы вновь сразиться со врагами и — умереть свободными!

Изъ *Либерозе* былъ я посланъ курьеромъ въ мѣсто пребыванія Главнокомандующаго арміями, отступавшими отъ Лютцена. — Въ *Мускау* забраны были всѣ почтовыя и обывательскія лошади; послѣднюю пару закладывали при мнѣ для Англійскаго курьера, ѣдущаго къ Графу Витгенштейну. Смятеніе въ городѣ было общее; ожидали въ него непріятеля, котораго передовыя войска находились за нѣсколько миль. Я былъ въ самомъ горестномъ положеніи: дожидаться здѣсь Принца, было бы не исполнить данныхъ приказаній — и для того бралъ я уже въ руки страннический посохъ, чтобы дойти до первой станціи, гдѣ могъ еще имѣть я лошадей. Англичанинъ, сжалясь надо мною, предложилъ мнѣ уголокъ въ своей повозкѣ, только съ однимъ маленькимъ чемоданомъ. Прочее офицерское имуще-

ство принужденъ я былъ оставить у Почтмейстера съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ его свитѣ Принца, обѣщавшаго ѣхать по моимъ слѣдамъ. Противъ ожиданія моего, Принцъ взялъ другой путь, и Мускау, съ моими пожитками, черезъ нѣсколько часовъ, достался въ руки непріятеля *. 8 Маія въ полночь прибылъ я въ *Герлицъ*, гдѣ получивъ свѣжихъ лошадей, отправился съ разсвѣтомъ 9 въ деревню *Вуршенъ*, полагая найти въ ней главную квартиру. — На почтовой повозкѣ былъ я зрителемъ начала и продолженія *Бауценскаго* дѣла; былъ свидѣтелемъ, какъ Русская грудь отстояла высоты *Кенитца*, *Мелтейера* и *Пилитца*. Скоро козаки проводили нагайкою моего почталіона, съ повозкою, на обратную дорогу къ *Герлицу*, а мнѣ предложили, за бездѣльную плату, взятую въ сраженіи непріятельскую лошадь, на которой поскакалъ я отыскивать 2 Гренадерскую дивизію. Тутъ соединился я съ Шефомъ моимъ, принявшимъ уже надъ нею начальство. — 9 же вечеромъ нача-

* Сей случай доставилъ мнѣ удовольствіе испытать всю мѣру Нѣмецкой честности, которая должна бы войти въ пословицу. На вторичномъ походѣ нашемъ во Францію 1815 года заѣзжалъ я въ Мускау, и получилъ отъ Почтмейстера *всѣ мои вещи въ цѣлости!* Такая безпримѣрная черта честности тѣмъ болѣе меня удивила, что Нѣмецъ не могъ и воображать о нашемъ возвращеніи, когда либо, въ его края.

ли мы отступать. Поздно въ ночь слышны еще были громы, пускаемые съ высотъ, разсыпанныхъ по пути къ Герлицу. Каждая гора служила уступомъ, о который опирались наши силы. Смотря на сіи высоты въ ночное время, казалось, что сами небеса бросаютъ на враговъ перуны своя. — Отступленіе союзниковъ есть примѣрное въ лѣтописяхъ военныхъ. Движенія нашихъ войскъ происходятъ въ величайшемъ порядкѣ, такъ что они походятъ на манервы, давно выученные — хорошо изъясненные начальниками, совершенно постигнутые и исполняемые нижними чинами. Ни одного шага даромъ не выигралъ, до сего времени, у насъ непріятель. — Объ *Герлицѣ* ничего не могу сказать. Все, что въ немъ есть любопытнаго — по крайней мѣрѣ то, что я слышалъ въ два часа, которые въ немъ пробылъ — есть изображеніе окружности святаго гроба Господня, въ маленькомъ видѣ, въ одной изъ церквей здѣшнихъ, на подобіе того, который мы имѣемъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, или Новомъ Іерусалимѣ, подъ Москвою. Говорятъ, что женщины здѣсь прелестны, и что отсюда произошла пословица: in Sachsen schöne Mädchen wachsen (Саксонія есть родина прекрасныхъ дѣвушекъ). Большая часть тѣхъ, которыхъ я здѣсь видѣлъ, оправдываетъ сію пословицу.

. . . .
Много бѣлыхъ листовъ остается въ записной книгѣ моей. Часто, расположившись близь бивуачнаго огня, разкрываю ее — и отъ усталости роняя карандашъ на первой начатой строкѣ, дарю Морфея всѣми моими походными замѣчаніями.

Г. Нимчъ въ Шлезіи, 10 Іюля. Главная квартира по прежнему расположена около Рейхенбаха. Перемиріе продолжается (оно назначено было до 8 Іюля, но по истеченіи срока, отдалено еще до 4 Августа). Противныя стороны пользуются имъ, готовя новые перуны для новаго ратоборства. Австрія наблюдательнымъ окомъ смотритъ на сіи приготовленія и ожидаетъ только случая, чтобы перейти на сторону справедливости.

Мы получаемъ безпрестанно свѣжія подкрѣпленія. Смотры продолжаются. Все предвѣщаетъ битвы ужасныя.

На дняхъ Государь Императоръ съ Прусскимъ Королемъ посѣтили Нимчъ. Первый, будучи встрѣченъ нашимъ Корпуснымъ Начальникомъ, Генераломъ Раевскимъ, спѣшилъ обнять его. Милостивое обращеніе съ ними Его Величества восхищаетъ Гренадеръ

Справедливая дань, отдаваемая Монархомъ достойному Полководцу предъ лицемъ преданнаго ему войска, есть залогъ новыхъ побѣдъ. Полюбовавшись прекраснымъ карауломъ, даннымъ Ихъ Величествамъ отъ Санктпетербургскаго Гренадерскаго полку, они отправились въ приготовленныя имъ жилища. На другой день, въ 6 часовъ утра, въ семи верстахъ отъ Нимча, на удобномъ полѣ, дѣлали они смотръ нашимъ Гренадерамъ. Наружностію сихъ войскъ и движеніями ихъ Государи были очень довольны. Сыны Сѣвера въ привѣтствіяхъ любимаго Монарха почерпнули новое мужество и силу. Послѣ смотра, Генералъ Раевскій угощалъ Ихъ Величества завтракомъ въ близь лежащей мызѣ Коблау. Садясь за столъ, Императоръ вспомнилъ о хозяйкѣ дома Баронессѣ Эйгорнъ, и пригласилъ ее, со свойственною Ему любезностію, взять мѣсто возлѣ Себя. Послѣ завтрака Его Величество изволилъ долго разговаривать въ полголоса съ Австрійскимъ Генераломъ, присланнымъ съ порученіями отъ Двора своего. Говорятъ, что онъ вѣстникъ присоединенія Австріи къ священному союзу. — Государь Императоръ и Прусскій Король, удостоивъ въ сей день нѣсколькихъ лестныхъ словъ любезнѣйшаго *нашего* Полковника Жемчужникова, почтили симъ милостивымъ вниманіемъ, въ

храбромъ, отличномъ Офицерѣ, заслуги и дарованія.

Временемъ отдыха, дорованнаго намъ перемиріемъ, пользуемся слѣдующимъ образомъ. Иногда собравшись толпою наѣздниковъ, на перелетныхъ Донцахъ, съ неразлучной нагайкою за плечами, обтекаемъ живописныя окрестности. То на равнинахъ образуемъ эскардоны, пускаемся въ нападенія, разсыпаемся, собираемся, настигаемъ другъ друга, убѣгаемъ одинъ отъ другаго — и въ сихъ невинныхъ играхъ дѣлаемъ опыты тѣхъ грозныхъ битвъ, которыя, можетъ быть, многимъ изъ насъ будутъ стоить жизни. То отдѣлившись отъ соратныхъ друзей, ѣду на шумъ зовущаго къ себѣ ручейка. Въ надеждѣ на вѣрнаго коня, спускаюсь съ крутой горы, рядомъ съ грозною опасностію и вслѣдъ за нею. За то, какъ пріятно достигнуть, сквозь препятствій, цѣли своихъ желаній; какъ сладостно любоваться съ твердой земли прошедшими ужасами! Не рѣдко, слѣдуя за стопами своенравнаго путника, не хотѣвшаго идти за другими по обыкновенному пути, запутываюсь въ густотѣ рощи. Въ такомъ случаѣ ауканье пастушки, или Тирольская пѣсня, или заунывные отголоски родныхъ звуковъ, служатъ мнѣ проводникомъ.— Почти каждое хорошее утро бываю за три версты отсюда, въ деревнѣ на сѣрныхъ во-

дахъ. Тамъ часто встрѣчаю Генерала Раевскаго, пользующагося ими. Случается, что онъ пріѣхавъ туда послѣ насъ, оберъ-офицеровъ, и не заставъ ни одной порожней ванны, дожидается нашего выхода, не приказывая даже своему слугѣ безпокоить насъ извѣщеніемъ, что онъ находится въ передней комнатѣ. — Воды сіи дѣлаютъ много пользы нашимъ раненымъ и другимъ случайнымъ больнымъ.

Чаще всего посѣщаемъ, близъ Нимча, мѣстечко Маріендорфъ, гдѣ поселилось общество Геррнгутовъ (Herrnhuten). Въ сихъ путешествіяхъ бываютъ мнѣ пріятнѣйшими сопутниками Адъютантъ Генерала Раевскаго, Князь Трубецкой, умный, любезный молодой человѣкъ, и милый Нееловъ, Адъютантъ Генер. Чоглокова. Съ такими товарищами удовольствія получаютъ новую цѣну.

Если вы читали прекрасное описаніе Сарепты *путешественникомъ въ полуденную Россію*, то можете сдѣлать себѣ понятіе о здѣшней колоніи. »Но воображеніе — говоритъ Г. Измайловъ — не представитъ себѣ никогда того, что глаза видятъ здѣсь.« Правда, нѣтъ такого искуснаго пера, такой волшебной кисти, которыя могли бы передать сей способности ума полную, живую картину завидной жизни Геррнгутовъ. Видѣть собственными глазами зрѣлище ихъ нравовъ, обычаевъ и жи-

лицъ есть наслажденіе неизъяснимое; но кто лишенъ сего случая, доволенъ будетъ, когда передадутъ ему, хотя неполное, описаніе ихъ, когда подѣлятся съ нимъ, хотя по поламъ, симъ наслажденіемъ. Заключенный рукою судьбы въ тѣсной клѣткѣ своей счастливъ, порхая и мечтами за вольною птичкою.

Скажите мнѣ: радуетъ ли васъ, когда, шедши по голой, пустой равнинѣ, услышите отъ встрѣчнаго вамъ путника, что скоро представятся вамъ полянка, цвѣтами усыпанная, сверкающій въ долинѣ ручеекъ и красивый пріютъ селянина? — Такъ утѣшала насъ, по дорогѣ въ колонію, мысль, что мы скоро въ ней будемъ. Завидя издали красныя крышки изъ черепицы, предчувствуешь уже какое-то пріятное зрѣлище. Широкая дорога, осѣненная съ обѣихъ сторонъ тополями, на подобіе пирамидъ возносящимися, ведетъ васъ въ колонію съ четверть версты. Въѣзжаете въ мѣстечко, и предчувствіе ваше всѣмъ подтверждается. Улица широкая; чистота на ней чрезвычайная. Домы небольшіе, но почти всѣ двух-этажные; они вычтукарены снаружи и всѣ выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Кажется, что они принадлежатъ одному хозяину, въ одно время строились и въ одинъ часъ докончаны. Вы не найдете здѣсь не только ветхаго дома, но даже такого, который нѣсколько

мрачною наружностію своею напоминалъ бы вамъ, что онъ стоитъ уже года три, четыре: вся колонія какъ будто на дняхъ отстроена. Если позволено придать жизнь зданіямъ, то и я сказалъ бы, что мѣстечко улыбается веснѣ своей. Внутренность домовъ отвѣчаетъ наружности. Взойдите въ первое жилище: къ сапожнику, въ конфектную лавку, къ книгопродавцу, къ сѣдельнику: вездѣ тотъ же порядокъ, та же чистота. Опрятность, радовавшая меня между Нѣмецкими жителями, доведена здѣсь до совершенства: вы найдете ее въ одеждѣ, въ мебели, въ пищѣ и — въ нравахъ здѣшнихъ поселенцевъ. Колонистъ одѣвается просто и чисто; въ праздничные дни бываетъ одѣтъ не чище, но нѣсколько щеголеватѣе. Пріятная наружность его выражаетъ душу благородную и добрую, свободную отъ угнетенія нищеты и высокомѣрія роскоши; — онъ только тогда хмурится, когда встрѣчаетъ человѣка въ запачканной одеждѣ и съ черною душею. Высшаго и низшаго состоянія между ними не существуетъ: золотая посредственность всѣхъ уравниваетъ; излишество отдается неимущимъ. Въ разговорахъ ихъ, въ ихъ поступкахъ не замѣтилъ я ничего такого, что могло бы заставить краснѣть нравственность. Я пріѣзжалъ сюда въ праздники, и не видалъ между ними пьянаго. Въ простые дни,

когда бы не пришли къ Геррнгуту, всегда застанете его за работою. Трудолюбіе и порядокъ суть душа ихъ общества; надобно прибавить и честность, потому что вы нигдѣ, ничего дешевле и прочнѣе не купите, какъ у колониста. Показывая свой товаръ, онъ дѣлаетъ это съ усердіемъ, съ желаніемъ вамъ угодить; но не навязывая его, не сердясь, если онъ вамъ не понравится.

Храмъ молитвы, домъ воспитанія благородныхъ вѣдицъ и больница для бѣдныхъ одни возвышаются надъ прочими зданіями; но во внутренности ихъ соблюдены тотъ же порядокъ и простота. Почти всякій разъ, какъ бываю здѣсь, посѣщаю домъ воспитанія. Иногда застаю прелестныхъ малютокъ за ученіемъ. Какая тишина, какое вниманіе къ наставленіямъ учительницы! какое же съ ея стороны усердіе передать ученицамъ свои собственныя знанія! Здѣсь не обременяютъ памяти дѣтей задачею разнообразныхъ уроковъ, чтобы составить потомъ въ головѣ ихъ мрачный хаосъ произшествій и наукъ. Что онѣ слышатъ во время ученія, то видятъ, то и чувствуютъ. Для нихъ Исторія есть зрѣлище добродѣтелей и пороковъ, а не подробное лѣтосчисленіе; Географія у нихъ картина міра съ его обычаями, нравами, силами, богатствомъ и

красотою, а не сборище городовъ, рѣкъ и прочаго; Математикѣ учатся онѣ не для хвастовскаго рѣшенія задачь Алгебраическихъ, а для домашняго употребленія; берутъ онѣ уроки танцованія, чтобы развязать тѣло, а не оспоривать на балахъ первенство искусства у соперницъ; музыкѣ научаютъ ихъ для собственнаго ихъ удовольствія и семейства, въ которомъ судьба укажетъ имъ жить, а не для того, чтобы собирать шумные плески. Искусствомъ рукодѣлья своего воспитанницы могли бы гордиться. Вы сдѣлаете имъ угодное, если купите что нибудь изъ трудовъ ихъ у надзирательницы, потому что деньги, отъ сего выручаемыя, отдаются бѣднымъ. Между ними есть уже нѣсколько дѣвушекъ, готовящихся быть супругами. Быстрый румянецъ на щекахъ и томные, потупленные взоры говорятъ, что пора *любить* для нихъ приходитъ. Въ школѣ скромности, простоты, трудолюбія и благотворенія воспитанная можетъ ли не сдѣлать счастія честнаго человѣка, которому сердце на нее укажетъ? Правда, что онъ не найдетъ въ ней ни балерники, ни музыкантши, но получитъ съ нею вѣрную, добрую жену.

Здѣшнее кладбище есть садъ; каждая могила въ немъ есть цвѣтникъ. Вступая въ

жилище смерти, вы не видите ничего, чтобы вамъ ее напоминало, чтобы пугало васъ грозными ея принадлежностями. Гуляете по тѣнистымъ, каштановымъ аллеямъ; разсматриваете маленькія возвышенія, съ которыхъ вѣетъ ароматъ тысячи цвѣтовъ, пріятно для глазъ разсаженныхъ; любуетесь красивыми памятниками, кое-гдѣ между ними вызвышающимися; читаете надписи, дышащія простотою и нѣжностію; покоетесь въ тѣни деревъ, осѣняющихъ цвѣтные холмики — и душа ваша наполняется не ужасомъ перехода изъ сей юдоли въ мрачный гробъ, но тихимъ, сладкимъ предчувствіемъ безсмертія. Надобно быть здѣсь въ праздничные дни, чтобы видѣть, какъ полна жизни обитель смерти. Тогда всѣ колонисты, съ семействами своими, собираются на могилы друзей и родственниковъ; вспоминаютъ ихъ не вытьемъ, за ранѣе выученнымъ, но потаенными слезами, тихими вздохами. Въ это время садъ дѣлается настоящимъ гульбищемъ, ходятъ по тѣнистымъ аллеямъ, разговариваютъ о добродѣтеляхъ покойныхъ, молчатъ о порочныхъ, и въ сладкой бесѣдѣ объ умершихъ научаются *жить*.

Г. Нимчь, 20 Іюля. Военные собраты, здѣсь живущіе при Корпусномъ Штабѣ, собираются часто въ городскомъ саду. Въ числѣ сихъ посѣтителей бываютъ Полковники *Писаревъ*, *Княжнинъ* и Баронъ *Дамасъ:* всѣ отличные умомъ и познаніями Офицеры. Первый извѣстенъ и на литтературномъ поприщѣ. Иногда Корпусный нашъ начальникъ Генералъ Раевскій украшаетъ своимъ присутствіемъ бесѣду, собиращуюся въ здѣшнемъ саду. Душею же сей бесѣды бываетъ Гусарскій Полковникъ Денисъ Васильевичь *Давыдовъ*, извѣстный партизанъ и *Пѣвецъ вина, любви и славы*. Нынѣшняя война, примѣрная исполинскими подвигами Русскаго народа, достойна также замѣчанія по нѣкоторымъ людямъ, рожденнымъ ею съ отличною печатью военныхъ дарованій. Можно назвать ихъ оригиналами; все въ нихъ особенное, даже странное — разговоръ, одежда, дѣла ихъ: они создали для себя особенную сферу, и дѣйствуютъ въ ней для пользы Отечества и собственной славы. Другой характеръ былъ бы имъ неприличенъ. Надобно родиться подобно имъ; воспитаніемъ не льзя пріобрѣсть то, что Природа имъ дала. Всякое подражаніе имъ было бы достойно смѣха: это походило бы на басню *звѣря*, ходившаго въ львиной кожѣ. Первый взоръ помѣщаетъ партизана Давыдова въ число

сихъ знаменитыхъ оригиналовъ; — нынѣшняя война дала ему между ними почетное мѣсто * Ведетъ ли онъ въ рубку Гусаръ своихъ, или козаковъ на сласную добычу; разсказываетъ ли анекдоты, поправляя *усъ чернобурый въ завиткахъ;* славитъ ли въ пѣсняхъ своихъ бивуачную жизнь, пламенный нектаръ и любовь: вездѣ онъ единственный, неподражаемый Давыдовъ!

Мы составляемъ иногда свой *Оберъ-Офицерскій* кружокъ; разсказываемъ другъ другу, что видѣли, слышали достойнаго замѣчанія въ теченіи прошедшей кампаніи; разсуждаемъ о дѣяніяхъ и характерахъ полководцевъ; не забываемъ въ сихъ случаяхъ и подвиговъ нижнихъ чиновъ. — Сообщаю здѣсь *нѣчто* изъ того, что почерпнулъ въ сихъ бесѣдахъ.

Обыкновенный полководецъ, смѣшанный въ толпѣ ему подобныхъ, ограничиваетъ свои дѣйствія слѣпымъ исполненіемъ данныхъ ему наставленій; умъ его прикованъ къ чертѣ, предписанной ему по необходимости времени, или обстоятельствъ. Но военный Геній, дѣй-

* Первое между партизанами мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ *Фигнеръ*.

ствуя съ благоразумною покорностію въ назначенномъ ему кругу, творитъ другой обзоръ, другое поле для своихъ подвиговъ; обтекая свое поприще орлинымъ полетомъ, онъ назназначаетъ мѣсто, гдѣ воспользоваться слабою стороной врага, чтобы вѣрнѣе поразить его, гдѣ поставить новый памятникъ славы своему Царю и Отечеству. Таковымъ видѣли мы всегда Графа *Воронцова;* таковымъ явился онъ въ слѣдующемъ подвигѣ, хотя не вполнѣ совершившемся, но по одной мысли, по одному начертанію достойномъ занять отличное мѣсто въ исторіи нынѣшней войны.

Оставленный съ небольшимъ отрядомъ, изъ Русскихъ и Прусаковъ состоящимъ, на берегу Эльбы противъ Магдебурга, для блокады сей крѣпости, Графъ *Воронцовъ* имѣлъ за нею строжайшее наблюденіе. Сообщенія между городомъ и непріятельскою арміею были прерваны; курьеры, посылаемые изъ того и другой, перехвачены. Козаки *Мѣльникова* полку, переплывая рѣку съ вѣрными конями своими, возили ужасъ на концахъ своихъ копій подъ стѣны самаго Магдебурга. Французы не только не осмѣливались сдѣлать движеніе на Берлинъ — чего опасаться должно было — но содержимые въ безпрестанномъ ожиданіи увидѣть Русское знамя на бойницахъ Магдебурга, приготовлялись единственно къ собственной

защитѣ. Графъ, считая сіе состояніе робости, въ которомъ видѣлъ непріятеля, удобнымъ для совершенія, въ сторонѣ отъ него, необыкновенной военной стратагемы, могущей принести намъ большія выгоды, спѣшилъ ее исполнить.

Въ Лейпцигѣ оставлены были Наполеономъ, при самомъ слабомъ отрядѣ, ремонтъ лошадей на нѣсколько эскадроновъ, множество военныхъ снарядовъ, нѣсколько артиллеріи, казенные ящики, магазейны съ провіантомъ и гошпитали. Такая добыча достойна была Русскаго штыка. Графъ *Воронцовъ* рѣшился присоединить ее къ другимъ трофеямъ нашимъ, не дѣлая съ своей стороны никакихъ важныхъ пожертвованій.

Между Эльбою и мѣстечкомъ Рослау находился въ распоряженіи Русскихъ соляный заводъ, на коемъ изготовлено было большое количество соли и съ коего хозяева съ приближеніемъ непріятеля удалились. Графъ приказалъ объявить окружнымъ жителямъ, что всякой желающій можетъ за нею пріѣхать и брать оной безденежно столько, сколько поднять въ силахъ на лошадяхъ своихъ. Для полученія соли былъ назначенъ *одинъ* часъ. Сіе объявленіе столько обрадовало поселянъ, давно нуждавшихся въ одной изъ первыхъ потребностей жизни, что большое число жите-

лей ближайшихъ селъ, побуждаемо или необходимостію или корыстолюбіемъ, оставило свои домы и въ назначенное время прибыло къ соляному заводу на огромныхъ возахъ, большею частію запряженныхъ въ четыре сильныя лошади — такъ что возовъ сихъ насчитало ль до 500. Пользуясь симъ случаемъ и темнотою наступившаго вечера, по данному приказанію, нѣсколько баталіоновъ вышли изъ закрытаго мѣста и заняли всѣ повозки безъ исключенія, не отпуская отъ себя хозяевъ. Послѣднихъ предувѣдомили, что ихъ собственность будетъ сохранена и съ ними поступятъ дружелюбно; — удовлетворить же ихъ требованія обѣщались черезъ день. Между тѣмъ для лучшаго закрытія нашихъ движеній оставлена была, на прежнемъ своемъ мѣстѣ, часть отряда, занимавшая передовые посты. Полковникъ *Красовскій*, всегда готовый угадывать мысли своихъ начальниковъ, храбрый и испытанный Офицеръ, содѣйствовалъ еще болѣе сему маскированію, сдѣлавъ на другой день балъ въ своемъ лагерѣ. Громъ полковой музыки раздавался даже на противномъ берегу Эльбы, подъ стѣнами самаго Магдебурга; посѣтительницъ пріѣхало очень много изъ округи. Французскіе Офицеры, прельщенные сими веселостями и обезпеченные нашимъ спокойствіемъ, вышли на свой берегъ

съ жительницами Магдебурга въ такомъ множествѣ, что берегъ сей былъ ими усыпанъ. Въ продолженіе ночи Графъ *Воронцовъ*, сдѣлавъ съ летучимъ отрядомъ своимъ около 60 верстъ, встрѣтилъ первые лучи солнца подъ стѣнами Лейпцига. Онъ послалъ туда немедленно Офицера съ извѣщеніемъ Французскаго Коммендатна о своемъ прибытіи и съ требованіемъ сдать Русскимъ въ нѣсколько часовъ все, что принадлежало одноглавому орлу Франціи;--въ случаѣ же отказа, нѣсколько тысячь штыковъ готовы были повторить сіи требованія въ стѣнахъ самаго города. Къ счастію Французскаго Коммендатна, онъ только что получилъ отъ своего Императора увѣдомленіе о заключенномъ съ Россійскимъ Государемъ и Королемъ Прусскимъ перемиріи. Безъ сего случая, долженъ бы онъ былъ сдаться военноплѣннымъ новому Олегу и принесть въ дань его стратагемѣ все, что имѣлъ подъ распоряженіемъ своимъ въ Лейпцигѣ. Въ отвѣтѣ своемъ *доносилъ* онъ Графу *Воронцову* о семъ перемиріи и, въ доказательство справедливости своихъ словъ, послалъ къ нему въ залогъ (аманатами) нѣсколько извѣстнѣйшихъ Офицеровъ. Прибывшій вскорѣ изъ Россійской арміи курьеръ подтвердилъ сіе извѣстіе. Съ сокрушеніемъ сердца Герой отступилъ отъ Лейпцига.

Повторяю: подвигъ сей, хотя не вполнѣ совершившійся, достоинъ дани уваженія военнаго историка по одной смѣлой и великой мысли начертавшаго его Генія *.

---

13 Іюля 1812 года, подъ Островною, непріятельская артиллерія — желая сбить Русскій отрядъ съ поста, который оному непремѣнно удержать должно было для пользы движеній прочихъ нашихъ войскъ — дѣйствовала со всѣмъ постояннымъ ожесточеніемъ многочисленности орудій и со всѣмъ искусствомъ ими управляющихъ. Безпрерывный огонь ея, продолжавшійся нѣсколько часовъ, носилъ гибель и смерть въ ряды Русскихъ. Донесли о семъ Графу *Остерману*, начальнику отряда, и спрашивали его, что̀ онъ прикажетъ дѣлать. »*Ничего не дѣлать:* сказалъ онъ — *стоять и умирать!*« Конецъ битвы увѣнчалъ успѣхомъ сей геройскій отвѣтъ, достойный стоять въ Исторіи на ряду съ знаменитымъ изреченіемъ стараго Горація **.

---

* Анекдотъ сей разсказанъ мнѣ Г. Паулинымъ, Поручикомъ 14 Егерьскаго полку, нынѣ Подполковникомъ Л. Г. Гренадерскаго и Адъютантомъ Графа Остермана-Толстаго.

** Сообщено Полковникомъ Жмчжинквм, и описано уже правдивымъ и достойнымъ безпристрастной хвалы перомъ Г. Ахшарумова. 1820.

Русскій солдатъ славится не одними подвигами на полѣ брани; онъ достоинъ вѣнка и за мирныя добродѣтели. — По окончаніи Бородинской битвы, когда смерть утомилась надъ безчисленными жертвами своими, раненый рядовой 2 роты своднаго Гренадерскаго баталіона, *Никифоръ Ишутинъ*, присоединяясь къ ротѣ своей, шелъ медленно за нею съ поля сраженія. Вдругъ слышитъ онъ за собою слабые стоны, которые — казалось ему — звали его на помощь. Пренебрегая страхомъ попасться въ плѣнъ къ непріятелю, разставлявшему въ виду его свои пикеты, онъ возвратился на то мѣсто, откуда выносились звуки умирающаго голоса. Тамъ нашелъ онъ роты своей Прапорщика *Франка*, плавающаго въ крови отъ полученной имъ тяжкой раны пулею въ ногу. »Богъ принесъ меня къ вашему благородію — сказалъ онъ: дамъ ли я непріятелямъ ругаться надъ вами?« Не смотря на собственную боль, онъ втащилъ Офицера на плеча свои, и готовился одинъ нести его изъ опаснаго мѣста, какъ другой солдатъ той же роты, видѣвшій издали его усилія, присоединился къ нему и помогъ ему донести драгоцѣнную ношу въ цѣпь, гдѣ перевязывали раненыхъ. Съ сего времени *Ишутинъ* не отходилъ отъ больнаго Франка; въ продолженіе отступленія досталъ ему съ лошадью повозку, кормилъ его, перевязывалъ ра-

ны и смотрѣлъ за нимъ, какъ нѣжный отецъ. При выходѣ Русскихъ войскъ изъ Москвы, не смотря на увѣщанія товарищей и тамошнихъ жителей, онъ не разстался съ умирающимъ Офицеромъ. Все, что они претерпѣли въ пребываніе непріятелей въ древней столицѣ нашей, не можетъ быть описано. Довольно сказать, что домъ, въ которомъ они нашли было себѣ покойный уголокъ, преданъ былъ пламени злобными пришлецами. Въ семъ случаѣ Франкъ долженъ былъ погибнуть, если бы вѣрный *Ишутинъ* не вынесъ его изъ огня на плечахъ своихъ, какъ благочестивый Эней отца своего Анхиза *. Обоихъ сохранилъ Всевышній; оба наслаждаются жизнію: одинъ утѣшаясь добрымъ дѣломъ своимъ, другой — радуясь, что можетъ говорить о своей благодарности солдату-благодѣтелю **.

Кто не знаетъ суровой дисциплины, въ которой содержатъ Козаковъ знаменитый Атаманъ ихъ, Графъ Платовъ? Одинъ взоръ, одно слово его имѣютъ надъ ними волшебное дѣйствіе. Часто останавливалъ онъ бѣгущихъ,

* Послѣ сего пожара, онъ перенесъ Офицера въ домъ Г. Профессора Горюшкина.

** Самъ Франкъ разсказывалъ мнѣ о чудесномъ избавленіи своемъ. Рядовой Ишутинъ переведенъ былъ въ послѣдствіи времени въ Гренадерскій Графа Аракчѣева полкъ.

показывая имъ только издали грозную нагайку свою; часто обращалъ ихъ къ побѣдѣ любимымъ своимъ изреченіемъ: *на Донской землѣ костей не погребу!* — изреченіемъ, съ которымъ сливается все священное для души Козака, съ которымъ никакое краснорѣчіе не можетъ сравниться.

Лаунъ, въ Богеміи, 22 Августа. Великая надежда союзныхъ Монарховъ, надежда самой Франціи — *Моро* скончался. Онъ умеръ такъ, какъ жилъ — Героемъ.

Генералъ *Моро*, совершивъ въ 31 день путешествіе свое изъ Америки въ Европу, поспѣшалъ въ тѣ мѣста, куда взоры и сердца народовъ ожидали его съ нетерпѣніемъ. День появленія его въ Прагѣ (3 Августа, на канунѣ разрыва перемирія) и слѣдующіе за нимъ были днями торжества для жителей и войска. Говорятъ, что прибытіе его произвело нѣкоторое волненіе въ легіонахъ Французскихъ и на чело предводителя ихъ надвинуло мрачныя тучи подозрѣнія. Союзные Монархи на перерывъ старались доказать славному гостю, сколько онъ Имъ любезенъ и необходимъ для назначенія рѣшительнаго *пира* народной свободы. Россійскій Императоръ особенно умѣлъ столько плѣнить его Своимъ милостивымъ

обращенiемъ, что Генералъ забылъ прошедшiя бѣдствiя свои, изгнанiе, неблагодарность отечества, разлуку съ семействомъ и друзьями, и казалось, обрѣлъ ихъ въ Русскомъ Государѣ. Онъ называлъ Его всегда *лучшимъ изъ смертныхъ* *. Вспыхнувшее въ нѣкоторыхъ полкахъ Французскихъ неудовольствiе; невольный восторгъ народовъ; надежда союзныхъ войскъ и предводителей ихъ; увѣренность Монарховъ — все, казалось, предвѣщало, что Генiю *Моро* предоставлено было сказать Европѣ: *ты свободна!* Но судьба, опредѣливъ славу освобожденiя ея другому избранному, расположила иначе.

15 числа, не смотря на сильный дождь, препятствовавшiй дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружiямъ, дѣло подъ Дрезденомъ еще къ полдню продолжалось. Россiйскiй Императоръ, Моро и два Англiйскiе Генерала *Каткартъ* и *Вильсонъ*, стояли за Прускою батареею **, на которую устремлено было въ лице и въ крыло сильное дѣйствiе двухъ непрiятельскихъ батарей. *Моро* находился не далѣе, какъ на четыре шага отъ Государя, разсказывая ему о нѣкоторыхъ тактическихъ наблюденiяхъ. Въ сiе время ядро, пролетѣвъ мимо Императора, раздробило совершенно у Французскаго Генерала колѣно лѣвой ноги и, перерѣзавъ по-по-

* Или *лучшимъ изъ человѣковъ:* le meilleur des hommes.

** На высотѣ, за деревнею *Рекнитцъ*.

ламъ лошадь, снесло икру другой ноги. Всѣхъ нѣжныхъ попеченій, оказанныхъ ему при семъ горестнѣйшемъ случаѣ Россійскимъ Государемъ, не возможно пересказать. Но ни заботы Монахра, ни искусство извѣстнѣйшихъ медиковъ, ни молитвы народовъ не могли спасти Героя. Онъ скончался здѣсь 20 Августа Послѣднія слова его обращены были къ нѣжной супругѣ и Вѣнценосному Благодѣтелю. Славная *смерть* его, конечно, украситъ страницу въ Исторіи *жизни* Русскаго Государя.

Строки, начертанныя Его Величествомъ вдовѣ знаменитаго Моро, въ изліяніи сердечнаго соучастія въ горестной ея потерѣ, будутъ говорить вѣкамъ грядущимъ о величіи Его души.

Лаунъ, 23 Августа. Гордись, Россія! духъ сыновъ твоихъ побѣдилъ величіе Греціи и Рима. Ты не имѣешь болѣе нужды, въ примѣръ питомцамъ твоимъ, указывать на родину Леонидовъ и Сципіоновъ: ты перенесла ее съ сими Героями на священную твою землю. Потомство твое, при новыхъ непомѣрныхъ подвигахъ мужества, не будетъ болѣе говорить: они сражались и умирали, какъ Спартанцы подъ Ѳермопилами. Нѣтъ! сыны и внуки наши скажутъ тогда: они сражались и побѣждали, какъ *Русскіе подъ Кульмомъ.*

17 Августа, 8 тысячъ Русской Гвардіи встрѣтились въ горахъ Богеміи съ непріятелемъ, пять разъ превышавшимъ ихъ силою своею *. И многочисленность враговъ, и мужество ихъ, многократными боями неутомленное, и самонадѣянность ихъ полководца (Вандамма), и защита ихъ самою Природою, противъ насъ вооружившеюся и стѣснившею нашу малую рать между своими грозными утесами: все, казалось, предвѣщало гибель Русскихъ. Но питомцы Сѣвера не считаютъ враговъ; не страшатъ ихъ угозы Природы; — за нихъ слава имени Царскихъ охранителей; сильны они духомъ и вѣрою во Всемогущаго; ведетъ ихъ Остерманъ, съ ними Ермоловъ— — — и Русскіе славятъ Бога побѣды на горахъ Кульмскихъ!..

Именуя одного Героя сей битвы, именуешь всѣхъ, въ ней бывшихъ. Довольно сказать, что каждый изъ нихъ имѣлъ противъ себя пять поборниковъ, и каждый остался побѣдителемъ.

Но душею, предводившею мышцами и духомъ сихъ Героевъ; главною твердынею, о которую сокрушились искусство и силы враговъ; первымъ виновникомъ побѣды былъ — *Остерманъ.* Ему вѣнецъ ея; ему восторгъ современ-

* Корпусъ Вандамма былъ 40-тысячный.

ныхъ народовъ, неизмѣнная любовь потомства и безпристрастная дань будущаго Историка! Богемія одолжена ему своимъ спасеніемъ; Россія — новою степенью славы! *Ермолову* принадлежитъ вторый вѣнокъ, который не увянетъ подъ зноемъ и бурями временъ, и можетъ быть, получитъ новый блескъ въ рукахъ справедливаго бытописателя. Одинъ, какъ пламенный Леонидъ, готовъ былъ погребсти себя въ горахъ Богеміи за честь Русскаго имени; другій, какъ холодный Мильтіадъ, готовъ былъ дѣйствовать и распоряжать даже и тогда, когда бы *все* погибало. Одинъ, хотя вселенная сокрушалась бы и грозила бы подавить его своимъ паденіемъ, взиралъ бы на разрушеніе міра безъ содроганія; другій, въ семъ случаѣ, искалъ бы еще въ умѣ своемъ средствъ, какъ отвратить паденіе вселенной! — *Остерманъ*, потерявъ руку, не чувствуетъ страданій: онъ забылъ себя — онъ мыслитъ только о славѣ своего Отечества. Вынесенный съ мѣста сраженія, готовясь къ труднѣйшей операціи, при дверяхъ гроба — онъ *весь* еще на полѣ битвы; онъ *весь* среди храбрыхъ своихъ сподвижниковъ! »О чемъ плачете вы?« — говоритъ онъ съ твердостію патріота и Христіанина окружающимъ его — »лѣвая рука у меня лишняя: осталась еще другая для защиты Отечества, служенія Государю и творенія святаго креста.« — По-

теря крови и истощеніе силъ ввергаютъ его наконецъ въ сильный обморокъ. Въ сіе самое время подъѣзжаетъ къ нему Прусскій Король, поспѣшаетъ слѣзть съ лошади, разспрашиваетъ, съ живѣйшимъ участіемъ, сопровождающихъ храбраго вождя о состояніи его раны, и заключая по отвѣтамъ ихъ, что жизнь его въ опасности, Вѣнценосный другъ человѣчества не можетъ удержать слезъ своихъ. Но къ общей радости, Герой, черезъ нѣсколько минутъ, открываетъ глаза. Первымъ въ немъ знакомъ жизни есть мысль о Государѣ: — и на краю гроба, въ самыхъ хладныхъ объятіяхъ смерти, сія мысль въ немъ не погасала! »Est-ce vous, Sire? L'Empereur mon maitre est-il en sureté? (Ваше ли Величество вижу? Въ безопасности ли Государь Императоръ?)«— спрашиваетъ онъ Короля Прусскаго, и примѣтивъ слезы на лицѣ Его Величества, силится привстать, чтобы изъяснить свою признательность, съ сими слезами на всегда въ душѣ его запечатлѣнную *. Принесенный подъ

* Находившись Адъютантомъ при Графѣ А. И. Остерманѣ-Толстомъ, я имѣлъ не рѣдко случай внимать искреннимъ выраженіямъ глубокаго уваженія и признательности, хранимыхъ имъ къ Королю Прусскому. Не довольно было ему содержать образъ Его Величества въ душѣ своей: онъ пожелалъ имѣть сей образъ передъ глазами своими—и знаменитый Торвалдсенъ, одушевивъ рѣзцомъ своимъ холодный мраморъ, исполнилъ его желаніе. Бюсты Ко-

сѣть лѣса, куда не достигали ядры непріятельскихъ батарей; повѣря совершеніе операціи молодому Кучковскому, коего физіономія ему понравилась, — въ самыя минуты, когда готовились отнять у него руку, приказываетъ онъ стоявшимъ у лѣску Гвардейскимъ музыкантамъ спѣть *Русскую* пѣсню. Вскорѣ приносятъ нѣсколько знаменъ, отбитыхъ у непріятеля. При видѣ сихъ трофеевъ, взоры Героя блистаютъ огнемъ радости; — душа его наслаждается восторгомъ, котораго онъ воздержать не можетъ. »По крайней мѣрѣ умру непобѣжденнымъ!« восклицаетъ онъ голосомъ сердечнаго торжества. — *Ермоловъ*, принявъ начальство, не охлаждаетъ геройскаго духа Русскихъ воиновъ. »Товарищи!« — говоритъ онъ имъ — »взгляните на храбраго, »израненнаго начальника вашего. Не дайте »смѣяться надъ нами врагамъ. Вспомните о »славѣ прошедшихъ битвъ, о величіи имени »Русскаго; подумайте и о томъ, *что* потерять и *что* пріобрѣсть нынѣ можете. На »васъ смотритъ родина съ колыбелью ва»шихъ дѣтей, съ могилами вашихъ отцевъ. »На васъ взираетъ Самъ Государь, сей дра»гоцѣнный залогъ, препорученный намъ нынѣ

роля и Королевы Луизы, работы сего славнаго художника, украшаютъ нынѣ домъ Его Сіятельства, въ Петербургѣ. 1820.

*

»самими Небесами. Покажите народамъ, что »вы истинные тѣлохранители Его; докажи»те врагамъ, что вы Русскіе!« — И воины, вновь одушевленные словами и примѣромъ любимаго начальника, стремятся съ яростію на враговъ, разятъ, гонятъ ихъ, берутъ въ плѣнъ—и побѣда рѣшена! — —

И Русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога!

Проѣздъ Графа *Остермана* черезъ здѣшнія селенія есть настоящее торжество Героя. Жители, стремящіеся толпами видѣть избавителя Богеміи, покидаютъ свои домы, оставляютъ работы свои, заграждаютъ ему дорогу и тѣснятся около него съ благоговѣніемъ. Дѣвы усыпаютъ путь его цвѣтами; старцы, слишкомъ слабые, чтобы дотащиться до него, со слезами на глазахъ, простираютъ къ Небу руки, моля Его о сохраненіи дней великаго мужа; матери заставляютъ дѣтей своихъ лобызать края его одежды: вездѣ встрѣчаютъ и провожаютъ его благословеніями; вездѣ отдается слуху и сердцу его имя спасителя Богеміи *. — Торжество, достойное истин-

* Отъ лица благодарной Богеміи, за спасеніе ея отъ враговъ, былъ присланъ въ 1816 году Герою новыхъ Ѳермопилъ осыпанный драгоцѣнными каменьями золотый сосудъ, который отосланъ имъ въ даръ Л. Г. Преображенскому полку при скромномъ донесеніи Государю

наго Героя, ліющаго кровь свою для пользы Отечества и спокойствія Его союзников — торжество, которымъ не можетъ наслаждаться честолюбецъ, по прихотямъ своимъ разрушающій тишину и счастіе въ семействахъ!

Императору о семъ пожертвованіи. На сей случай Его Величество отвѣчалъ ему Рескриптомъ А), исполненнымъ лестными для Вождя выраженіями, и препроводилъ къ нему драгоцѣнную по *многимъ* отношеніямъ вазу, съ изображеніемъ его въ день Кульмской битвы. 1820.

1814.

На высотахъ Монмартра, 6 часовъ пополудни 18 Марта. Еще влѣво отъ насъ, въ корпусѣ Генерала Раевскаго, громы изрѣдка отдаются; вотъ уже утихаютъ, вотъ — и совсѣмъ замолкли! Вправо и у насъ, въ гренадерскомъ корпусѣ, все давно молчитъ. Передъ нашимъ строемъ Московскіе гренадеры, по приказанію Главнокомандующаго, ломаютъ телеграфъ. Солдаты, разсыпанные въ стрѣлкахъ, собираются къ полкамъ своимъ, ведя за собою по нѣскольку плѣнныхъ Французовъ. Я сижу у окна въ небольшомъ красивомъ домѣ, стоящемъ на гордой высотѣ, многими подобными домиками, мѣльницами и виноградными садами усыпанной. Впереди подъ нами стелется въ морѣ тумана обширная столица Францій. Напрягаю зрѣніе, хочу видѣть Парижъ, и вижу одну мрачную кучу зданій, взгро-

мождённыхъ, кажется, другъ на друга, и теряющихся вдали сизою, безконечною полосою. Взоры съ удовольствіемъ то носятся надъ туманной бездной города, то гуляютъ влѣво по зеленымъ берегамъ Сены, или возвращаются въ ряды сѣверныхъ Героевъ, и не знаютъ, гдѣ остановиться. Вдругъ наступаетъ глубокая тишина! ....

Главнокомандующій *Барклай де Толли* и Графъ *Милорадовичь*, Русскій Баярдъ (Chevalier sans peur et sans reproche), подъѣзжаютъ къ нашимъ рядамъ и поздравляютъ воиновъ, участниковъ въ нынѣшнемъ дѣлѣ, со взятіемъ Парижа. Громкое радостное *ура!* разливается по высотамъ Монмартра. Начальники и подчиненные привѣтствуютъ и обнимаютъ другъ друга; лица всѣхъ блистаютъ улыбкою. Побѣдители, въ упоеніи своей радости, не видя болѣе въ побѣжденныхъ плѣнниковъ своихъ, ищутъ раздѣлить съ ними настоящее торжество разными ласками и увѣреніемъ въ скорой ихъ свободѣ. Благородныя души любятъ счастіемъ своимъ дѣлиться съ другими; чувство радости содѣлало всѣхъ друзьями и братьями. Еслибъ я могъ имѣть на свѣтѣ врага сильнаго, непримиримаго, человѣка, который лишилъ бы меня того, чего нѣтъ дороже для меня въ мірѣ, однимъ словомъ человѣка, который разлучилъ бы меня на всегда

съ другомъ, или съ милой; если бы онъ пришелъ теперь и просилъ моей руки въ залогъ нашего примиренія: я далъ бы ему руку — какъ быть? — отдалъ бы съ нею и сердце мое! Увѣренъ, что всякій изъ насъ готовъ сдѣлать то же въ минуту нынѣшняго торжества. Посѣщаетъ ли мрачное чувство ненависти душу, наполненную чистымъ восторгомъ?

Разсказываютъ намъ, что Государь Императоръ, получивъ договоры о сдачѣ Парижа, обнялъ съ восхищеніемъ Прусскаго Короля и сказалъ: *Слава Богу! кровь человѣческая болѣе проливаться не будетъ.* — Священныя слова, которыя каждый Царь долженъ вписать въ сердце свое! слова, которыя включены уже золотыми буквами въ лѣтопись великаго Судіи!

Нынѣшнее дѣло было довольно жаркое. Хвала гренадерамъ, рѣшившимъ судьбу центра твердою грудью и безтрепетною душею! Французы узнали въ нихъ побѣдителей при Нови и Требіо и переходцевъ горъ Альпійскихъ. Слава и Вождямъ сихъ войскъ! Начальникъ 2 гренадерской дивизіи Генералъ-Лейтенантъ *Паскевичь*, и Коммандиръ одной изъ ея бригадъ, Генералъ-Маіоръ *Писаревъ*, были душею нашихъ отрядовъ. Оба извѣстные своею храбростію, оба любимцы славнѣйшихъ Рус-

скихъ полководцевъ нашего времени и вѣрные сопутники ихъ побѣдъ; оба сражавшіеся въ первый разъ одинъ въ глазахъ другаго, искали, кажется, показать одинъ передъ другимъ, что общая молва не договорила еще всѣхъ подвиговъ ихъ. Какое похвальное рвеніе, какое примѣрное мужество ихъ одушевляли! Враги удерживали ли съ упорностію выгодное для нихъ мѣсто, — являлся Генералъ *Паскевичъ*, Герой Вязьмы и Модлина, ободрялъ гренадеръ взоромъ и словами—и враги немедленно уступали твердыни. Засѣдали ль непріятельскіе стрѣлки въ домахъ, за густыми деревьями и за высокими каменными оградами, служившими имъ крѣпостцами, — показывался Генералъ *Писаревъ* въ цѣпяхъ нашихъ стрѣлковъ, водилъ ихъ самъ къ нападенію, не давалъ быстрымъ распоряженіемъ ихъ движеній одумываться врагу — и сіи же самыя защиты непріятельскія обращались въ собственную нашу оборону и нападеніе. Можно сказать, что онъ рвалъ лавры изъ подъ лезвія смертной косы. Волновалась ли судьба битвы, — одно присутствіе, одно слово героевъ рѣшали ее! Адъютантамъ не нужно было искать ихъ *назади*; посланные къ нимъ съ приказаніями не получали въ отвѣтъ, что имъ *нѣтъ времени* и что имъ нужно ѣхать *далѣе* для переговоровъ съ высшими шефами о полковой эконо-

міи.... Напротивъ того, они сами были вездѣ видимы, сами спѣшили туда, гдѣ споръ битвы требовалъ ихъ распоряженія и гдѣ опасности вызывали ихъ мужество на труднѣйшее, славнѣйшее поприще. Офицеры и солдаты, смотря на нихъ, не дивились, что шаги побѣды покупались ими такъ быстро у враговъ, и явясь на высотѣ Монмартра, гдѣ кончались ихъ подвиги, они думали, что начинали только дѣйствовать. Храбрый Артиллерійскій Полковникъ *Нилусъ*, спокойно разкуривая трубку, бросалъ съ гордой высоты громы на Парижскіе булевары. Думаю, что не однѣ шифоперки и бонбоперки разлетѣлись въ стороны отъ его грозныхъ посылокъ. Неустрашимый Полковникъ *Жемчужниковъ*, командуя въ сей день Перновскимъ полкомъ, доказалъ, что̀ въ состояніи сдѣлать съ Русскими солдатами начальникъ, извѣдавшій ихъ души. »Кому честь и слава быть первыми въ Парижѣ?« — сказалъ онъ гренадерамъ, указывая имъ на заставу Бельвильскую. *Намъ!* отвѣчали сотни храбрыхъ, и ринулись впередъ сквозь тучи пуль и картечь; *намъ!* повторили другіе, шагая черезъ трупы своихъ и непріятелей — и вскорѣ привѣтное ура раздалось за вратами Бельвиля *. Московскіе гре-

* Тотъ же самый Жемчужниковъ отличился блистательнымъ подвигомъ въ дѣлѣ подъ Арси (sur Aube), подкрѣ-

надеры славно мстили за столицу, подарившую ихъ своимъ именемъ. Маіоръ ихъ *Повало-Швейковскій*, распоряжая движеніями всѣхъ гренадерскихъ стрѣлковъ, подвелъ ихъ къ Парижскимъ заставамъ. Когда ему замѣтили, что пуля сорвала эполетъ съ праваго преча его и зацѣпила самое тѣло, онъ сказалъ, улыбаясь: »въ такомъ славномъ дѣлѣ и потеря руки бездѣлица.« — *Горбуновъ*, Подпоручикъ Московскаго полку, надѣвъ на себя патронную суму съ убитаго солдата и схвативъ ружье его, носился самъ впереди стрѣлковъ своихъ. Грознымъ штыкомъ свергнулъ онъ съ лошади Французскаго офицера (баталіоннаго начальника) *, не хотѣвшаго, съ нѣсколькими солдатами, сдаться ему въ плѣнъ:—видно, что рука и сердце не дрогнули!... Кіевцы и Малороссіяне, слѣдуя примѣру своихъ предводителей, дѣйствовали съ большимъ мужествомъ. Я видѣлъ, какъ молодые солдаты стремились опереживать старыхъ гренадеръ, какъ новобранцы, изстрѣлявъ (не даромъ!) всѣ патроны

пивъ Баварцевъ при деревнѣ Торси (le grand), за что награжденъ знакомъ отличія Св. Георгія 4 степени.

* Имя сего несчастливца узналъ я изъ разныхъ документовъ и писемъ, доставшихся мнѣ послѣ дѣла, съ записною книжкою его. Нѣкоторые изъ сихъ бумагъ довольно интересны по содержанію своему и подписямъ разныхъ особъ, занимающихъ важныя мѣста во Франціи.

свои, прибѣгали къ своимъ начальникамъ съ прозьбою дать имъ новые заряды, и получивъ ихъ, спѣшили на свои мѣста — разить, или умирать. Главнокомандующій, видя, что гренадеры *слишкомъ скоро* подавались впередъ и тѣмъ опереживали лѣвое наше крыло, присылалъ сказать имъ, чтобы они *медленнѣе* наступали. Побѣда наша тѣмъ болѣе достойна славы, что куплена у храбрыхъ. Ученики Парижской Политехнической школы дрались въ сей день, какъ молодые разъяренные львенки, у которыхъ отнимаютъ мать ихъ. Въ первый разъ явились они изъ классовъ на полѣ брани; ученики сражались съ искусствомъ ветерановъ, и умирали героями на пушкахъ, забираемыхъ побѣдителями.

Совершенная сдача Парижа подтверждена новыми извѣстіями. Тѣмъ достопамятнѣе будетъ нынѣшнее число, что Буонапартъ, въ прокламаціи своей Французскому народу отъ 18 Марта 1813 года, сказалъ: »*хотя бы союзныя войска стояли за высотахъ Монмартра, я не уступлю имъ ни одной деревеньки изъ областей, вошедшихъ въ составъ Имперіи.*« 18 Марта 1814 года голоса побѣды Союзниковъ разносятся на высотахъ сихъ; завтра вступаемъ въ Парижъ. — Идемъ сей часъ занимать бивуаки въ Бельвилѣ.

Что сказали бы вы, почтенные Капеты, вы, основатели Французскаго Царства, и ты, Генрихъ, отецъ своего народа, и ты, великолѣпный Лудовикъ XIV? Какое чувство взъявили бы вы, Сюлліи, Колберты, Тюрены, Расины и Вольтеры, подпора и слава отечества своего? Что рекли бы вы, когда стряхнувъ съ себя сонъ смерти, услышали бы радостное *ура* Славянъ на высотахъ Монмартра?... Принцикни Великій Петръ! и увѣнчай улыбкою Своею достойнаго Твоей Славы Правнука.

Бельвиль, 7 часовъ утра 19 Марта. Бельвиль, большею частію заключающій въ себѣ увеселительные загородные домà Парижанъ, можно уже назвать предмѣстьемъ города,—такъ тѣсно соединенъ онъ съ нимъ; онъ есть притомъ и предвѣстникъ его великолѣпія, щегольства и вкуса. Домъ, занимаемый нашимъ Генераломъ, убранъ рукою сихъ трехъ сопутниковъ роскоши. Огромныя зеркала, двадцать разъ отдающія одинъ предметъ; эластическія кушеты и кресла, напоминающія вамъ утонченные нравы вѣка Альцибіадовъ и Аспазій; пышныя постели, которыя можно скорѣе назвать престолами любви и нѣги; туалетъ, убранный самими Граціями, конечно для одной изъ сест-

рицъ ихъ, окруженный всѣми богатствами царства Флоры; небольшая библіотека, заключающая въ себѣ всю сущность Французской словесности, подъ самою красивою наружностію; ковры, спорящіе рисунками своими съ Природою; Севрскій фарфоръ, богатые кенкеты щеголеватые фермуары, потайные ящики: однимъ словомъ все, до чего ни дотронешься, на что ни взглянешь, создано для тончайшаго услажденія нашихъ пяти чувствъ, для ума и вкуса!

Хозяева дома оставили его на произволъ побѣдителей. Еще свѣжи слѣды ихъ бѣгства: вотъ разогнутая книга, на столѣ покинутая; вотъ чайный приборъ, который не успѣли еще прибрать къ мѣсту; вотъ другія бездѣлки, которыя не трудно бы взять съ собою, но которыхъ унесть не имѣли времени: все доказываетъ, что Парижане, обманутые (вмѣстѣ со всею Франціею) краснорѣчивыми утѣшеніями Наполеона, оставались покойными въ своихъ жилищахъ до того самаго часа, какъ начали стучаться у дверей ихъ грозные вѣстники нашей артиллеріи — вѣстники, очень часто посылаемые докладывать Парижу о прибытіи сѣверныхъ гостей. Гдѣ любезный братецъ Іосифъ, обѣщавшій городу быть Палладинымъ щитомъ его? Гдѣ корпусы избранныхъ, несомнѣнная защита столицы Франціи? Гдѣ город-

ское ополченіе, герои Пантеня и предводители ихъ, столько храбрые словами? Первый съ сокровищами своими бѣжитъ безъ души во внутренность Королевства; другіе въ смятеніи удаляются къ Фонтенебло; послѣдніе, увы! разошлись по кофейнымъ домамъ—потоплять свое горе въ круговыхъ чашахъ. Какъ бы то ни было, вмѣсто бродящаго, отдѣленнаго отъ главной арміи небольшаго отряда наѣздниковъ (какъ разглашали Буонапартъ и подкупленные имъ журналисты), вмѣсто сего слабаго отряда, цвѣтъ и сила союзныхъ войскъ вступаютъ въ Парижъ. — Хотя Французы называютъ насъ сѣверными варварами, мы однакожъ можемъ похвалиться передъ ними учтивостію: какъ скоро, какъ благородно отплачиваемъ имъ Московское посѣщеніе!... Не думаю, чтобы молодые, праздные наши щеголи, точные подражатели Галльскихъ обычаевъ, отплачивали теперь *такъ вѣрно* свои визиты въ Россіи!...

Отборное союзное войско вступаетъ парадомъ въ Парижъ (говоря безъ риторической фигуры и съ фигурой—какъ угодно!) съ *лаврами*, сорванными въ садахъ его; *бѣлыя* перевязи еще тверже скрѣплены на рукахъ нашихъ. Только Русская гвардія (пѣшая и кавалерія), наши гренадеры и кирассиры, нѣкоторые (два, три не болѣе) Австрійскіе полки и Прусская гвардія, съ ихъ артиллеріею, пользуются честію сего знамени-

таго вступленія. Смотря на сіе войско, нельзя вообразить, чтобъ оно являлось со сцены жаркихъ битвъ и дымныхъ бивуаковъ: такъ чисто и щегольски оно одѣто, такъ свѣжи, бодры и веселы герои послѣ столь трудныхъ, утомительныхъ подвиговъ!

Французы, ободренные нашими ласками и милостями Русскаго Монарха, выходятъ уже во множествѣ изъ городскихъ воротъ. Съ довѣренностію приближаются они къ рядамъ, посреди которыхъ не видно ни торжественной колесницы, ни гордаго вѣстника, ни стада плѣнниковъ, готовящихся громомъ цѣпей возвѣщать о славѣ вступающаго въ городъ побѣдителя, собственнымъ уничиженіемъ возвышать его величіе, и именемъ раба покрывать стыдомъ имя братьевъ, женъ и друзей, съ плачемъ ихъ встрѣчающихъ. Скромность и милосердіе Россійскаго Государя, отклонивъ отъ нихъ сіе постыдное для нихъ зрѣлище, готовитъ имъ пріятнѣйшее. Онъ приходитъ разрѣшить ихъ узы рабства, а не отягчать новыми; не слава побѣдъ Его занимаетъ, достойнѣйшая Его слава наполняетъ великую душу Его. Жребій войны привелъ меня къ вамъ, « сказалъ Императоръ Александръ Префекту Сенскаго Департамента и Парижскимъ Мерамъ, пришедшимъ къ Нему въ главную квартиру Его въ Бонди: — » Императоръ

вашъ принесъ въ сердце Россіи тысячи бѣдствій, которыхъ слѣды долго не изгладятся. Справедливая оборона довела Меня до сихъ мѣстъ; но Я слишкомъ далекъ отъ мести. Хочу доказать имъ, что Я пришелъ платить добромъ за зло. Одного Наполеона почитаю врагомъ Моимъ. Я обѣщаю особенное покровительство городу Парижу, и беру подъ собственное Мое охраненіе всѣ общественныя ваши заведенія: одно отборное войско будетъ въ немъ расположено. Сохраню существованіе вашей народной гвардіи. Вамъ остается утвердить счастіе ваше на будущее время. Вамъ нужно правленіе, которое, давъ спокойствіе Франціи, дастъ его и цѣлой Европѣ; вамъ же предоставлено пожелать его и привесть въ дѣйствіе. Вы найдете Меня всегда готовымъ поспѣшествовать вашему доброму рвенію.« Такъ вѣщаетъ Александръ Французамъ — и народъ, болѣе побѣжденный Его милостями, нежели силою Его оружія, невольно къ Нему въ плѣнъ влечется. О мирномъ расположеніи нашихъ воиновъ къ Французскому народу и милостивомъ съ нимъ обхожденіи упоминать не нужно;—примѣръ Государя священнѣйшій законъ для Его подданныхъ.

Но—вотъ велятъ намъ подвинуться къ городу, и у аллеи, примыкающей къ воротамъ,

дожидаться приказа о вступленіи. Надобно разстаться съ карандашемъ.

Парижъ, 6 ч. по полудни 19 Марта. Утомленный разнообразіемъ новыхъ, пріятныхъ предметовъ, не знаю, за описаніе которыхъ изъ нихъ приняться? Начну съ важнѣйшаго, незабвеннаго для каждаго изъ насъ предмета.

Всѣ, отъ предводителя войскъ до рядоваго, ожидали съ какимъ-то сладостнымъ нетерпѣніемъ вступленія въ столицу Франціи; всѣхъ взоры и сердца перелетали уже городскія ворота и носились мысленно надъ мѣстами, цѣлію нашихъ нетерпѣливыхъ желаній, любезнѣйшею мечтою нашею отъ самыхъ младенческихъ лѣтъ, концемъ всеобщихъ бѣдствій и пристанью нашихъ побѣдъ. Не робкими путниками, съ посохомъ въ рукахъ, умоляющими дать себѣ гостепріимство, но смѣлыми побѣдителями подошли мы ко храму искусствъ, наукъ, художествъ и вкуса, и требуемъ, чтобы показали намъ всѣ ихъ сокровища. Слава лучшій проводникъ; ему дозволено свободный входъ въ палаты Царей и въ мастерскую художника, въ воинскій станъ и въ хижину мудраго.

Лицемъ стояли мы къ аллеѣ, ведущей къ столицѣ Франціи, и правымъ крыломъ нашимъ примыкали почти къ городскимъ воро-

тамъ. Вдругъ вѣстникъ прискакалъ къ нашему строю и объявилъ намъ повелѣніе вступить въ Парижъ. Тысячи взволновались, радостное жужжаніе разлилось по рядамъ храбрыхъ, раздались командныя слова, и веселая музыка загремѣла во всѣхъ полкахъ. Скоро увидѣли мы полки союзниковъ, церемоніальнымъ маршемъ пробирающіеся въ городъ: Австрійцы шли впереди, за ними слѣдовали Прусаки; гренадеры наши тронулись съ мѣста и потянулись вслѣдъ за ними; Императорская Гвардія, какъ блистательнѣйшее и лучшее войско, довершало шествіе. C'est un coup de maitre, говорили неунывающіе Французы: сначала приготовить сердца зрителей къ удивленію, болѣе и болѣе выигрывать надъ ними власти, и наконецъ изумить, поразить ихъ!... Мы перешагнули черту городскихъ воротъ и, вступивъ въ Парижъ, насладились зрѣлищемъ, которое и позднимъ лѣтамъ нашимъ готовитъ сладчайшія воспоминанія. Представьте себѣ отборное войско нѣсколькихъ народовъ, въ красивомъ, блестящемъ одѣяніи, съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ и торжественной музыкою вступающее въ побѣжденный городъ; представьте себѣ, что шесть сотъ тысячь гражданъ встрѣчаютъ побѣдителей шумными восклицаніями, въ которыхъ благодарность и вмѣстѣ надежда изли-

ваются; вообразите себѣ огромные домы въ пять, шесть этажей, съ низу до верху унизанные людьми всякаго состоянія, волнующіеся надъ окнами бѣлые платки и знамена, усыпаемыя цвѣтами улицы; прибавьте къ тому прекрасныхъ женщинъ — иныхъ, плачущихъ надъ букетами изъ лилій — другихъ, ласкающихъ воиновъ нашихъ милою улыбкою — старцевъ со слезами радости на глазахъ, искреннія благословенія дѣтей, оглашающіе безпрерывно воздухъ клики: »Да здравствуетъ Александръ, освободитель нашъ! да здравствуетъ Вельгельмъ! да здравствуютъ Бурбоны! конецъ честолюбцу! миръ, давно желанный, благословенный миръ!« Соедините все это вмѣстѣ въ умѣ и сердцѣ вашемъ, и признайтесь, что ни одно изъ блистательныхъ торжествъ древней и новой Исторіи не представляло зрѣлища величественнѣе и трогательнѣе. Какое единомысліе, какое согласіе чувствъ въ такомъ различіи народовъ, въ такомъ смѣшеніи языковъ!... Никто въ часы сіи не смѣлъ изъяснить, что̀ онъ ощущалъ, что̀ онъ говорилъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ; но всѣ понимали другъ друга и всѣ казались довольными. Прошедъ безчисленныя улицы предмѣстія и самаго города (надобно замѣтить, что улицы перваго гораздо шире), булевары и *площадь согласія* (la place

de la Concorde), мы повернули въ аллею, раздѣляющую *Елисейскія поля* и ведущую къ выходу изъ Парижа. На правой сторонѣ ея стояли Императоръ Александръ съ Королемъ Прусскимъ (Австрійскаго Императора нѣтъ еще въ Парижѣ) верхомъ на коняхъ съ Начальниками Армій, Генералами и Адъютантами. Французы толпились по обѣимъ сторонамъ аллеи, такъ что войска съ трудомъ могли сквозь ихъ проходить. Иные стояли на стульяхъ и скамьяхъ; другіе, чтобы лучше увидѣть Государей, взлѣзали на деревья; третьи, ободренные ласками Офицеровъ союзныхъ войскъ, присаживались къ нимъ на лошадей; нѣкоторые терлись даже у ногъ Самаго Императора. Il est beau comme un Ange (онъ красивъ, какъ Ангелъ!) говорили Парижскія дамы о нашемъ Государѣ. Доброта небесная написана на лицѣ Его! — прибавляли другіе. Одинъ молодой Французъ (именемъ Тремонтель), стоявшій подлѣ Императора, прочитавъ снисходительность въ глазахъ Его, осмѣлился Ему сказать: *какой прекрасный, торжественный день для Васъ, Государь! Но, Ваше Величество, дадите ли намъ миръ?* — »*Миръ, конечно миръ!*« отвѣчалъ великодушный Александръ: »*въ дружбѣ, въ счастіи Французовъ нахожу Я Мое торжество.*« Голосъ Русскаго Монарха былъ столь вырази-

телевъ, столько милостивъ, что молодой Французъ, въ упоеніи своего восторга, принимался нѣсколько разъ цѣловать руки добраго Государя. — Какъ пріятно Русскому наслаждаться подобными зрѣлищами—пріятно видѣть, что и чуждые народы умѣютъ постигать всю великость души нашего Императора!

По окончаніи церемоніальнаго марша войска начали расходиться по назначеннымъ для нихъ мѣстамъ; гренадеры наши, составя ружья въ козлы, отдыхаютъ теперь на Елисейскихъ поляхъ. Офицеры наши, прельщенные миловидностію домика подъ вывѣскою: Jardin d'Isis (*садъ Изиды*), стоящаго въ густой аллеѣ Антенъ, на берегу Сены, потянулись шумнымъ роемъ въ жилище Египетской богини. Наружность домика насъ не обманула; мы нашли во внутренности ограды его много прекраснаго: во первыхъ, услужливыхъ хозяина и хозяйку, двухъ милыхъ дочерей съ робкимъ взоромъ, съ движеніями ловкими и вмѣстѣ скромными, принимающихъ нежданныхъ гостей; во вторыхъ, нашли мы, на самомъ маленькомъ кускѣ земли, прекрасный садикъ, пересѣченный извивистыми, желтымъ пескомъ усыпанными дорожками, которыя ведутъ васъ то къ темнымъ боскетамъ, приготовленнымъ, кажется, для отдыха самаго

Амура, то къ красивымъ качелямъ, легкою сѣтію одѣтымъ, то ко множеству другихъ затѣйливыхъ игръ; въ третьихъ — къ вамъ, застольные Эпикурейцы Московскіе! къ вамъ посылаю вздохъ сожалѣнія, что вы не можете присутствовать теперь въ кругу нашемъ— въ третьихъ, въ одинъ изъ тѣнистыхъ боскетовъ подали намъ вкусные котлеты en papillote (въ завиткахъ), чудесно изжаренную пуларду подъ трюфлями, салатъ, благоухающій оливами Прованса и бутылку стараго Бургонскаго! — Разговаривая съ Француженками, спросили мы ихъ: что онѣ думаютъ о сѣверныхъ варварахъ?—»Узнавъ вашего Императора,« отвѣчала одна изъ нихъ (самая любезнѣйшая): »узнавъ васъ, государи мои! надобно признаться, что насъ заставляли ужасно ошибаться на счетъ вашъ. Мы раскрываемъ теперь глаза, и видимъ ясно, что сѣверъ можетъ дать югу уроки милости, скромности и любезности.« Отвѣтъ лестный для Русскихъ, тѣмъ болѣе лестный, что онъ сказанъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Парижанами!...

Что такое *Елисейскія поля?* — спросите вы — конечно мѣста райскія, очаровательные лѣсочки, шумные ручейки, бѣгущіе другъ ко другу и другъ отъ друга убѣгающіе по волѣ упрямыхъ береговъ своихъ, бархатные

лужки, тысячами цвѣтовъ испещренные, храмы, посвященные любви и нѣгѣ, олтари, памятники, гроты? — Совсѣмъ нѣтъ! *Поля* сіи нечто иное, какъ зеленый четвероугольный лугъ, хорошо расчищенный, хорошо сбереженный, огражденный небольшимъ правильнымъ лѣскомъ; на этомъ лугу стоитъ очень маленькій домикъ, или лучше сказать, порядочно раскрашенная караульня; сверьхъ того въ аллеѣ Антень, принадлежащей къ Елизею, есть три, четыре трактира, довольно красивые — и болѣе ничего! — Но *поля Елисейскія* составляютъ одно изъ первѣйшихъ украшеній города! — Это правда, а именно по тому, что находятся въ самой шумной и веселой части Парижа, рядомъ съ прекрасною площадью *Согласія*, близъ Сены и мостовъ ея, въ виду дворца Тюльерійскаго; онѣ почитаются пріятнѣйшимъ убѣжищемъ народа въ праздники, въ которые собирается онъ толпами на зеленый лугъ играть въ воланы, въ коньки, шары и прочія любимыя игры. Надобно еще прибавить, что каждый лѣсокъ, каждый садикъ можетъ, среди Парижа, почесться драгоцѣнностію — среди такого города, гдѣ все застроено и гдѣ каждый аршинъ земли цѣнится золотомъ.

Прекрасенъ видъ съ площади *Согласія*, а особливо съ мосту того же имени! Стоя

на немъ, видишь впереди слѣдующіе одинъ за другимъ мосты: *Тюльерійскій, Новый, Размѣнный* (Ponts Neuf et au change), которые можно считать первѣйшимъ, самымъ щеголеватымъ украшеніемъ города; въ право отъ нихъ возносятся, какъ будто на островѣ, готическія башни *соборной церкви* Notre Dame и близъ нее куполъ *дворца Юстиціи* (le Palais de la Justice); еще правѣе тянутся, вдоль берега Сены, крекрасныя *набережныя Вольтерова и Буонапартова;* въ лѣво представляется вамъ великолѣпная *Луврская* колоннада и тамъ же, ближе, *Тюльерійскій дворецъ* съ павильонами своими, съ садомъ и красивою его оградою. Оборачиваюсь назадъ—и *дворецъ Законодательнаго Корпуса* (le Palais du Corps legislatif), и *Домъ Инвалидовъ* съ золотымъ куполомъ своимъ и *Елисейскія поля* съ *площадью Согласія* и богатыми ея зданіями не менѣе восхищаютъ мое зрѣніе. Мѣсто это очень живописно; но чтобы насладиться вполнѣ красотами Парижа и окружностей его, надобно взойти на верхъ *павильона Флоры* въ Тюльерійскомъ дворцѣ:—такъ сказали мнѣ городскіе жители, и я постараюсь совѣтомъ ихъ нѣкогда воспользоваться.

Французскій народъ смотритъ еще на насъ, какъ на людей, пришедшихъ изъ другаго, совершенно неизвѣстнаго міра. Наши тѣсные

мундиры, наши шляпы и султаны, обыкновеніе наше крѣпко подтягиваться шарфомъ, порядокъ и однообразіе одежды нашей, все это приводитъ въ удивленіе тѣхъ, которые привыкли видѣть своихъ воиновъ въ широкихъ, свободныхъ, какъ халатъ, мундирахъ, съ высочайшею шляпою à la *Суворовъ* (какъ они называли въ Италіянскую кампанію), отягченною высочайшимъ султаномъ, въ нижнихъ платьяхъ различнаго покроя, въ сапогахъ разныхъ формъ и даже въ башмакахъ! Но удивляетъ ихъ болѣе всего то, что нѣкоторые изъ нашихъ Офицеровъ изъясняются прекрасно по Французски и говорятъ на немъ такъ легко, какъ Парижане. Лишь только Французское словцо сорвется съ языка котораго нибудь изъ насъ, сей часъ окружаетъ его толпа любопытныхъ, и безпрестанно задаетъ ему тысячи вопросовъ, въ числѣ которыхъ есть очень неразумные и показывающіе большой недостатокъ въ свѣденіяхъ. Во время прилива и отлива толпы, окружившей меня со многими Офицерами нашего корпуса на площади *Согласія*, подошла ко мнѣ одна дама, посредственныхъ лѣтъ, довольно дородная и хорошо одѣтая. Вступленіемъ ея со мною въ разговоръ было то, что она жила нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, имѣла свое пребываніе на Кузнецкомъ мосту, была вхожа въ лучшіе до-

мы древней Столицы и часто необходима была для семействъ нашихъ Князей и Графовъ, которыхъ фамиліи она мнѣ объявила. Когда я исполнилъ передъ нею долгъ учтиваго чужеземца, особенно Московитянина, и когда она отъ меня удалилась, я спросилъ стоявшаго подлѣ меня Француза, кто была эта дама. — »*Прачка*, живущая въ улицѣ *Сентъ-Оноре!*« отвѣчалъ онъ мнѣ съ какою-то подозрительною улыбкою. — Здѣсь такія дамы прачки, а у насъ играютъ онѣ ролю знатныхъ выходцевъ, и что горестнѣе всего, берутся воспитывать дѣтей нашихъ. Думаю, что Русскіе, побывавъ во Франціи, откроютъ глаза родственникамъ и знакомымъ своимъ на счетъ такихъ дамъ и подобныхъ имъ господъ, которые у насъ, Богъ знаетъ въ какой чести и въ какомъ уваженіи!...

Первый день пребыванія нашего въ Парижѣ показалъ намъ довольно разительный образчикъ вѣтренности Французскаго народа. Мы стояли уже съ часъ на площади *Согласія* и удовлетворяли любопытству Парижанъ, какъ вдругъ увидѣли толпы, бѣгущія на *площадь Вандомскую*. Увлеченные стремленіемъ бѣгущихъ и желаніемъ узнать, что̀ было причиной народнаго волненія, мы туда же подошли. Чтожъ нашли мы? — Нѣсколько смѣльчаковъ взлѣзло на вершину *колонны великой арміи*

(le colonne de la grande armée), и надѣвъ петлю на шею колоссальной статуи Буонапарта, бросило концы веревки народу, который съ шумными, радостными восклицаніями готовился уже тащить ее; но караулъ, присланный вскорѣ отъ Государя Императора, просилъ очень учтиво Французовъ позволить занять постъ свой около столпа... »До другаго времени!« закричалъ народъ, и въ большомъ безпорядкѣ разошелся. Надобно замѣтить, что на этой же площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сооружена колонна съ изображеніемъ Наполеона, стояло нѣкогда бронзовое изваяніе Лудовика XIV, отлитое Келлеромъ по рисунку извѣстнаго Жирарда!... Колонна великой арміи есть богатый, величественный и смѣлый памятникъ честолюбія Буонапартова—памятникъ, который собственною красотою своею могъ бы исполнить желаніе его: предать безсмертію военные его подвиги и дѣянія служившихъ подъ его знаменами воиновъ. На столпѣ изображены главныя его побѣды, торжественные въѣзды и тріумфы. Высота колонны 133 фута, поперечникъ ея 12^ти; вышина статуи 12 футовъ. — Площадь Вандомская четвероспоронняя съ отсѣченными углами; пиластры и портики домовъ ея Коринѳскаго ордена.

Тамъ же, 20 Марта по утру. Козаки расположили свой станъ на Елисейскихъ поляхъ: зрѣлище, достойное карандаша Орловскаго и вниманія наблюдателя земныхъ превратностей! Тамъ, гдѣ Парижскій щеголь подавалъ своей красавицѣ пучокъ новорожденныхъ цвѣтовъ и трепеталъ отъ восхищенія, читая отвѣтъ въ ласковыхъ ея взорахъ, стоитъ у дымнаго костра Башкирецъ, въ огромной, засаленой шапкѣ съ длинными ушами, и на концѣ стрѣлы жаритъ свой бифштекъ. Гирланды и флеровые покрывала замѣнены сѣдлами и косматыми бурками. Не куплетамъ стихотворцевъ, воспитанныхъ самими Граціями, наставленныхъ самимъ Эротомъ, здѣшнія рощицы внимаютъ: онѣ слушаютъ пѣсни Донскихъ трубадуровъ, на хребтѣ дикихъ коней взлелѣянныхъ, на концахъ копій вскормленныхъ и простою Природою наученныхъ. Воинъ, мечтавшій о первенствѣ міра передъ всѣми другими, провозглашавшій себя побѣдителемъ вселенной, со страхомъ обходитъ лѣсъ копій, перенесенный въ *столицу міра* изъ степей Азійскихъ. Жандармы и наемная полиція деспота, носившіе грозу и ужасъ между своими согражданами, уступили права свои воинамъ, прилетѣвшимъ съ береговъ Дона, Волги и Амура, и разъѣзжающимъ нынѣ около Елисейскихъ полей для охраненія жителей, своихъ непріятелей. Къ симъ чер-

тамъ превратности земной надобно прибавить видъ начатыхъ, при входѣ въ Елисейскія поля и при выходѣ изъ Парижа, прекрасныхъ торжественныхъ воротъ (arc de triomphe), начатыхъ — и очень кстати недоконченныхъ, какъ будто для того, чтобы ознаменовать собою Наполеоново величіе. Любуясь симъ зрѣлищемъ, читаю въ немъ новое разительное удостовѣреніе, что высокомѣрію нашему, забывшему *предѣлы* человѣчества, всегда Свыше напоминаются *оні* урокомъ жестокимъ — и полезнымъ, когда зрители его хотятъ имъ воспользоваться.

Вчера къ вечеру гренадеры перенесли бивуаки свои съ Елисейскихъ полей къ *Булонскому лѣсу*. »Булонскій лѣсъ? Боже мой! Разскажите намъ что нибудь объ этомъ паркѣ, знаменитомъ поединиками и самоубійствами« — кричатъ мнѣ пламенные рыцари изъ угла мирной спальни своей, изъ подъ розоваго одѣяла.—Погода очень дурна, господа! и для того я не имѣлъ еще охоты заглянуть въ этотъ дедалъ, куда сумасбродные поклонники зеленаго стола, часто бутылки и рѣже всего пламенника Амурова, ходятъ искать конца жизни, проведенной безъ пользы себѣ и ближнему. Но если вы любите внимать грому — не на полѣ брани, не на поприцѣ истинной чести и слѣдственно истинной славы — если вы любите

внимать стуку мечей, пистолетнымъ выстрѣламъ, стону умирающихъ, и видѣть трупы, въ крови плавающіе: то разверните новѣйшіе романы, которые такъ скоро расходятся у нашихъ книгопродавцевъ. Можете также удовлетворить своему желанію, заглянувъ въ Парижскіе листки, наполненные ужасными битвами, а иногда одними страшными вызовами, которыхъ слава отдается нѣсколько дней въ тамошнихъ кофейныхъ домахъ. Къ утѣшенію же вашему скажу, что Булонскій лѣсъ имѣетъ нѣсколько просѣковъ, доволь искусно разположенныхъ, что онъ содержится въ большой чистотѣ, и простирается отъ сѣвера къ югу на 2400 туазъ (одну Французскую льё), а отъ востока къ западу на 1110 туазъ. Какое обширное поприще для рыцарскихъ подвиговъ! Сверхъ того бываютъ здѣсь, нѣсколько разъ въ году, самыя блистательныя гулянья. За мѣсяцъ, или прежде, до роковаго дня, Парижскія красавицы удвоиваютъ ласки къ старымъ поклонникамъ своимъ, жена чаще принимаетъ мужа въ свое отдѣленіе, и молодый повѣса, почти каждый день до утренней звѣзды, возвращается подъ кровъ родительскій: все это для того, чтобы въ день гулянья собрать вѣнки похвалы съ толпы народной и оспорить торжество у соперниковъ — экипажами и лошадьми. Судя по разсказамъ, можно сра-

внить сіи гулянья съ тѣмъ, какое Марьина роща представляетъ намъ 1 Мая. Говорятъ, что многіе герои праздника въ Булонскомъ лѣсу перемѣняютъ на другой день ролю свою; изъ гордыхъ требователей превращаются въ униженныхъ просителей, и торжественныя колесницы свои отдаютъ за безцѣнокъ неумолимымъ кредиторамъ. Не знаю, дошли ли у насъ богатые тщеславіемъ и бѣдные разсчетливостію до такой степени безразсудства.

Мы собрались обществомъ въ Парижъ, и для доставленія насъ туда наняли огромный фіакръ въ двѣ лошади, превысокія и тощія. Вообразите себѣ экипажъ актеровъ, ѣдущихъ на репетицію, и можете имѣть самое вѣрное понятіе о нашемъ рыдванѣ съ упряжью. Смотря на него, любуясь его почтенною древностью, освященною ржавымъ клеймомъ полвѣка, я думаю о томъ, сколь любопытна была бы его исторія. Искусное перо, начертавъ ее, подарило бы насъ исторіею самаго Парижа отъ послѣдняго несчастнаго Короля Французскаго до взятія столицы. Въ этомъ фіакрѣ мы увидѣли бы, можетъ быть, и палача, обрызганнаго кровью Государя своего, и гордаго члена адскаго Робеспіерова судилища, и робкаго кавалера Св. Лудовика, изгоняемаго ужасами гильотины изъ своего отечества. Въ немъ представился бы намъ: во первыхъ, мамелюкъ пер-

ваго Консула, прибывшій съ нимъ изъ неудачной экспедиціи въ Египетъ; потомъ возглашатель побѣдъ Императора отъ Тага до Оки, взятья Вѣны, Берлина, Мадрида, Москвы; послѣ того, шпіонъ кровожаднаго самовластителя, присланный съ несчастной переправы черезъ Березину наблюдать, въ продолженіе новой жатвы людей, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ и взоромъ Парижскихъ жителей. Наконецъ, въ семъ фіакрѣ мы увидѣли бы себя, то есть шесть Русскихъ Офицеровъ, ѣдущихъ осматривать рѣдкости и красоты Парижа на другой день торжественнаго въ него входа.

Тамъ же, 21 Марта въ 12 часовъ ночи. Только два дни здѣшняя Талія молчала: день, въ который громами рѣшалась судьба столицы Франціи, и тотъ, въ который Парижъ принималъ въ свои стѣны побѣдителей. По сему образчику можно судить о любви Французовъ къ зрѣлищамъ и о легкости ихъ характера. Мнѣ кажется, что тайна самаго правленія симъ вѣтренымъ народомъ состоитъ въ спектакляхъ. Опыты 18 столѣтія и начало 19 удостовѣряютъ насъ въ семъ заключеніи. Не ошибался хитрый самовластитель Франціи, умѣвъ всю славу и величіе народныя представить въ зрѣ-

лицахъ — разумѣя не на однихъ театрахъ, но и въ блестящихъ празднествахъ, въ памятникахъ! Ослѣпивъ, оглушивъ Французовъ блескомъ и громомъ ихъ имени и дѣяній, онъ дѣлалъ изъ нихъ, что хотѣлъ. Но — обратимся къ театру.

Нынѣшній вечеръ назначено было въ *большой Оперѣ* (le grand Opéra): *Торжество Траяна*—пьеса, въ коей соединено все, что искусства и пышность могутъ представить изящнѣйшаго въ декораціяхъ, костюмахъ, танцахъ и музыкѣ; пьеса, нарочно сочиненная для насыщенія честолюбивой души Наполеона въ счастливыя времена побѣдъ его. Прельщенные разсказами о блескѣ и красотѣ сей оперы, а болѣе слухомъ, что Россійскій Императоръ и Прусскій Король удостоятъ ея представленіе Своимъ присутствіемъ, я поспѣшилъ съ военными товарищами въ театръ въ 4 часа. Многолюдство и тѣснота, при входѣ въ него, были столь велики, что мы насилу могли продраться до билетовъ. Ложи всѣ уже были заняты; съ трудомъ нашли мы себѣ мѣста въ партерѣ, и тѣ на заднихъ лавочкахъ. Сначала досадовали мы на участь свою, но послѣ нашли ее завидною, увидѣвъ, что позади насъ сидѣли иностранные и наши государственные чиновники, Министры и Генелалы (между коими находился и Князь Трубецкой, одинъ изъ

любимыхъ нашихъ корпусныхъ начальниковъ). Признаюсь, что огромная величина театральной залы, правильность и красота ея архитектуры, богатство и вкусъ ея украшеній, особенно пышность Наполеоновой ложи, меня изумили; но болѣе поразило меня необыкновенное зрѣлище нѣсколькихъ тысячей посѣтителей, собравшихся здѣсь со всѣхъ концевъ Европы. Говоря на разныхъ языкахъ, отличаясь другъ отъ друга одѣяньемъ, нравами, обычаями, несогласныя доселѣ одинъ съ другимъ въ мнѣніяхъ и чувствахъ, посѣтители сіи принесли сюда одну мысль, одно чувство: желаніе мира и свободы. Мнѣ казалось, что представители многочисленныхъ народовъ полушара нашего пришли праздновать здѣсь сію свободу и благоденствіе рода человѣческаго. Всеобщій восторгъ, произведенный согласными желаніями, не могъ долго таиться въ сердцахъ зрителей. Скоро, съ изъясненіями признательности Французовъ къ великодушному Монарху Россійскому и Вѣнценосному Его Другу соединился голосъ любви народной къ законному Государю. Раздались во всей залѣ громкія восклицанія: имена Александра и Фридерика слились съ именами Лудовика XVIII и Бурбоновъ. Сорвана съ Наполеоновой ложи ненавистная вывѣска деспотизма, и мѣсто плотояднаго орла заняли скромныя лиліи Св. Лудовика

и добраго Генриха IV. Въ партеръ брошены были кокарды бѣлыя; ихъ схватили съ восторгомъ, и украсились ими при громкихъ рукоплесканіяхъ. Но вдругъ глубокое молчаніе воцарилось въ залѣ: поднялся занавѣсъ,—акторъ вышелъ на сцену и объявилъ зрителямъ, что, по болѣзни одного изъ собратовъ его, *торжество Траяна* отмѣняется, а вмѣсто его назначаются *Весталки.* Надобно было видѣть и слышать въ сіи минуты, какъ всеобщій восторгъ превратился въ единодушное негодованіе. Вѣсть о несчастной перемѣнѣ въ правленіи не могла бы произвесть въ народѣ бо̀льшаго волненія. Дунетъ ласковый зефиръ — и пышная роза чуть качается на стеблѣ своемъ, и челнокъ спокойно катится по зеркалу водъ; дунетъ свирѣпый Борей — и столѣтніе дубы ложатся вверхъ корнями, и корабли крушатся на треволненномъ морѣ: таковъ характеръ Французовъ. »Обманъ!« закричалъ единогласно цѣлый театръ. »Траяна! Траяна! или больнаго актера на сцену!« Напрасно употреблялъ акторъ все краснорѣчіе, чтобы увѣрить публику въ истинѣ словъ своимъ: пубкика была неумолима, требовала Траяна и грозила сценѣ бурею. Театральный вѣстникъ просилъ, по крайней мѣрѣ, позволенія отнестись о семъ случаѣ къ Императору Александру. »Хорошо! Пусть будетъ, какъ

Ему угодно!« отвѣчали зрители. Въ скоромъ времени актеръ явился опять на сцену съ объявленіемъ отъ Россійскаго Монарха, что Его Величество не желаетъ предписывать законы публикѣ и предоставляетъ рѣшеніе сего случая ея снисхожденію. »Траяна! Траяна!« повторили тогда съ большимъ жаромъ тысячи голосовъ, и до тѣхъ поръ не умолкли, пока не показался вновь актеръ на сценѣ съ извѣщеніемъ, что Россійскій Императоръ, уважая причины, побудившія къ перемѣнѣ пьесъ, проситъ публику позволить играть Весталокъ. »Да будетъ воля Александра исполнена! Весталокъ! Весталокъ!« раздалось по всей залѣ—и въ пользу Траяна не было уже ни одного голоса. Наступила глубокая тишина, какъ скоро пробѣжала по театру вѣсть, что Государи туда немедленно прибудутъ. Всѣ зрители, въ нѣмомъ ожиданіи, обратились взорами къ ложѣ, приготовленной для Ихъ Величествъ надъ амфитеатромъ.

Напрасно старался бы я описать минуту появленія Государей въ театръ: есть зрѣлища, коихъ ни языкъ человѣческій, ни кисть выразить не въ состояніи; есть случаи, производящіе въ насъ такія чувствія, въ которыхъ не можешь отдать яснаго отчета. Опишу только нѣкоторыя черты сей картины.

Лишь только Государи вступили въ свою ложу, встрѣчены Они были громкими восклицаніями и рукоплесканіями, отъ которыхъ, казалось, стоналъ и колебался театръ. »Да здравствуетъ Александръ, нашъ Покровитель, нашъ Миротворецъ! да здравствуетъ Вильгельмъ! да здраствуетъ Лудовикъ XVIII! Миръ и Бурбоновъ!« раздавалось безпрерывно во всей залѣ. Мущины поднимали вверхъ шляпы съ бѣлыми кокардами; женщины и дѣти махали бѣлыми платками, бросали въ партеръ лиліи. Монархи, различными привѣтливыми движеніями, изъясняли нѣсколько разъ Свою признательность публикѣ. Наконецъ крики начали перемежаться; всѣ зрители были тронуты до чрезвычайности; мущины и женщины закрывали глаза платками, иныя рыдали. Я видѣлъ, слышалъ, какъ вокругъ и позади меня плакали; я видѣлъ, какъ воины, посѣдѣвшіе на полѣ брани, не могли отъ слезъ удержаться — и плакалъ самъ, какъ ребенокъ. Повторяю: такое зрѣлище выше всѣхъ словъ и описаній. Начали играть пьесу, и десять разъ шумные клики и рукоплесканія зрителей прерывали ее, такъ что актеры безмолвно стояли по нѣскольку минутъ, ожидая времени, когда можно имъ будетъ ее продолжать. Казалось, что сцена была мѣстомъ зрителей, и что самое дѣйствіе происходило

между нами. Публика ловила въ пьесѣ малѣйшее сходство съ обстоятельствами времени и все, что могла обратить въ привѣтствіе скромнымъ побѣдителямъ. Потребовали извѣстный народный голосъ: Vive Henri IV! Сей голосъ имѣетъ въ себѣ особенную прелесть для всякаго, кто любитъ и чтитъ память добрыхъ Царей, для всякаго, кто умѣетъ чувствовать; но для души Француза это Пиѳіевъ треножникъ. Трогательная, прекрасная музыка, воспоминанія объ Отцѣ народа, о славной и несчастной его династіи, произвели новое волненіе въ зрителяхъ. Нѣсколько разъ требовали сей голосъ, и всякій разъ былъ онъ принятъ съ новымъ восторгомъ. Зрители рукоплескали и плакали. Одинъ изъ актеровъ, пропѣвъ извѣстный куплетъ, въ честь Генриху IV (Французы на все скоры), прибавилъ къ нему экспромтомъ два слѣдующіе:

Vive Guillaume.
Et ses vaillants guerriers!
De notre royaume
Ils sont les boucliers:
* . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

* *
*

* Окончаніе куплета не упомню.

Vive Alexandre,
Le modèle des Rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous donner des loix,
Ce prince auguste
A le triple renom:
De Heros, de Juste,
De nous rendre Bourbon. B!)

Можно судить, какое дѣйствіе произвели сіи куплеты надъ зрителями, особенно надъ Русскими и Прусаками. Въ продолженіе пьесы, они были нѣсколько разъ повторяемы и всякой разъ сопровождаемы громкими рукоплесканіями.

При выходѣ изъ театра, одинъ изъ важнѣйшихъ чиновниковъ Государственныхъ во Франціи (Талейранъ-Перигоръ) спросилъ у Россійскаго Императора, остался ли Онъ доволенъ Французами. »Не сыщу словъ — отвѣчалъ Государь — чтобы выразить вамъ пріятныя на меня впечатлѣнія нынѣшняго вечера. Если бы я могъ имѣть когда мысль дать почувствовать Парижу бремя войны, то пріемъ, сдѣланный мнѣ жителями его, изгналъ бы ее изъ моего сердца.«

Страсбургъ, 12 Іюня. Маршрутъ нашъ на Страсбургъ. Почти всѣ Французскія крѣпости, среди грома войны, видѣли союзныя

войска на стѣнахъ и въ стѣнахъ своихъ. Нынѣ Великіе Монархи, уважая права и самолюбіе народныя, милостивою рукою отклонили отъ нихъ стыдъ узрѣть побѣдителей, возвращающихся на свою родину съ торжествомъ міра и трофеями славы. Верстъ двадцать отъ Страсбурга, между симъ городомъ и Гагенау, расположенъ нашъ Московскій Гренадерскій полкъ. Поля здѣсь хорошо обработаны и плодоносны; деревни обширны и многолюдны; лица поселянокъ цвѣтутъ здоровьемъ и руки земледѣльцовъ сильны. Чѣмъ ближе къ Рейну, тѣмъ болѣе люди и Природа улыбаются.

Изъ оконъ моего жилища я могъ разсматривать шпицъ Страсбургской колокольни; могъ даже примѣчать городъ, проглядывающій сквозь сизую пелену отдаленности. »Нынѣ дневка,« вздыхая сказалъ я моему Генералу: »по чему не осмотрѣть вамъ послѣдній хорошій городъ Франціи и заставу ея?« — Поѣдемъ въ него! — отвѣчалъ онъ съ обыкновенною снисходительностію. — И мы черезъ веселыя, обширныя равнины прискакали въ Страсбургъ.

Внутренность города не соотвѣтствуетъ тому, что обѣщала намъ его наружность. Домы въ немъ высоки, но некрасивы: улицы тѣсны и мрачны; много считаютъ въ немъ людей, но совсѣмъ нѣтъ такихъ, которые заслуживали бы вниманіе образованнаго путешественника.

Увидя *отрывки* здѣшняго гарнизона, я думалъ, что попалъ въ вертепъ разбойниковъ. Страсбургскіе солдаты и даже *хорошо воспитанные* предводители ихъ останавливаютъ на улицахъ Офицеровъ союзныхъ войскъ (пріѣзжающихъ сюда изъ любопытства и въ надеждѣ быть безопасными среди просвѣщеннаго народа), осыпаютъ ихъ низкими бранями и глупыми насмѣшками, которыя дѣлали бы стыдъ и самымъ населенцамъ дикихъ степей. Разсказывали мнѣ, что въ одномъ изъ здѣшнихъ трактировъ нѣсколько Французскихъ Офицеровъ, окруживъ нашего храбраго Полковника П....., спрашивали его, за какія дѣла получилъ онъ знаки отличія, во множествѣ украшавшіе грудь его, и когда онъ отвѣчалъ имъ, что пріобрѣлъ нѣкоторые за битвы подъ Бріенномъ, Арси и Парижемъ, они покушались сорвать съ него кресты, и вѣрно докончили бы свое гнусное намѣреніе, если бъ обиженный не сохранилъ всего благороднаго и благоразумнаго своего хладнокровія. Французамъ стыдно видѣть на головахъ побѣдителей лавры, пожатые на поляхъ ихъ отечества. Для чего же не мѣшали они славной жатвѣ сей? Для чего же нынѣ толпѣ бродягъ, окутанныхъ въ одежду воиновъ, силиться срывать вѣнки, которыми вселенная почтила Героевъ?... Напрасно стараются господа Страсбургцы, въ

безсильномъ и ни для кого не вредномъ гнѣвѣ своемъ, сброситъ на насъ стыдъ свой: — это басня издыхающей змѣи, которая шипитъ и изливаетъ еще ядъ свой на побѣдоноснаго царя пернатыхъ, подъ солнцемъ парящаго.

Что заманило насъ въ Страсбургъ изъ мирнаго нашего жилища? — Колокольня соборной церкви. Для нее пріѣхали мы, и первую ее пошли осматривать. Она почитается высочайшею башнею въ Европѣ; вышина же ея 93 сажени. Не льзя не принести дани удивленія тонкому искусству, съ которымъ, на готическій вкусъ, обдѣланъ прозрачный шпицъ ея; не возможно отказаться отъ любопытства взойти на ея вершину по извивающейся змѣею лѣстницѣ. На вершинѣ забылъ я усталость — такъ пріятно было на ней находиться! Какая смѣлая высота! какіе прелестные виды! Деревни и рощи вокругъ Страсбурга чернѣются, какъ точки; ряды горъ снзою, волнующеюся нитью теряются въ отдаленіи. Далѣе зрѣніе отказываетъ служить мнѣ; будь оно совершеннѣе, и я увидѣлъ бы сѣдые челы Альпійскихъ горъ. Смотря на городъ, воображаешь, что держишь его на ладони своей; взглянувъ на народъ, думаешь видѣть семью муравьевъ, взадъ и впередъ ползущихъ и перебирающихся въ норы свои. Не возможно долго глядѣть въ низъ: голова на-

чинаетъ кружиться и сердце замираетъ отъ ужаса при одной мечтѣ — слетѣть съ колокольни.—Здѣшніе часы почитались однимъ изъ великихъ произведеній механики. Художникъ поручилъ двѣнадцати Апостоламъ означать части дня и ночи; послушные его искусству, они приходили попеременно извѣщать городскихъ жителей о каждомъ новомъ часѣ. Я хотѣлъ полюбоваться симъ чудомъ механики; но мнѣ объявили, что оно испорчено. — Большому колоколу здѣшнему дивиться могутъ путешественники, не видавшіе Московскаго. Можно сравнить перваго съ человѣкомъ большаго росту, послѣдняго съ великаномъ.—Тамъ же показываютъ большой охотничій рогъ, которымъ за 4 вѣка тому назадъ здѣшніе Жиды хотѣли извѣстить непріятеля о времени, удобномъ для занятія города. — Что сказать о внутренности самой соборной церкви? Видѣлъ я въ ней много богатства и — ничего, кромѣ богатства!

Гдѣ торжество искусства? гдѣ безсмертное произведеніе Пигаля? гдѣ слава рѣзца его и слава Франціи? спросилъ я—и меня повели въ церковь Св. Ѳомы. Въ ней увидѣлъ я все, что искусство Фидіасовъ съ Поэзіей вмѣстѣ произвести могутъ изящнѣйшаго. Если камень можетъ быть одушевленъ творческою силой генія, то признаюсь, что мраморъ Маршала

Графа Саксонскаго полопъ жизни. Пигаль есть Виргилій въ своемъ родѣ. Вотъ описаніе сего памятника:

Герой, увѣнчанный лаврами, съ повелительнымъ жезломъ въ рукѣ, безтрепетною ногою сходитъ по ступенямъ въ раскрытую для него могилу. Пріобыкшій въ бояхъ взирать на смерть съ хладнокровіемъ, смотритъ на нее нынѣ съ презрѣніемъ. Побѣдитель умираетъ побѣдителемъ. Вправо отъ него лежатъ повержены, въ ужасѣ и смятеніи, три символическіе звѣря, представляющіе соединенныя арміи, побѣжденныя имъ во Фландріи; знамена сихъ войскъ разметаны тутъ же въ безпорядкѣ. На лѣвой сторонѣ Геній войны, вперивъ слезящія очи и, кажется, душу свою въ Героя, обращаетъ къ землѣ свой факелъ. Геній осѣненъ побѣдоносными Французскими знаменами. Ниже, на ступеняхъ, женщина прекрасная, привлекательная, но печальная, силится одною рукою удержать Маршала, другою отталкиваетъ Смерть. По благородной осанкѣ ея, по знакамъ живой горести, какъ не угадать, что это Франція? Смерть, въ видѣ остова, въ густый саванъ окутаннаго, извѣщаетъ Героя, что рѣшительная минута жизни его истекла съ послѣдней каплею, упадающею на дно водяныхъ часовъ, которые она держитъ въ рукѣ своей. Жестокая призы-

ваетъ себѣ славную жертву свою и убѣждаетъ ее ступить въ гробъ, для нее нарочно раскрытый. Съ другой стороны представленъ въ глубокой и важной горести Геркулесъ, который дѣлаетъ самую выгодную противуположность со Франціею. Печаль Геркулеса есть печаль мужа, сохраняющаго твердость духа, ему свойственную; Франція огорчена, какъ чувствительная, нѣжная женщина, которая лишилась милаго предмета, составлявшаго всю славу и утѣшеніе ея. Надъ всѣми сими фигурами возносится пирамида изъ дикаго мрамора. Внизу гробницы изображенъ гербъ Графа, пересѣченный двумя Маршальскими жезлами и украшенный цѣпью Польскаго ордена Бѣлаго Орла. На главной фасѣ пирамиды слѣдующая Латинская надпись:

MAURICIO SAXONI

Curlandiæ et Semigalliæ Duci
summo regiorum exercitum præfecto semper victori

LUDOVICUS XV

victoriarum auctor et ipse Dux poni jussit.
OBIIT XXX. NOV. ANNO MDCCL. AETATIS LV.

То есть:

Маврикію (Графу) Саксонскому, Герцогу Курляндскому и Семигальскому, непобѣжденному

Генералиссимусу Королевскихъ войскъ, Лудовикъ XV, виновникъ его побѣдъ и самъ вождь, воздвигнулъ сей памятникъ.

Онъ скончался (въ замкѣ Шемборъ) 30 Ноября 1750 на 55 году отъ рожденія.«

Извѣстный Профессоръ *Шепфеленъ* сочинилъ было другую Латинскую надпись, которая, по красотѣ слога и содержанію въ себѣ жизни Маршала, знаменитаго писателя и полководца, заслуживала бы скорѣе занять мѣсто на памятникѣ.

Вотъ, что говоритъ Французъ о семъ памятникѣ: »Не надгробный монументъ, но трофеи нашей славы видимъ мы въ семъ богатомъ произведеніи искусства. Франція не переставала еще проливать слёзы на прахъ побѣдителя при Фонтенуа, Року, Лавфелдѣ и пр; а Герой, стряхнувъ съ себя сонъ смерти, воскресаетъ уже среди торжествъ своихъ: онъ живетъ и присутствуетъ между нами. Чудомъ симъ обязаны мы рѣзцу новаго Праксителя, покорившаго мраморъ законамъ своего генія.«

Здѣшній Университетъ гремѣлъ нѣкогда успѣхами своими и привлекалъ въ свои стѣны толпу иностранцевъ; но съ того времени, какъ учители и ученики, надѣвъ трехцвѣтную кокарду и синіе мундиры, вздумали воевать и сдѣлать путешествіе къ снѣгамъ Сѣвера, солнце просвѣщенія уже слабо проглядываетъ на

ное сіе заведеніе и мудрость мудрецовъ здѣшнихъ примѣтно мрачится.

Потсдамъ, 16 Іюля. Нынѣшній маршъ показался намъ веселою прогулкой: такъ прелестна дорога, ведущая къ Потсдаму! Природа покинула скучную однообразность, неразлучную съ нею отъ самаго Дессау, и — какъ будто — желая вознаградить свою временную скупость, разсыпала вдругъ щедроты свои на здѣшнюю окрестность. Не величественною, не ужасною она здѣсь является, но миловидною и тѣмъ болѣе прелестною, что она выказывается на каждомъ шагу непостоянною. Чѣмъ ближе къ Потсдаму, тѣмъ виды очаровательнѣе. Деревни, съ садами своими, разсыпаны тамъ и сямъ, какъ цѣпи красивыхъ мызъ; пригорки увѣнчаны множествомъ вѣтреныхъ мѣльницъ и храмами Божьими; мрачные боры мѣняются веселыми лѣсочками; по холмамъ и долинамъ жатвы разстилаются золотыми, волнистыми коврами; опушенные зелеными берегами ручейки бѣгутъ въ разныя стороны, мелькаютъ, исчезаютъ,—удержанные плотинами, снова появляются на подобіе озеръ, — низвергаясь шумными водопадами, движутъ мѣльницы и прохлаждаютъ окрестность.

Дорога наша тѣмъ пріятнѣе, что мы вездѣ приняты, какъ гости, сердцу милые. При входѣ въ каждый городокъ, даже въ нѣкоторыя деревни, подѣланы торжественныя ворота, убранныя цвѣточными вязами, деревьями, надписями и другими украшеніями. Въ домахъ новыя нечаянныя привѣтствія! Въ числѣ надписей, намъ очень понравилось лаконическое: *ура!* на воротахъ Белица. Ничѣмъ лучшимъ не льзя было насъ встрѣтить, ничего краснорѣчивѣе сказать не возможно было. Потсдамъ привѣтствовалъ насъ надписью: Willkommen, liebe Brüder! *Милости просимъ, любезные братья!* — насъ, говорю я, ибо въ этомъ приглашеніи можемъ равно участвовать съ Прусскими воинами. Дружба Русскихъ съ Прусаками, не измѣненная въ продолженіе цѣлой кампаніи (отъ самыхъ береговъ Немена), пріучила насъ, ни въ какомъ случаѣ, не отдѣляться другъ отъ друга. Участь однихъ всегда почитаема была общею. Рожденная благодарностію, поддержанная благороднымъ духомъ обоихъ народовъ, дружба сія равно свято сохранялась въ соломенныхъ шалашахъ бивуаковъ, въ сѣчахъ кровавыхъ, на пиру, у смерти и въ побѣдахъ надъ врагомъ общей свободы. Она не охлаждалась неудачами, не усиливалась успѣхами, и въ торжествахъ не была забыта. Можно сказать, что Прусаки съ Русскими вездѣ составляли

одно войско. Никогда имя *союзниковъ* не было даваемо приличнѣе и справедливѣе; и если подвигамъ мужества и твердости народнаго характера не посмѣютъ грядущія времена отказать въ удивленіи, то, безъ сомнѣнія, принесутъ онѣ достойную дань уваженія примѣрной дружбѣ двухъ народовъ и дружбѣ ихъ Царей, столько же примѣрной.

Насъ предувѣдомили, что Блюхеръ находится въ Потсдамѣ — Блюхеръ, Герой Кацбаха и Бріенна, всегда пылкій и отважный; никогда не показывавшій тыла непріятелю, не терпящій впереди себя ни чужихъ, ни своихъ; у огня бивуаковъ простой солдатъ, довольный сухаремъ хлѣба съ водою, — въ мирномъ кругу друзей своихъ роскошный Лукуллъ, охотникъ до игръ и пировъ; ужасъ для Французовъ, любовь и слава Пруссіи; любовь самихъ Русскихъ солдатъ, привыкшихъ служить подъ его начальствомъ и почитать его за своего одноземца. »*Брюховъ* славный Генелалъ — говорятъ наши солдаты — любитъ идти впередъ и не балуетъ непріятеля ретирадами. Таковъ былъ и батюшка Суворовъ!« — Гвардейская артиллерія, идущая съ нами, и Московскій Гренадерскій полкъ, нѣсколько обчиститившись за городомъ, вошли въ него парадомъ и прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо жилища Прусскаго Героя. Начальникъ отряда,

Генералъ Полуектовъ былъ къ нему приглашенъ. По должности моей, я за нимъ послѣдовалъ. Блюхеръ встрѣтилъ Генерала нѣсколькими лестными словами на счетъ наружности воиновъ нашихъ. *Георгіевская лента*, накинутая по жилету, звѣзда ея и желѣзный крестъ первой степени были *единственные* знаки отличія, его украшавшіе.... Прочая же одежда его была самая скромная одежда Гусара. На словà онъ не расточителенъ.

По широкимъ и правильнымъ улицамъ (изъ которыхъ славится такъ называемая Римская), по высокимъ и красивымъ домамъ, по величественной площади, украшенной великолѣпнымъ дворцомъ, можно назвать Потсдамъ прекраснымъ городомъ: но увидѣвъ, что по этимъ улицамъ ходятъ одни солдаты; узнавъ, что въ сихъ домахъ помѣщается гарнизонъ и что по площади гуляютъ только воинскіе отряды, осмѣлюсь назвать его прекрасными казармами. Сличая нынѣшнее состояніе Потсдама съ описаніемъ его, сдѣланнымъ *Русскимъ Путешественникомъ* въ 1789 году, считаешь Г. Карамзина своимъ сопутникомъ. Кажется, что я гляжу на здѣшніе предметы его глазами. Встрѣтивъ человѣка незнакомаго, котораго портретъ, чрезвычайно съ нимъ сходный, у меня долго хранился, говорю въ изумленіи: »Боже мой! да я его знаю!« Такимъ же образомъ раз-

сматриваю и здѣшній городъ. Вотъ заключеніе, какое дѣлаетъ объ немъ *Русскій Путешественникъ:* »Потсдамъ похожъ на такой городъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защищенія.« Небольшую перемѣну сдѣлалъ бы я нынѣ въ этомъ заключеніи, и сказалъ бы: пустота и уныніе Потсдама тѣмъ болѣе примѣтны, что настоящіе его жители — солдаты, вышедшіе изъ него для защиты родныхъ предѣловъ, не всѣ еще прибыли въ него.

Въ ожиданіи поѣздки въ Сансуси, я пошелъ разсѣять скуку свою на парадное мѣсто. Зашедши тамъ въ конфектную лавку, не раскаяваюсь. Содержатель ея Итальянецъ; былъ придворнымъ кандитеромъ у Фридерика II; знаетъ объ немъ множество анекдотовъ, и не смотря на зиму дней своихъ, говоритъ объ немъ съ пылкостію юноши.

Тамъ же. Съ какимъ благоговѣніемъ смотримъ на памятникъ, хранящій въ себѣ прахъ великаго человѣка! сколь краснорѣчивъ для сердца нашего самый надгробный камень его! Но мѣста́, къ которымъ онъ имѣлъ особенную привязанность, гдѣ онъ являлся со всѣми

слабостями и добродѣтелями своими; гдѣ каждый предметъ носитъ отпечатокъ его вкуса, ума и характера; которому онъ — такъ сказать — завѣщалъ, какъ любимцу своему, какъ вѣрнѣйшему другу, лучшія свои сокровища, свои тайны, славу и памятники домашней жизни: сіе любимое жилище великаго человѣка еще привлекательнѣе, еще краснорѣчивѣе для потомства. Эрменонвиль, Ферней, Званка, будутъ имѣть особенную прелесть до тѣхъ поръ, пока живы будутъ имена Руссо, Вольтера, Державина. Сансуси равно безсмертенъ, равно для насъ любезенъ: въ немъ любилъ отдыхать отъ грому побѣдъ и заботъ политики вѣнчанный Герой-Поэтъ и Философъ; въ немъ любилъ онъ бесѣдовать съ мудрецами живыми и мертвыми, съ изящною Природою и Искусствами. Привязанность его къ сему убѣжищу была самая нѣжная и постоянная: она не охлаждалась среди торжествъ и неудачъ его. »Тоскую по моемъ Сансуси, какъ Израильтяне по обѣтованной землѣ« — писалъ Фридерикъ II среди трофеевъ своихъ къ Маркизу д'Аржану. — »Когда-то увижу любезное мое уединеніе? Мысленно брожу съ вами по всѣмъ угламъ дома, по всѣмъ садовымъ дорожкамъ« — повторялъ онъ къ нему же, удрученный заботами тяжкой борьбы съ тремя могучими непріятелями. Признаюсь: я горѣлъ

нетерпѣніемъ увидѣть жилище, столько любезное Великому Фридерику, и не далъ Генералу моему покоя до тѣхъ поръ, пока не отправились мы въ Сансуси. Дорóгой присоединились къ намъ Артиллерійскій Полковникъ Нилусъ, Эпикуреецъ въ любви ко всему изящному, въ какихъ бы родахъ оно ни представлялось ему, и любезный Капитанъ Глуховъ, страстный поклонникъ великихъ людей. Прекрасные виды, пріятная бесѣда сократили путь нашъ, и безъ того не длинный. При въѣздѣ въ главную аллею, ведущую къ нагорному дворцу, сердце мое забилось сильнѣе, какъ будто отъ ожиданія встрѣтить самаго Фридерика II. Глазамъ не нравится въ аллеѣ уголъ, дающій ей видъ неправильный, и вкусъ невольно ропщетъ на сію погрѣшность въ прекрасномъ цѣломъ. Но сердце радуется, видя здѣсь черту великой души Государя-Человѣка. Уголъ этотъ сохраненъ единственно изъ угожденія бѣдной женщинѣ, не хотѣвшей за большія деньги уступить Королю клочокъ земли, издавна принадлежавшій отцамъ ея. Примѣры такого снисхожденія въ пылкомъ Фридерикѣ II, хотя они были въ немъ не рѣдки, заслуживаютъ, конечно, дани сердечнаго уваженія потомства. У самаго пріѣзда ко дворцу представляется вамъ подобный же памятникъ великодушія его. Помните ли въ его Исторіи мѣльника, кото-

рый, не смотря на всѣ просьбы и щедрыя предложенія Короля, на всѣ угрозы его, не согласился продать свою мѣльницу и, когда разгнѣванный его упорствомъ Государь приказалъ сказать ему, что онъ отниметъ ее силою, отвѣчалъ: *»Не боюсь этаго: насъ разберутъ въ Берлинѣ въ судѣ!«* Отвѣтъ, дѣлающій столько же чести Государю, какъ и подданному его, показывающій въ первомъ строгаго блюстителя законовъ, а въ другомъ твердаго гражданина, повинующагося не страху казни, но правосудію законовъ сихъ. Мѣльница по нынѣ стоитъ на томъ же мѣстѣ, (она кажется обновлена въ правленіе нынѣшняго Короля). Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ дворцомъ, махая и шумя крыльями почти надъ кровлею его, она не нарушаетъ своимъ шумомъ сладкаго сна добрыхъ Царей. — Терасса, вышедшая на площадку, достойна также замѣчанія. На нее часто выносили Короля въ послѣднюю болѣзнь его; здѣсь любилъ онъ смотрѣть на прекрасную Природу и помышлять о вѣчности. Не за долго до его смерти сидѣлъ онъ здѣсь: день былъ прекрасный, солнце во всемъ великолѣпіи своемъ шествовало по лазоревому небу. Долго любовался имъ Король, провожая его ясными взорами; душа его, казалось, отдѣлилась отъ земнаго и витала уже въ странахъ небесныхъ. Наконецъ,

какъ будто возвратившись ею на землю, какъ будто пришедъ въ себя, вздохнувъ сказалъ онъ: »Скоро, скоро переселюсь къ тебѣ на вѣки!« Мнѣ кажется, что я и теперь вижу на терассѣ больнаго Фридерика....

Принцессы Прусскія (дочери нынѣшняго Короля) были во дворцѣ, и мы въ присутствіи ихъ не смѣли осматривать его. Онѣ скоро выѣхали изъ Сансуси обратно въ Берлинъ, оставивъ намъ полную свободу быть вездѣ и все видѣть. Мы пробѣжали рядъ комнатъ, дивясь мраморамъ, колоннадамъ, прекраснымъ картинамъ и Гобеленевымъ обоямъ, спорящимъ не только съ красками художника, но и самой Природы. Кабинетъ Короля занялъ насъ болѣе, не потому, что онъ убранъ весь кедровымъ деревомъ, что въ немъ искусство и великолѣпіе являются подъ наружностію простоты; но потому, что въ немъ Геній *великаго* бесѣдовалъ съ Философами всѣхъ временъ и народовъ, что въ немъ писалъ онъ безсмертныя посланія свои къ Вольтерамъ, Даламбертамъ, Фонтенелямъ, ко всѣмъ остроумцамъ и глубокомысленнымъ писателямъ своего вѣка, ими столько богатаго. Отсюда изливалось благотвореніе, согрѣвавшее его любимцевъ. Но комната, гдѣ умеръ Герой-Философъ, еще болѣе возбудила наше вниманіе. Всѣ предметы въ ней точно въ такомъ положеніи, какъ бы-

ли при смерти его. Письменный столикъ, накрытый сукномъ, чернилами закапленнымъ; чернилица и перо, къ которому прикасался Король хладѣющими перстами, длинныя кресла, на которыхъ онъ сиживалъ во время болѣзни своей, и съ коихъ диктовалъ онъ, за день до своей смерти, наставленія своему Министру: все было нами пересмотрѣно съ особеннымъ благоговѣніемъ. На столѣ стоятъ часы съ надписью извѣстнаго изреченія Тита: diem perdidi (я потерялъ день). Достойно замѣчанія, что они остановились въ тотъ самый часъ, какъ скончался Король. Стрѣлка и теперь неподвижна на роковомъ числѣ. Здѣсь вспомнилъ я стихи, писанные Королемъ къ Вольтеру въ самую мрачную его годину:

Voltaire dans son hermitage,
Dans un pays, dont l'héritage
Est son antique bonne foi,
Peut s'adonner en paix à la vertu du sage,
Dont Platon nous marque la loi.
Pour moi menacé du naufrage,
Je dois en affrontant l'orage
Penser, vivre et mourir en Roi.

Онъ исполнилъ то, что писалъ: — мыслилъ, жилъ и умеръ по Царски. Не забылъ я взглянуть на изображеніе увѣнчаннаго Вольтера, сего своенравнаго любимца Короля, предмета зависти и любви его, сохраненной имъ до са-

мой смерти, хотя писатель-деспотъ не всегда былъ ее достоинъ. Въ другой комнатѣ видѣли мы любопытный Альбомъ Принцессы Шарлотты. Я хотѣлъ выписать изъ него нѣсколько прекрасныхъ строкъ, написанныхъ нынѣшнимъ Королемъ дочери его — хотѣлъ и не смѣлъ это сдѣлать.

» Дворецъ низокъ и малъ—говоритъ *Русскій Путешественникъ* — но взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекраснымъ. Въ немъ умѣлъ Король соединить простоту съ великолѣпіемъ. « Вышедъ изъ дворца на гору, по зеленому бархату коей спускаешься въ садъ, перешелъ я, казалось, изъ храма изящныхъ искусствъ и славы во храмъ прекрасной Природы. Какое разнообразіе видовъ представляется вамъ съ горы сей — и что не видъ, то картина! Смотрите, и не насытите зрѣнія, восхищаетесь, и удовольствію вашему нѣтъ границъ. Природа говоритъ здѣсь смертному: » все это для тебя — наслаждайся! Преклоняя колѣно передъ моимъ могуществомъ, сознайся, что всѣ сокровища твои ничтожны въ сравненіи съ моими богатствами, что ты разсыпая груды золота, не превзойдешь меня никогда въ щедрости. « Въ саду взглянули мы на небольшія плиты, положенныя въ память любимыхъ собакъ Королевскихъ: *Бити*, сопро-

вождавшей его въ походахъ и сраженіяхъ, и *Діаны*, извѣстной по жирному письму къ Штетинскому Ландрату Гибнеру. Мы пробѣжали персиковую аллею, Китайской и такъ называемый старый садъ, Японской домикъ, расписанный по рисункамъ Лесера, прекрасные храмики, мостики — и поспѣшили въ *новый дворецъ*, ибо день начиналъ уже вечерѣть. Сколько старый дворецъ похожъ на сельское, скромное убѣжище Царя-мудреца, столько новый являетъ въ себѣ пышное, великолѣпное жилище Монарха, окружившаго себя безчисленными сокровищами Природы и Искусствъ. Не мудрено: онъ устроилъ первый *для себя*, второй для глазъ любопытныхъ путешественниковъ; въ одномъ *жилъ* онъ, то есть наслаждался жизнію, какъ *человѣкъ*, — въ другомъ хотѣлъ показать, что Король Прусскій умѣетъ жить *по Царски*. Картинная галлерея въ здѣшнемъ дворцѣ богата произведеніями знаменитыхъ художниковъ. Достойно замѣчанія то, что Фридерикъ былъ самъ порядочный живописецъ и хорошій цѣнитель дарованій. Входя въ мраморную залу, видите цѣлый Олимпъ надъ головою вашей. Собраніе боговъ созвано сюда творческою кистью Ванлоо. Только мнѣ странно показалось, что живописецъ представилъ въ числѣ ихъ двѣ Славы, несущія какое-то зеленое покрывало, ни-

чего не означающее. Недоразумѣніе мое разрѣшилъ придворный слуга, показывавшій намъ рѣдкости дворца. »Надобно знать — сказалъ онъ—что знаменитый художникъ былъ великой льстецъ. Расписывая потолокъ, онъ представилъ на немъ двѣ славы, держащія лавровые вѣнки надъ вензелемъ Фридерика II. Король, увидавъ его работу при самомъ окончаніи ея, хотѣлъ въ первомъ гнѣвѣ своемъ приказать зачернить весь Олимпъ; но разчисливъ потомъ, что надобно будетъ снова расписывать потолокъ и снова платить деньги, велѣлъ онъ только закрыть свой вензель зеленымъ покрываломъ — такъ, какъ вы теперь видите.«

При входѣ въ новый дворецъ, съ нами встрѣтился человѣкъ небольшаго росту, въ кожаномъ картузѣ, въ одеждѣ простаго путешественника, не слишкомъ щеголеватой. По наружности почелъ я его за какого нибудь небогатаго Русскаго дворянина; но по глубокому почтенію, ему оказываемому Генераломъ моимъ, и по червонцу, который сунулъ онъ провожавшему насъ слугѣ, заключилъ я, что онъ долженъ быть что нибудь болѣе. Изъ Сансуси отправился онъ съ нами въ одной коляскѣ: дорóгою былъ очень веселъ, любезенъ, и говорилъ съ большимъ остроуміемъ о проиc-

шествіяхъ въ Италіи, откуда онъ теперь возвращался. Только въ Потсдамѣ узналъ я, что это былъ извѣстный нашъ Министръ Полиціи, Александръ Дмитріевичь Балашовъ.

1815.

Г. Дерптъ, 9 Марта. Живя здѣсь, воображаю, что не разставался съ благословенною Германіей: такъ сходенъ съ обычаями и нравами ея жителей образъ жизни Дерптскихъ обывателей. Порядокъ, чистота, трудолюбіе, искусства и здѣсь достойны подражанія. Пріятно жить въ городахъ Лифляндіи и Эстляндіи; пріятно путешествовать отъ одного къ другому: — въ городахъ здѣшнихъ наслаждаешься всѣми общественными удовольствіями; на дорогахъ (кромѣ дорогъ) имѣешь всѣ выгоды, какія можетъ путешественникъ найти между народами образованными. Здѣсь особенно (въ Дерптѣ) средоточатся веселости и науки Лифляндскаго края; здѣсь — можно сказать—сердце ихъ. Тутъ не соскучитъ любитель большаго свѣта, ученый найдетъ для себя богатую пищу, ремесленникъ и художникъ не оскудѣ-

ютъ; тутъ богатство сыщетъ множество предметовъ для пріятнаго и полезнаго употребленія своихъ источниковъ, посредственность можетъ ограничиться своимъ кругомъ, гдѣ не позавидуютъ никому и никого не отвергнутъ; бѣдность будетъ принята, утѣшена и обласкана. Я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дерптѣ, и не помню, чтобы гдѣ и когда нибудь столько наслаждался жизнію. Никогда не забуду я ласокъ почтеннѣйшаго Генерала *Кнорринга,* украшающаго свои сѣдины умомъ основательнымъ и добрымъ сердцемъ. Всегда помнить буду съ удовольствіемъ о вечерахъ, проведенныхъ въ здѣшнихъ клубахъ (*Благородномъ, Академическомъ* и *Мѣщанскомъ*), гдѣ всякой между *своими* веселится по *своему.* Будетъ для меня иногда пріятно воспоминаніе о веселостяхъ, оживлявшихъ такъ часто домъ Барона *Левенштерна* — веселостяхъ, съ которыми сливались пышность, вкусъ и блескъ шумнаго свѣта сѣверной Пальмиры. Волшебною кистью перенесенный съ однимъ изъ сихъ блистательныхъ собраній въ Альбомы *, на-

* Въ одномъ изъ маскерадовъ Левенштерна по одному случаю, былъ я одѣтъ *чертомъ, уносящимъ Купидона* (que le diable emporte l'amour!) Сія маска подала поводъ сыну Барона Лев. помѣстить меня въ семъ видѣ, среди главныхъ лицъ маскерада, въ одномъ Альбомѣ, который въ самомъ дѣлѣ очутился потомъ въ Москвѣ.

дѣюсь увидѣть себя на туалетѣ какой нибудь милой Московитянки — и тысячи предметовъ повторятся въ душѣ моей, и много любезныхъ мнѣ особъ отзовутся на ея голосъ. Домъ Графа *Мантейфеля*, Графини *Менденъ* и *Виллебуа* будутъ для меня незабвенны по Граціямъ, въ нихъ обитающимъ — Граціямъ не числомъ, но прелестями. Забуду ли тебя, примѣрный *Петерсонъ*, оригиналъ добра и справедливости? Всегда съ восторгомъ сердечнымъ буду разсказывать, какъ ты, вооружась громами Катонова краснорѣчія, бросалъ ихъ на враговъ истины и добродѣтели; съ невольнымъ смѣхомъ прибавлю къ симъ разсказамъ осаду твоего дома новыми Титанами въ образѣ здѣшнихъ студентовъ, стукъ разбитыхъ стеколъ, крикъ осаждающихъ, страхъ твоихъ домашнихъ и наконецъ тебя самаго подъ защитою — двухъ перинъ!.. Вспомнивъ о тебѣ, вспомнишь о золотомъ вѣкѣ, въ которомъ истина — какъ говорятъ — ходила безъ покрывала и носила сердце на рукѣ своей. Незабвенна будетъ для меня бесѣда, составленная мною для извѣстнаго нашего Литтератора *А. Ѳ. Воейкова* — бесѣда, въ которой *дѣти Марсовы* угощали *по своему* Русскаго *Поэта.* За то, какъ часто, какъ пріятно угощалъ насъ *по своему же* Александръ Ѳедоровичь и на каѳедрѣ, на которой ходили его слушать наши Генералы и

простые Офицеры, и въ кругу его любезнаго, почтеннаго семейства, гдѣ дарили насъ ласками, пріязнью, равнявшеюся даже съ красотой стиховъ самаго *Жуковскаго* (котораго любятъ здѣсь — и вездѣ читать). Записанъ въ сердцѣ моемъ день, когда я узналъ и сего скромнаго, несравненнаго Пѣвца *нашего* — Поэта, коего Генію покланялся я съ самаго малолѣтства!— Отнесу дань воспоминанія и тебѣ, прелестный вечеръ, мною учрежденный и данный Генераломъ *Полуектовымъ* въ здѣшней *обсерваторіи*, и наблюденія луны милыми обитательницами нашей планеты, и тихая, сладкая гармонія, снисходившая — будто бы — съ лучами ночнаго свѣтила, изъ другаго дальняго, неизвѣстнаго намъ міра, и восторгъ любезныхъ гостей, и ясныя умныя сужденія молодаго Професссора Математики *Штруве*: все будетъ памятно сердцу моему, пока оно не перестанетъ биться.

Дерптъ очень красивый городокъ. Онъ имѣетъ порядочную площать. Гранитный мостъ его черезъ рѣку Эмбахъ, построенный по повелѣнію Императрицы Екатерины II и стоившій казнѣ 60,000 рублей, можетъ почесться однимъ изъ лучшихъ его украшеній. Зданіе Университета величественно; оно стоитъ на древней городской площади, на которой была Шведская церковь. Прекрасна, живописна

высота, обладающая городомъ, съ ея *обсерваторіею*, въ видѣ храмика построенною, и съ развалинами древней *соборной церкви*, въ которой помѣщена нынѣ Университетская библіотека, съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ расположенная!

Выгодное положеніе Дерпта между Ригою и Петербургомъ, частое посѣщеніе его путешественниками, стеченіе въ немъ окружнаго дворянства, выгонаемаго изъ деревень своихъ суровой зимою и привлекаемаго въ городъ различными веселостями, съ которыми знакомитъ его сосѣдняя столица; бывающая въ Январѣ ярмарка, куда сливаются богатства Петербурга, Москвы, Риги, Ревеля и Бѣлоруссіи, и къ которой удовольствія приглашаютъ Нѣмцевъ и Русскихъ; наконецъ украшающій его храмъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ Музъ, покровительствуемыхъ Великимъ Монархомъ: все сіе дѣлаетъ Дерптъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ городовъ Россіи.

Г. Дерптъ 12 Марта. Въ пребываніе мое здѣсь, В. А. Жуковскій и А. Ѳ. Воейковъ изъявили желаніе имѣть Исторію города сего, достойнаго примѣчанія по мѣсту, занимаемому имъ въ лѣтописяхъ наукъ и политики. Я тру-

дился тогда надъ сею Исторіею; но хотя и обѣщались сіи знаменитые Литтераторы быть снисходительными, я не смѣлъ показать имъ трудовъ моихъ, по робости, свойственной молодымъ писателямъ, не надѣющимся на знанія и способности свои. — Предлагаю здѣсь небольшой отрывокъ вступленія въ Исторію города Дерпта и кратчайшую выписку изъ самой Исторіи: занявъ нѣсколько страницъ въ моей записной книгѣ, они не обременятъ ее.

....Историкъ одного города, дѣйствуя на такой тѣсной сценѣ, которой предѣлы не осмѣливается ни разпространить, ни перешагнуть, не менѣе того дѣйствуетъ для пользы согражданъ и заслуживаетъ хотя небольшаго ихъ вниманія. И у него являются Геніи — хранители человѣчества — неизмѣнная любовь и уваженіе народовъ; и у него встрѣчаются сильные злодѣи — мгновенное пугалище современныхъ и вѣчная ненависть потомства! Пользуясь отчасти правомъ наставлять людей, онъ сверхъ того доставляетъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ уголкѣ земли, извѣстномъ намъ, можетъ быть, по одному слуху; говоритъ о бурныхъ и счастливыхъ происшествіяхъ, въ немъ случившихся и для насъ еще новыхъ; разсказываетъ намъ о нравахъ и обычаяхъ его жителей, намъ совершенно не-

знакомыхъ. По возложеннымъ на себя обязанностямъ бытописателя, окруживъ себя источниками, въ которыхъ почерпать ему легче и способнѣе, нежели другимъ, отъ нихъ болѣе удаленнымъ, онъ бросаетъ, съ своей стороны, свѣтъ на Исторію цѣлой области и даже Государства, приготовляетъ для нее матеріалы, очищенные разборомъ и трудомъ, и служитъ ей вѣрнымъ помощникомъ въ обширныхъ и важныхъ занятіяхъ ея также, какъ сія служитъ помощницею Исторіи всемірной.

При начертаніи Исторіи Дерпта, были мнѣ путеводителями Лифляндскіе лѣтописцы, изъ которыхъ наиболѣе слѣдовалъ я *Геницу*, уроженцу Дерптскому. И кому могъ я смѣлѣе повѣриться, какъ не бытописателю города, въ стѣнахъ котораго видѣлъ онъ колыбель свою, возросъ и получилъ счастливѣйшее образованіе ума и сердца?... Истина всегда и повсюду возметъ дань ей должную.

....Дерптъ занималъ нѣкогда въ Исторіи достойное и, нѣкоторыми періодами, блестящее мѣсто. Основаніе его Русскимъ Государемъ — основаніе, исполненное дальновидной и мудрой политики; временное владычество сего города надъ Лифляндіею; смѣлость, съ которою онъ неоднократно предпринималъ и велъ войну съ пограничными Державами; связи его съ Ганзою, гордившеюся имѣть его въ союзѣ

своемъ, и цвѣтущее состояніе его торговли; права имѣть вышнее судилище и бить собственную монету; народонаселеніе его во время Епископскаго правленія; твердость и великолѣпіе его зданій, которыхъ слѣды видны еще въ развалинахъ и въ основаніяхъ ихъ при построеніи новыхъ домовъ; наконецъ любимое въ немъ пристанище Лифляндскихъ и Эстляндскихъ Музъ: всѣ сіи предметы заслуживаютъ того, чтобы говорить о нихъ согражданамъ своимъ. Они достойны пера Историка — хотя не такого, который великими подвигами на поприщѣ словесности обратилъ уже на себя общее вниманіе, но по крайней мѣрѣ такого, который *хочетъ* на семъ поприщѣ испытать свои силы, и шествуя издали за исполиномъ, пріучать младенческія, робкія стопы свои шагать ему подобно.

Въ Исторіи Дерпта видны также мрачные промежутки нѣсколькихъ лѣтъ, въ которые городъ сей представлялъ единственно груды пепла и совершенное опустѣніе. Обладаніе имъ было предметомъ пяти сильныхъ Державъ. Онъ выдержалъ четырнадцать осадъ и одиннадцать разъ былъ взятъ приступомъ. Во время Епископскаго правленія чума опустошила его. Часто судьба его придавала новый блескъ вѣнцу Государей, или помрачала счастливую звѣзду ихъ; не рѣдко увлекала она

въ стремленіи своемъ участь сосѣднихъ народовъ: — такъ нѣкоторые отрывки, отъ грозной скалы отдѣлившіеся, ускоряютъ ея паденіе; такъ присоединеніе нѣсколькихъ камней утверждаетъ прочность цѣлаго зданія....

Краткая выписка изъ Исторіи города Дерпта.

Дерптъ есть древнѣйшій городъ въ Лифляндіи. Самая Рига должна уступить ему старшинство 170 лѣтъ. Ярославъ, или *Юрій* Владиміровичь, Великій Князь Новгородскій и Кіевскій, усмиривъ Лифляндію, сбросившую было съ себя владычество Русскаго вѣнца по смерти Святаго Владиміра, заложилъ Дерптъ въ 1030 году, по чему онъ получилъ названіе *Юрьева*, которое и нынѣ носитъ. Симъ основаніемъ желалъ, конечно, Русскій Вѣнценосецъ обезпечить предпріятія свои на обладаніе цѣлой Лифляндіи, и въ сосѣднихъ ей земляхъ, со временемъ, болѣе и болѣе утвердиться. Политика Ярослава въ семъ случаѣ ознаменовалась не одною силою; покоренная область видѣла въ немъ всегда своего благодѣтеля и справедливаго, мудраго судію. Послѣ него владычество Русскихъ Князей надъ симъ краемъ — владычество легкое и благотворное, не возму-

щаемое внутренними раздорами и внѣшними безпокойствами—сохранилось постоянно близъ ста лѣтъ. За симъ долговременнымъ спокойствіемъ послѣдовали безпрестанныя возмущенія, чему причинами были, или новый образъ правленія новыхъ владыкъ, или дикіе нравы жителей. Знамя бунта часто развѣвалось надъ стѣнами Дерпта. Крестоносцы, наводнившіе потомъ Лифляндію для обращенія язычниковъ на путь истины, завоевали сей край. Основатель Риги, третій Епископъ Ливонскій, отважный и прозорливый *Албертъ*, овладѣвъ Дерптомъ, сдѣлалъ его Епископствомъ и подарилъ ему въ окружности земли. 29 Епископовъ Дерптскихъ, изъ которыхъ первый былъ *Германъ Апелдеренъ*, а послѣдній *Германъ Вейландъ*, въ продолженіе 314 лѣтъ возвели управляемый ими городъ на самую блестящую степень величія и богатства. Могуществу *Іоанна Васильевича* предоставлено было сокрушить сей колоссъ, дѣлавшійся опаснымъ и для Русскаго вѣнца. Дерптъ покоренъ послѣднему въ 1553 году *Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ*. Плѣненный въ сіе время Епископъ *Вейландъ* былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ кончилъ жизнь свою и прекратилъ собою существованіе Епископства. — Въ 1560 году послѣдній Орденмейстеръ *Готтаръ Кетлеръ* уступилъ свои владѣнія Королю Польскому *Сигизмунду Авгу-*

сту и принялъ свѣтскій санъ съ достояніемъ Герцога Курляндскаго и Лифляндскаго. Съ нимъ кончилось правленіе ордена Рыцарей меча. Съ сего времени казалось, что раздоръ бросилъ яблоко свое между тремя сильными Державами. Эстляндія и Ревель находились уже давно во владѣніи Шведовъ; бывшее Епископство Дерптское, съ нѣкоторыми другими округами, принадлежало еще Россіи; вся остальная часть Лифляндіи была во власти Польши. Отъ сего раздѣленія произошла кровопролитная и продолжительная война, успѣхи которой переходили изъ рукъ въ руки, а послѣдствіемъ было опустошеніе земель, занимаемыхъ перемѣнными побѣдителями. — Въ 1582 году Дерптъ уступленъ Россіею Польшѣ по договору, заключенному въ деревнѣ Коверогоркѣ *, между Псковомъ и Пороховомъ. — *Густафъ Адольфъ*, Король Шведскій, наслѣдовавъ войну отъ отца своего, кончилъ ее завоеваніемъ всей Лифляндіи. Дерптъ взятъ былъ приступомъ въ 1625 году. Сей великій Государь, соединявшій въ себѣ качества Героя и мудраго Правителя, приложилъ попеченія свои о внутреннемъ благоденствіи побѣжденныхъ имъ земель. *Скитте*, бывшій Гофмейстеръ его, одаренный глубокою ученостью и рѣдкими познаніями, назначенъ

* Такъ называетъ ее Ленцъ. См. Начертаніе его Исторіи города Дерпта, посвященное Государю Императору.

былъ Генералъ - Губернаторомъ Лифляндіи. Вѣра, правосудіе, земледѣліе, торговля и науки приведены имъ въ цвѣтущее состояніе. Дерптъ сдѣлался средоточіемъ власти судебной и просвѣщенія цѣлаго края.

Въ 1630 году Скитте основалъ въ семъ городѣ Гимназію, состоящую изъ осьми учителей, получившихъ въ послѣдствіи титулъ Профессоровъ, изъ которыхъ прославились познаніями своими: *Самсонъ* въ Богословіи, *Гевелнъ* въ Философіи и *Штрубергъ* въ Физикѣ. Въ 1632 году училище сіе переименовано было въ Университетъ. Достойный Намѣстникъ Лифляндіи начерталъ оному планъ, а Густавъ Адольфъ утвердилъ и подписалъ его въ Нюренбергѣ 30 Іюля тогожъ года, посреди грома войны, которою онъ тогда занимался. 15 Октября былъ Университетъ торжественно освященъ. — Королева *Христина*, дочь Густава Адольфа, вопреки извѣстной ея любви къ наукамъ и старанію покровительствовать имъ, не только что мало излила милостей на сіе ученое заведеніе; но побуждаема будучи непомѣрною роскошью, изчерпавшею государственныя сокровища, продала земли, принадлежавшія Университету. Въ послѣдствіи времени былъ онъ возстановляемъ наслѣдниками ея и снова нѣсколько разъ уничтожаемъ до прочнаго, блистательнаго утвержденія его Импера-

торомъ Александромъ I. — Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Дерптъ увидѣлъ подъ стѣнами своими многочисленное войско Русское; мужественное сопротивленіе не спасло его, и городъ сей въ 1656 году принужденъ былъ сдаться побѣдителямъ. Въ 1661 же году сей самый Царь, въ селеніи Кардисъ, помѣстіи одного Ревельскаго дворянина, заключилъ со Швеціею миръ, которымъ уступалъ ей Дерптъ со всѣмъ его округомъ. — Явился Карлъ XII на кровавомъ горизонтѣ Швеціи, и за нимъ послѣдовали всѣ бѣдствія войны, ведомой не для охраненія и блага подданныхъ, но единственно изъ жажды завоеваній. Между тѣмъ, какъ мнимый Герой шумѣлъ сраженіями своими въ Саксоніи, Петръ Великій гремѣлъ побѣдами въ Лифляндіи. Нарва и Дерптъ были первые города, осажденные въ 1704 году симъ Государемъ. Дерптскій Коммендантъ, Полковникъ Скитте защищался цѣлый мѣсяцъ, но принужденъ былъ наконецъ сдать городъ Генералу Шереметьеву. Хотя побѣдоносный Монархъ, при сдачѣ Дерпта, возвратилъ ему всѣ права; но подозрѣвая жителей его въ измѣнѣ и тайной перепискѣ со Швеціею, приказалъ въ 1708 году сослать большую ихъ часть во глубину Россіи, уничтожить укрѣпленія и разрушить до основанія нѣкоторыя зданія. Политика требовала, можетъ быть,

сего отъ Государя, знавшагô, что Рига и большая часть Лифляндіи принадлежали еще Швеціи и что Карлъ содержалъ въ Польшѣ многочисленную армію. Поля Полтавскія не гремѣли еще славою Русскихъ—и Петръ Великій не былъ увѣренъ удержать за собою забранные въ Лифляндіи города. Ништедтскій міръ положилъ конецъ бѣдственному состоянію Дерпта. — Назначено было укрѣпить городъ сей въ царствованіе Екатерины II, надъ совершеніемъ чего и трудились уже съ 1763 до 67 году по плану Фельдцейгмейстера Виллебуа. Одинъ бастіонъ былъ почти отдѣланъ, другія крѣпостныя части заложены были. Но какъ многія окружныя высоты обладаютъ городомъ, то и нашли мѣстоположеніе Дерпта невыгоднымъ для крѣпости; повелѣно было прекратить начатыя работы, а совершенныя оставить на будуще время безъ вниманія. Въ послѣдствіи, отдѣланныя укрѣпленія подарены были Университету Государемъ Павломъ I и назначены подъ различныя ученыя заведенія. Желаніе сего Государя было возстановить Университетъ. Разсмотрѣвъ представленный Ему планъ сему ученому заведенію, онъ назначилъ сто Лифляндскихъ десятинъ на содержаніе его, 25,000 рублей на построеніе зданія и подъ оное городскую площадь, на которой находилась прежде Швед-

ская церковь. Лифляндское, Эстляндское и Курляндское дворянство обязалось, въ теченіе трехъ лѣтъ, выдавать каждый годъ на устроеніе Университета по 40,000 рублей. Но это была только заря счастія для Дерптскихъ Музъ; полдню его назначено было сіять при Александрѣ. Первые шаги Его на Престолѣ ознаменованы были милостями къ Дерпту. Его Императорское Величество повелѣлъ нарядить Коммиссію, которая должна была положить новое и совершеннѣйшее основаніе Университету. Сія Коммиссія составлена была изъ особъ, извѣстныхъ Россіи своими познаніями и любовію къ Отечеству. Между ними засѣдать призваны были два Лифляндца: Сенаторъ Графъ Маннейфель и Тайный Совѣтникъ Фитингофъ. Представленный Государю Императору планъ ученому сему заведенію былъ Имъ благосклонно принятъ и утвержденъ въ 1802 году. Между лучшими дарами, сдѣланными Императорскою Фамиліею, суть безъ сомнѣнія: прекрасный Натуральный Кабинетъ и Библіотека, подаренныя Его Высочествомъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Сей примѣръ возбудилъ многихъ частныхъ особъ къ различнымъ пожертвованіямъ, чрезмѣрно послужившимъ къ украшенію и увеличенію Университета. Попеченіями Профессора *Паррота-*

Кабинетъ Физики пріобрѣлъ многія драгоцѣнности; но что болѣе всего занимаетъ, что приноситъ болѣе славы сему ученому заведенію, то это безъ сомнѣнія Военный Кабинетъ, надъ устроеніемъ котораго трудился почтенный Профессоръ Тактики, Полковникъ *Эйлснеръ.* — Русскую каѳедру украшаетъ нынѣ А. Ѳ. Воейковъ.

Государь Императоръ, посѣщая Дерптскій Университетъ 22 Мая 1802 года, сказалъ: »Я возьму здѣшнихъ Музъ подъ Мое покровительство.« — Сказалъ и даровалъ Университету Уставъ благодѣтельный и великій. Пускай Геній отечественный гордится имъ, поставивъ его на алтарѣ безсмертія!

Г. Дерптъ, 25 Марта. Изгнанникъ Наполеонъ ознаменовалъ бѣгствомъ славное поприще жизни своей.—Война зажгла уже свой пламенникъ во Франціи. — Идемъ защищать права законнаго Государя ея. — Мы получили маршрутъ до Рейна; но каждый изъ воиновъ нашихъ начерталъ его въ сердцѣ своемъ до самаго Парижа. — Нашу 2 Гренадерскую дивизію ведетъ Генералъ Паскевичъ: съ такимъ добрымъ и храбрымъ Генераломъ всѣ Офицеры и солдаты умереть готовы.

Г. Вейсенфельсъ, 16 Іюня. Не подалеку отъ Лютцена, близь самой большой дороги, къ нему ведущей, стоитъ простой камень, окруженный нѣсколькими тополями. »Здѣсь палъ Густавъ Адольфъ« — сказалъ мнѣ почталіонъ. — Стой! закричалъ я, и съ трепетомъ сердечнымъ выскочилъ изъ коляски.

Какой памятникъ означаетъ мѣсто, гдѣ славною смертію кончилъ славную жизнь Великій Государь и Великій Человѣкъ? — Простыя плиты, изъ грубаго, дикаго камня, коекакъ наломленныя и обсаженныя пятью или шестью тополями! Два дерева срублены Французами во время отступленія ихъ отъ Лейпцига. — И рука разрушенія не дрогнула, прикасаясь къ сей святынѣ!... Мнѣ кажется, Геніи добра и славы стоятъ на стражѣ у сего грубаго монумента, и препоручаютъ его сбереженіе народамъ и вѣкамъ. Памятникъ великому человѣку есть сокровище, за которое настоящее время отвѣчаетъ потомству. Нѣтъ казни, довольно ужасной, для извергов, разрушающихъ сіе священное наслѣдство народовъ! — Одна трехугольная плита поставлена надъ прочими острѣйшимъ концемъ своимъ вверьхъ: на ней изображены буквы G. A., а подъ нимъ 1632 годъ. На одной неровной плитѣ, лежащей на землѣ, начертана слѣдующая надпись:

GUSTAW ADOLPH

KOENIG VON SCHWEDEN

fiel hier

für Geistes Freiheit

am 7 November 1632.

то есть:

Густавъ Адольфъ, Король Шведскій, палъ здѣсь за свободу вѣры 7 Ноября 1632.

Идя возстановлять законнаго Государя на тронъ отцевъ его, Россійскій Императоръ, съ Прусскимъ Королемъ, покланялись на семъ мѣстѣ Генію Великаго Густава, — и славный защитникъ истины и правъ народныхъ благословилъ Ихъ, конечно, на сей священный подвигъ.

Мысль—дать и выиграть сраженіе на томъ полѣ, гдѣ палъ Густавъ Адольфъ среди трофеевъ своихъ — столько занимала и мучила Наполеона, что онъ, предугадывая Лютценское дѣло, не переставалъ окружающимъ его говорить, сколь славно будетъ побѣдить непріятеля на семъ мѣстѣ. Исполнились ли сіи мечты его, или нѣтъ, извѣстно по слѣдствіямъ Лютценской битвы.

Вотъ что говоритъ Исторія о побѣдѣ и смерти Короля Шведскаго.

Густавъ и Вальдштейнъ, вступивъ 1632 въ Мисию, располагаются къ сраженію. Передъ битвою, Герцогъ Саксен-Лауенбургскій докладываетъ Королю, что Гассіонъ купилъ двухъ прекрасныхъ лошадей, которыхъ назначилъ: одну для побѣды надъ непріятелемъ, другую для преслѣдованія побѣжденныхъ. »*По чему не-запасся онъ третьею для упорной битвы, которую обѣщаетъ намъ видъ нашихъ противниковъ?*« — сказалъ Густавъ. — Въ самомъ дѣлѣ начало сраженія не предвѣщаетъ успѣха Шведамъ. Король, видя ихъ въ ужасномъ безпорядкѣ, слѣзаетъ съ лошади, останавливаетъ бѣгущіе полки, беретъ копье въ руки и говоритъ имъ, *что если не удерживаетъ ихъ на посту чести память о совершенныхъ ими подвигахъ; если прошедъ столько рѣкъ, взявъ приступомъ столько городовъ и одержавъ надъ непріятелемъ столько побѣдъ, не одушевляются они желаніемъ сохранить пріобрѣтенную ими славу: то пусть остановятся хотя для того, чтобы посмотрѣть, какъ онъ умирать будетъ.* Сія рѣчь, въ коей соединены столь искусно хвала и упреки, увѣнчана совершеннымъ успѣхомъ. Войска останавливаются, устроиваются, стремятся снова къ ужаснѣйшей битвѣ, отнимаютъ назадъ свою артиллерію, вторгаются въ укрѣпленія непріятеля, и остаются побѣдителями

на мѣстѣ сраженія. Но побѣда сія слишкомъ дорого куплена была Шведами: виновникъ ея палъ во время дѣйствія.

Казалось, Король предчувствовалъ свой конецъ за нѣсколько дней передъ симъ, когда народы, бросаясь къ нему на встрѣчу, изъявляли ему всѣ знаки сердечнаго восторга, преданности и удивленія. »*Страшусь* — говорилъ онъ тогда — *чтобы Всевышній, оскорбленный ихъ восклицаніями, не научилъ ихъ слишкомъ скоро, что тотъ, кого возносили они, какъ божество, былъ только ничтожный смертный.*«

О Густавѣ говорили, что онъ умеръ съ мечемъ въ рукахъ, съ командными словами на устахъ и съ мыслію о побѣдѣ. Онъ самъ говорилъ, что счастливъ тотъ, кто умираетъ, исполняя *свое дѣло;* онъ говорилъ и доказалъ это опытомъ славной смерти.

Великій Густавъ научилъ Европу искусству воевать; добродѣтели его соотвѣтствовали его дарованіямъ. — Онъ уничтожилъ дуэли въ Шведскихъ войскахъ строгимъ закономъ и строжайшимъ примѣромъ.

Эйзенахъ, 22 Іюня. »Есть ли у васъ что нибудь любопытное въ городѣ?« спросилъ я хозяйку свою, добрую и словоохотную старушку. — Какъ не быть! — отвѣчала она мнѣ

голосомъ оскорбленнаго самолюбія, и начала разсказывать о взрывѣ пороховаго парка, о за̀мкѣ Вартбургѣ, о заточеніи въ немъ Мартына Лутера, о Рыцарской залѣ, о жизни длиннорукихъ Маркграфовъ, румяныхъ и бѣлоликихъ Графовъ, близорукихъ Князей и свирѣпыхъ Князьковъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и трепетомъ сосѣднихъ земель. Я слушалъ ее очень долго.... Случалось ли вамъ, читая бредни Радклифины, утомившись подземельями, напугавшись гробами, мертвецами и привидѣніями, разкрыть вдругъ книгу и, для оживленія мыслей и сердца, приняться за Карамзина? Желая полюбоваться скорѣе красотами здѣшней Природы, я сдѣлалъ то же съ хозяйкою моею, взялся за ручку двери и отворилъ уже ее; но моя Радклифъ все еще преслѣдовала меня по лѣстницѣ грозною тѣнію какого-то охриплаго во браняхъ витязя...

Первый попавшійся мнѣ на встрѣчу мальчикъ взялся проводить меня въ за̀мокъ Вартбургъ. Двѣнадцати-лѣтнее дитя, со всѣмъ краснорѣчіемъ старика, разсказало мнѣ жизнь Лутера. Къ чести Нѣмецкаго просвѣщенія долженъ я упомянуть, что въ Германіи дѣти, рожденныя въ низшемъ состояніи, не считаютъ за грѣхъ учиться тому, чему учится сынъ или дочь дворянина. Каждый знаетъ свою Библію, Исторію своей родины и своего

отечества; сверхъ сихъ необходимыхъ познаній, знакомятъ ихъ съ пріятными и полезными искусствами и науками. Природныя дарованія не умерщвляются грубыми, закоренѣлыми предразсудками; дороги умамъ проложены и выборъ предоставленъ: остается идти по любой въ храмъ славы. Отъ того-то Германія такъ богата учеными, Поэтами и Философами, рожденными подъ тѣнію сноповъ и въ бѣдныхъ хижинахъ. Самъ Вольтеръ, со всею придирчивостію своею, не могъ бы здѣсь сказать:

Peut-être qu'un Virgile, un Cicéron sauvage
Est chantre de paroisse ou juge de village.

Кто знаетъ? можетъ быть Виргилій, Цицеронъ,
Кричатъ на крылосѣ, или села въ совѣтѣ?

Къ чести здѣшнихъ нравовъ долженъ я прибавить, что богатый и бѣдный, дворянинъ, купецъ, ремесленникъ и земледѣлецъ, учась вмѣстѣ въ одной народной школѣ, слушая одинакіе уроки и наставленія, навыкаютъ къ какому-то согласію мыслей и чувствованій, къ какому-то единодушію, котораго ни время, ни различіе состояній истребить не могутъ.

Тропинки ведутъ къ замку Вартбургъ по крутой и возвышенной горѣ. У подошвы ея путникъ любуется разсыпанными на ней красивыми, разнообразными хижинами; выше лу-

жайки манятъ его отдохнуть на бархатной своей зелени; въ срединѣ густые кустарники зовутъ его уклониться въ тѣни своей отъ зноя солнечнаго; наконецъ изсѣченная между огромными утесами дорога ведетъ его на гордую высоту, на которой останавливается онъ дивиться красотамъ Природы, и познаетъ всю мѣру человѣческой гордости. Въ самомъ дѣлѣ, Царская высота! Все низко и мало передо мною; кажется, вся окружность лежитъ у ногъ моихъ и ждетъ моего велѣнія!.. Съ горы, господствующей надъ многими другими, пріятно смотрѣть на городъ, стелющійся въ лощинѣ на подобіе красивой деревеньки; пріятно бродить взорами между дикими утесами съ обнаженнымъ челомъ или съ увѣнчаннымъ кустарниками, — между утесами, возносящимися къ небесамъ, или надъ бездною нависнувшими; весело слѣдовать за излучистою рѣчкою по росписнымъ лугамъ и остановиться наконецъ надъ чернымъ отдаленнымъ боромъ. — »Видите ли влѣво два камня, похожіе на женщину и мущину?« спросилъ меня старикъ, встрѣтившійся со мною на срединѣ горы. — Вижу только два камня, — отвѣчалъ я ему; но если вамъ угодно, чтобъ я открылъ глаза воображенію, если нужно помечтать: то скажу вамъ, что усматриваю нѣчто сходное съ человѣческими фигурами. — »Прекрасно!« воскликнулъ старикъ,

пожимая съ восхищенiемъ мою руку; и желая наградить мою прозорливость, разсказалъ мнѣ слѣдующее старинное преданiе *.

»Молодой и прекрасный, но бѣднаго и не высокаго происхожденiя житель Эйзенаха имѣлъ сосѣдкою своею дѣвушку, одаренную всѣми прелестями Природы и милостями Фортуны. Любовь соединила два существа, созданныя одинъ для другаго; но жестокость и предразсудки человѣческiе должны были ихъ разлучить. Прекрасная таила страсть свою, таила и — наконецъ открыла отцу. »Мнѣ унизить родъ мой?« сказалъ онъ со гнѣвомъ, и заточилъ дочь свою въ монастырь. Въ сосѣдствѣ монастыря сего былъ другой же, мужской; тамъ вѣрный любовникъ ея назначилъ себѣ краткое жилище и безвременную могилу. Но что преграды для любви всесильной? Препятства умножаютъ только страсть — и сердитый потокъ, легкою плотиною удержаный, съ большею яростiю стремится разрывать ее. Тщетно старались несчастные усыпить страсть свою трудами и молитвами; напрасно

* Это самое преданiе дало поводъ Виланду написать очень прiятную поэму. Примѣчанiе сiе принадлежитъ почтеннѣйшему Г. Издателю Вѣстника Европы. При семъ долгомъ считаю сказать, что существованiемъ книги сей обязанъ я М. Т. Каченовскому: давъ мѣсто моимъ походнымъ запискамъ въ составляемомъ имъ журналѣ, столько извѣстномъ, онъ ободрилъ меня къ изданiю ихъ въ свѣтъ.

призывали къ себѣ на помощь долгъ и вѣру: любовь все превозмогала! Въ мрачной кельѣ ихъ присутствовала жестокая; она сопровождала ихъ въ аллеѣ уединенной обители и не покидала у алтаря. Любовь пылала на устахъ монаха, когда онъ, встрѣчаясь съ прекрасною, посылалъ на нее милости небесныя и дрожащею рукою давалъ ей благословенія; волнуемая любовію грудь монахини вырывалась изъ мрачнаго плѣна своего, когда она принимала сіи благословенія. Взоры ихъ невольно встрѣчались; сердца бились сильнѣе и выражались согласными вздохами. Наконецъ онъ нашелъ случай доставить ей слѣдующую записку: »нѣтъ силъ преодолѣть страсть мою: я долженъ тебя увидѣть, или погибнуть! Съ наступленіемъ ночи, на ближнемъ отъ монастыря нашего утесѣ, ожидаю тебя. Загляни, прекрасная, въ свое сердце, подумай, и избери любое: назначенное для нашего свиданія мѣсто или увидитъ меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, или будетъ моимъ гробомъ!« Чувствительная монахиня, прочитавъ записку, не забыла заглянуть въ сердце, и нашла въ немъ чувство, готовое на всѣ жертвы; подумала также, что въ случаѣ отказа будетъ отвѣчать на томъ свѣтѣ за смерть любезнаго ей человѣка — и рѣшилась съ нимъ видѣться. Мракъ ночи, окинувъ окружность покровомъ своимъ, благопріят-

ствовалъ свиданію любовниковъ. Они были уже вмѣстѣ... Вдругъ налетѣла черная туча, блеснула молнія... Смертный холодъ пробѣжалъ по всему ихъ составу, уста оледенѣли, дыханіе остановилось, сердца̀ перестали биться... И любовники, пораженные гнѣвомъ небеснымъ, превратились въ два камня! — Вотъ они; смотрите пристальнѣе, и признайтесь потомъ, что мы обладаемъ рѣдкимъ чудомъ.«— Образованнымъ Природою и стариками вашими доконченнымъ — отвѣчалъ я повѣствователю: — но признаюсь, что суевѣрію послѣднихъ вы болѣе обязаны, нежели могуществу первой. — »Быть можетъ! Но басня эта составляетъ утѣшеніе и гордость здѣшнихъ жителей.« — Грѣшно отнимать у нихъ такое невинное утѣшеніе: дай Богъ, чтобы всѣ сказки доставляли столько удовольствія, сколько принесла до сего времени ваша! Дай Богъ!— повторилъ я, и простился съ добрымъ старикомъ.

Подойдемте къ за̀мку Вартбургъ. — Достоинъ замѣчанія колодезь, изрытый на вершинѣ горы и свидѣтельствующій, что Природа нигдѣ не отказываетъ въ помощи любимцу своему. Взойдемте въ самый за̀мокъ. — Рыцарская зала, наполненная богатыми и тяжелыми латами, шишаками, забралами, мечами, панцырями и конскими сбруями, сто̀итъ того, чтобы

въ ней побывать. Какую гигантскую величину, какую ужасную силу должны были имѣть герои сѣдой древности! Какой богатырь нашихъ лѣтъ, хотя бы онъ былъ самъ *Лукинъ* *, согласится пройти верстъ пять въ ихъ одеждѣ!... Что мы въ сравненіи съ ними? что будутъ правнуки нашихъ правнуковъ?... Другая зала убрана изображеніями здѣшнихъ владѣтельныхъ Князей съ ихъ нѣжными *половинами*;—живопись достойна своего вѣка! Но если куда любопытство сильнѣе увлекаетъ, такъ это въ комнаты, гдѣ жилъ и содержался Мартынъ Лютеръ послѣ Вормскаго Сейма. Тамъ показываютъ, какъ святыню, жесткое ложе, на которомъ онъ сыпалъ, столъ и стулья, составлявшіе скудельное украшеніе его тюрьмы. Всѣ стѣны — даже въ самыхъ переходахъ — исписаны именами путешественниковъ; глаза ищутъ мѣста, на которомъ можно бы помѣстить нѣсколько буквъ, и не находятъ. Надзирательница надъ за́мкомъ показывала мнѣ, между прочими рѣдкостями, *имя* Петра Великаго, Латинскими буквами начертанное Имъ самимъ во время его путешествія. Безсмертный Преобразователь своего народа хотѣлъ, конечно, почтить тѣмъ память умнаго Лютера. Рука времени почти изгладила черты сего имени; но Русской угады-

* Морской Офицеръ, извѣстный силою своею.

ваетъ сердцемъ его остатки и лобызаетъ съ благоговѣніемъ прахъ, его покрывающій.

Въ одномъ крылѣ за́мка есть трактиръ. Въ немъ нашелъ я Генерала моего, съ нѣкоторыми Офицерами его бригады, и тучнаго, шутливаго Лѣ*, который во всемъ смыслѣ отдыхалъ *по трудахъ.* Сочный Неапольскій лимонъ кипѣлъ съ сахаромъ въ Англійскомъ пивѣ; Геба не могла бы изготовить для насъ лучшаго нектара; и я увѣренъ, что ни одинъ изнѣженный Сибаритъ такъ не роскошничалъ надъ Кипрскими и Аликантскими винами, какъ мы, утомленные нашимъ путешествіемъ, роскошничали надъ чашею портера. Освѣживъ силы наши, включивъ наши имена въ книгу между множествомъ другихъ знаменитыхъ, славныхъ, великихъ, малыхъ и неизвѣстныхъ именъ, перебравъ на столѣ разныя древнія книги, говорящія о военной наукѣ и довольно любопытныя, разглядѣвъ прилежнѣе висящій на стѣнѣ портретъ Лутера, простились мы съ за́мкомъ.

Сходя съ горы, разскажу вамъ чудесный случай, происшедшій въ Эйзенахѣ 1810 года въ то бѣдственное 20 число Августа, когда цѣлая часть города поднялась на воздухъ отъ разрыва нѣсколькихъ Французскихъ ящиковъ съ порохомъ и чиненными ядрами, ѣхавшихъ изъ Готы. Несчастія и жертвы дня сего без-

численны. Многіе изъ жителей погибли въ ужаснѣйшихъ мукахъ подъ развалинами своихъ домовъ. Въ одномъ изъ домовъ сихъ юная чета (Адвокатъ Еппелтъ съ новобрачною супругою своей), въ забвеніи всѣхъ мірскихъ превратностей наслаждалась счастіемъ любви безпечной; вдругъ, въ самую полночь, глухой подземный громъ протекаетъ подъ ними, земля колеблется, стѣны трещатъ, кровля рушится.... имъ кажется, что вселенная повернулась на оси своей и что насталъ для нихъ часъ страшнаго суда.... Они тѣснѣе заключаютъ другъ друга въ свои объятія, подымаются на воздухъ и — безвредны упадаютъ на землю!... Я повелъ бы скептика по развалинамъ домовъ и потомъ къ четѣ счастливыхъ любовниковъ.

Довольно для Эйзенаха! Перо мое уже не пишетъ, а я перу повиноваться долженъ!...

Г. Фульда, 24 Іюня. Монастыри, расположенные на красивыхъ высотахъ по дорогѣ, ведущей къ городу, служатъ — такъ сказать — предувѣдомленіемъ о томъ, что Фульда есть богатое Епископство. Городъ порядочный! Около стѣнъ Архипастырской обители есть прекрасный булеваръ; на немъ по

вечерамъ гуляетъ множество народа *обоего* пола.

Здѣшняя соборная церковь достойна примѣчанія любопытнаго путешественника. Она основана въ 744 году и вновь (менѣе ста лѣтъ) перестроена. Архитектура ея довольно великолѣпна. Внутри есть множество статуй, изображающихъ отцевъ церкви. — Вонифатій, первый проповѣдникъ Римскій въ семъ краю, убитый *невѣрующими* кинжаломъ въ голову, погребенъ въ сей церкви. Сіе убіеніе представлено въ ней же на алтарѣ, изсѣченномъ изъ дикаго камня. Не льзя не удивляться хранящемуся здѣсь же изображенію человѣческаго остова, такъ искусно изъ ломкаго вещества сдѣланнаго, что обманываетъ совершенно знающихъ Анатомію. — Изъ чего же, подумаете вы, сдѣланъ онъ? — Изъ одного камня!... Библіотека рѣдкая и расположенная въ большомъ порядкѣ! Въ ней считаютъ до 38,000 твореній. Достойнѣйшія изъ нихъ примѣчанія: сочиненія Вонифатія; рукопись Лутера, писанная въ 1543 году, и другая Меленктона, означенная 1545 годомъ; Мабиліоново истолкованіе древнихъ буквъ и чиселъ; жизнь Венедикта, писанная золотыми буквами въ 1365 году; Библія на Сирійскомъ языкѣ; Алкоранъ и законоположеніе Императора Ѳеодосія, ознаменованное существованіемъ 1200 лѣтъ. Въ библіотекѣ

есть также Кабинетъ монетъ и медалей (Muntz-Cabinet), въ которомъ хранится до 4,000 слѣпковъ, представляющихъ извѣстнѣйшихъ мужей. — Церковь Св. Михаила, стоящая близь соборной, славится древностію своею: она построена въ 678 году. Въ ней находится точное подобіе гроба Господня. По лѣвую сторону престола, въ стѣнѣ есть квадратное отверстіе, имѣющее не болѣе полутора аршина въ діаметрѣ, такъ что человѣкъ, только согнувшись, можетъ въ оное влѣзть. Во внутренности, на лѣвой сторонѣ, могутъ четыре человѣка стоя помѣститься. Большой дикій камень, по правую сторону, занимаетъ столько мѣста, сколько требуетъ тѣло человѣка.

---

29 Іюня. На прелестномъ пути отъ Франкфурта къ Майнцу, не доѣзжая полмили до сего города, лежитъ между виноградными садами мѣстечко, сими же садами славное. Оно вѣнчаетъ пригорокъ, съ котораго, какъ будто неусыпный стражъ, надзираетъ надъ плодоносною окружностію. Скажите имя сего мѣстечка старику, болѣе полвѣка отжившему — и кровь живѣе заструится вокругъ его сердца, и взоры его блеснутъ огнемъ молодости. *Гохгеймъ* на устахъ вашихъ. Такъ, вы отга-

дали. Быть въ немъ и не пить вина его имени, все равно, что быть въ Римѣ и не цѣловать Папскихъ туфлей!... Пользуясь правомъ кошелька, я потребовалъ у богатаго хозяина моего бутылку десятилѣтняго Гохгейма. Филемонъ примѣтно испугался моего требованія, отговаривался невозможностію найти такого *древняго* вина и за золотыя горы, торговался со мною, не о деньгахъ, но объ лѣтахъ и — наконецъ принесъ прекрасное дитя Гохгейма, пять лѣтъ воспитываемое въ пространномъ его погребѣ.

Гохгеймское вино почитается лучшимъ изо всѣхъ бѣлыхъ винъ, производимыхъ богатыми виноградниками береговъ Рейна. Его не иначе пьютъ въ Германіи, какъ изъ рюмокъ средняго разбора, темнѣйшаго зеленаго стекла. Мы, Русскіе (насъ было трое военныхъ товарищей), наполнили имъ прадѣдовскій покалъ и, въ честь падшихъ на поляхъ славы друзей, осушили его до дна. Воображеніе заискрилось, сердца заговорили — и мы изъ Гохгейма перенеслись на поля прежнихъ битвъ, на пепелище нашей родины, въ бѣлокаменную Столицу, въ шумный рой тамошнихъ красавицъ; потужили, погорѣвали; — но дѣти Марсовы тужатъ не долго! — Мы возвратились скоро въ Гохгеймъ на свѣжую солому, чтобъ уснуть

въ сладкой надеждѣ увидѣть завтра Героя временъ прошедшихъ и потомства.

Майнцъ, 30 Іюня. Выѣхавъ изъ Гохгейма, вы спускаетесь по пріятной отлогости. На право и на лѣво стелются по разнообразнымъ пригоркамъ виноградники; впереди чернѣются, надъ красными кровлями, высокіе шпицы церквей Майнца, а за нимъ въ видѣ амфитеатра возвышаются его укрѣпленія. Вотъ и самый городъ! Онъ смотрится въ Рейнъ и съ противнаго берега смѣется, кажется, бурямъ военнымъ, покоясь на лонѣ столь величественнаго защитника. Отецъ многихъ богатыхъ рѣкъ Германіи, *донынѣ* вѣрный хранитель границъ между двумя сильными царствами, Рейнъ течетъ здѣсь со всею гордостію своего имени. Здѣсь Майнцъ соединяется съ нимъ и образуетъ укрѣпленный островъ. Нѣсколько плавучихъ мѣльницъ пестрѣются на немъ и сливаютъ шумъ колесъ съ шумомъ его теченія. Длинный мостъ на судахъ соединяетъ оба берега.

Майнцъ, съ одной стороны огражденный рѣками, съ другихъ сторонъ укрѣпленіями, надъ которыми трудилось искусство вѣковъ съ помощію щедрой Природы, могущій вмѣстить въ себѣ многолюдный гарнизонъ — по-

читается сильнѣйшею крѣпостію въ сердцѣ Европы. Онъ извѣстенъ также тѣмъ, что пустилъ въ свѣтъ двухъ сыновъ разнаго свойства: одинъ распространилъ ужасъ на всю землю, вручивъ честолюбцамъ новое и сильнѣйшее орудіе истреблять людей; а другой озарилъ науки новыми лучами просвѣщенія, и сохранилъ навсегда для благодарнаго потомства произведенія великихъ умовъ. Я говорю о порохѣ и книгопечатаніи, изобрѣтенныхъ въ семъ городѣ въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ.

Городъ самъ по себѣ — какъ и всѣ укрѣпленные города — пустъ, унылъ и мраченъ. Тщетно будете спрашивать здѣсь объ успѣхахъ торговли, искусствъ и художествъ; напрасно станете искать слѣдовъ мирныхъ забавъ и удовольствій: онѣ вытѣснены отсюда навсегда! Здѣсь владычествуетъ одинъ Богъ войны—и кто не служитъ подъ его знаменами, кто для него не трудится, тотъ вѣрный изгнанникъ изъ Маинца. На площади (противъ древняго дворца), обсаженной деревьями, зовущими, кажется, любящіяся пары, или мирнаго пѣвца укрыться въ густотѣ ихъ отъ городской скуки, увидите важно движущіеся ряды Австрійскихъ гренадеръ съ грозными усами, или кипящіе рои стрѣлковъ Прусскихъ. На главныхъ улицахъ солдаты, на берегу солдаты, и въ

прекрасныхъ домахъ они же! Можно сказать, что Манцъ есть не иное что, какъ очень красивыя, обширныя *казематы.*

Человѣкъ великій украшаетъ нынѣ Манцъ своимъ присутствіемъ. Смиренный въ своемъ величіи, скромный въ славѣ своей, гордый однимъ именемъ воина защитника отечества; не унывавшій никогда въ потеряхъ, не возносившійся отъ бранныхъ успѣховъ; искусный и храбрый, хотя не всегда счастливый полководецъ; благоразумный тактикъ и писатель; сотрудникъ Суворова, но не всегда вѣрный ему помощникъ; Герой всѣхъ временъ и народовъ; любовь общая и слава Австріи: однимъ словомъ, это Эрцгерцогъ Карлъ! Ему поручена нынѣ осада всѣхъ Французскихъ крѣпостей, лежащихъ на берегу Рейна; слишкомъ скромное порученіе! Но братъ Императора, видя въ немъ пользу общему дѣлу, посвятилъ сей пользѣ здоровье, труды, неусыпныя попеченія и дарованія свои. Манцъ избралъ онъ своимъ лагеремъ и мѣстомъ надзора надъ движеніями Французскихъ гарнизоновъ и облегающими ихъ союзными войсками. Строгостію дисциплины, порядкомъ и добротою души заставляетъ онъ какъ своихъ, такъ и чужеземныхъ солдатъ и жителей, любить себя до привязанности и уважать до преданности. Спросите объ немъ у Русскаго, Австрійца, Пруссака, Баварца — и

всѣ съ равнымъ восхищеніемъ будутъ о немъ отзываться. — Позавидуйте мнѣ, друзья мои: *я его* видѣлъ, я съ *нимъ* говорилъ!

Въ шесть часовъ утра готовъ онъ былъ выѣхать на встрѣчу нашей гренадер-егерской бригадѣ и прекрасной батарейной ротѣ Полковника Нилуса, при ней находящейся. Извѣщенъ будучи начальникомъ сихъ войскъ, Генералъ-Маіоромъ Полуектовымъ, что полки и рота ожидаютъ его прибытія на этомъ берегу Рейна, онъ съ небольшою свитою къ нимъ прибылъ. Сердца солдатъ угадали, что онъ имъ не чужеземный по дѣяніямъ своимъ; они слышали отъ своихъ Офицеровъ, что онъ бывалъ въ походахъ съ Суворовымъ — и встрѣтили его громогласнымъ *ура!* »Въ какой Губерніи стояли эти войска, и когда вышли онѣ изъ мѣстъ своего расположенія?« спросилъ онъ. Узнавъ, что онѣ расположены были подъ Петербургомъ, и выступили изъ квартиръ своихъ въ концѣ Марта, во время *полноводія.* »Въ три мѣсяца изъ-подъ Петербурга на Рейнъ! совершенно по-Суворовски!« сказалъ онъ и прибавилъ: »люди такъ свѣжи, такъ живы и здоровы, какъ будто выступаютъ нынѣ въ походъ! Не мудрено: воспитанникамъ Сѣвера и ученикамъ безсмертнаго Полководца все возможно!«—Когда войска проходили мимо его церемоніальнымъ маршемъ, онъ сказалъ Генералу моему,

«я имѣлъ *честь* командовать нѣкогда храбрыми Русскими солдатами; ожидалъ нынѣ этаго *счастія:* но судьба и люди иначе расположили!...« Самый лестный отзывъ, самая лучшая похвала нашимъ Сѣвернымъ героямъ въ устахъ истинно великаго человѣка! Онъ пригласилъ начальниковъ и нѣсколько Офицеровъ къ столу. Онъ обѣдаетъ очень рано, не по придворному, а по солдатски. Говорятъ, что онъ имѣлъ нѣкогда у себя table ronde, на подобіе столовъ рыцарскихъ временъ; свобода и равенство при немъ присутствовали. Вблизи я успѣлъ лучше разсмотрѣть Эрцгерцога. Онъ малаго роста, худой, сухощавый; одѣвается просто; лице у него очень пріятное; глаза его блестятъ огнемъ ума; какая-то восхитительная улыбка покоится на устахъ его, особенно когда онъ говоритъ. Все окружающее его оживлено, кажется, его душою; весь дворъ его носитъ на себѣ признаки его любезности. Онъ самъ занимался военными гостями своими, какъ ласковый, хлѣбосольный Русскій помѣщикъ; каждому Офицеру сказалъ нѣсколько словъ, каждаго обворожилъ сими словами.

Присутствіе великаго человѣка есть лучшая школа нравовъ. Совѣтовалъ бы я надутому вельможѣ, величающемуся пергаментами своими, и гордому честолюбцу побывать у него: они вышли бы отъ него добрѣе, умнѣе и сми-

ренiѣе. Взирая на него, невольно скажешь: скромность есть печать истиннаго величiя. Посмотрите на Эрцгерцога Карла въ кругу его; взгляните на него въ его творенiяхъ *; послѣдуйте за нимъ въ пылъ сраженiй. Тамъ бьетъ онъ гордость; тутъ учитъ побѣждать враговъ, не скрывая собственныхъ ошибокъ; здѣсь побѣждаетъ ихъ: — вездѣ онъ герой истинный, вездѣ онъ человѣкъ великiй!

Лагерь близъ Г. Вертю, у деревни Вилье, 31 Августа. Провидѣнiе, столь ясно ознаменовавшее себя во всѣхъ происшествiяхъ нынѣшней войны, хотѣло, кажется, наложить печать чудеснаго и на нѣкоторыя мѣста сихъ знаменитыхъ событiй. Новѣйшiя происшествiя представляютъ тому разительныя свидѣтельства. Близъ *прекраснаго Союза* (la belle Alliance) соединились силы двухъ Державъ, подали другъ другу руки два Героя (Веллингтонъ и Блюхеръ), чтобы сокрушить у гидры властолюбiя послѣднюю главу ея. На равнинахъ *Добродѣтели* (Vertus) могущество Россiи праздновало торжество свое предъ взорами цѣлой Европы. На горѣ *Любимой* (Mont-Aimé) Любимецъ Небесъ угощалъ Своихъ Союзниковъ зрѣлищемъ сего могущества. И гдѣ же, какъ не на

* Онъ писалъ о Стратегiи.

поляхъ сихъ, приличнѣе Кротости и Благости въ вѣнцѣ собирать дань удивленія и уваженія съ сильнѣйшихъ владыкъ земныхъ?

Никогда Шампанія не представляла зрѣлища, какого въ нынѣшніе дни она свидѣтельницею. 24 нынѣшняго мѣсяца 165 тысячь Русскихъ воиновъ расположили въ ней свой станъ. На ровномъ, какъ полъ, пространствѣ нѣсколькихъ верстъ бѣлѣются шатры. ихъ въ нѣсколькихъ рядахъ, блестятъ оружія и дымятся костры безчисленные. Веселіе и довольство царствуютъ въ семъ станѣ.

Послѣ трехдневнаго отдыха войска начали готовиться къ смотру. 26 числа назначенъ былъ опытъ смотра сего. Ожидали къ нему одного Фельдмаршала Барклая де Толли; но когда полки и артиллерія построились въ каре, Государь Императоръ нечаянно обрадовалъ ихъ Своимъ присутствіемъ. Его Величество встрѣченъ и сопровождаемъ былъ радостнымъ ура! симъ вѣрнымъ отголоскомъ побѣдъ и любви Русскихъ воиновъ къ Царю своему. Движеніями войскъ Государь былъ очень доволенъ: — прекрасный опытъ ручался за прекраснѣйшее исполненіе въ глазахъ знаменитыхъ зрителей.

Поля Вертю, какъ будто, нарочно образованы Природою для смотра многочисленной арміи. Растилаясь съ одной стороны на нѣ-

сколько верстъ гладкою равниною, на которой не мелькаетъ ни одного куста, ни одного скромнаго ручейка, представляютъ онѣ съ другой стороны остроконечный холмъ, съ котораго взоръ можетъ въ одинъ мигъ обозрѣть все обширное пространство ихъ.

29 происходилъ самый смотръ. Первые Монархи міра (вмѣсто нѣкоторыхъ изъ нихъ представители ихъ), первые Полководцы нашего вѣка прибыли на поля Шампаніи, быть зрителями и вмѣстѣ цѣнителями могущества Россіи. Они увидѣли въ день сей, на какой степени должна стать между Государствами сія Царица Сѣвера, чего могутъ страшиться отъ силъ ея и надѣяться отъ извѣстной правоты ея и миролюбія; они увидѣли, что ни многолѣтнія войны, ни чрезвычайныя средства, употребленныя Россіею для сокрушенія колосса, возвысившагося на могуществѣ нѣсколькихъ Державъ, не могли истощить силы ея; они узрѣли нынѣ оныя въ новомъ блескѣ и величіи — и принесли ей на вѣсы Политики дань изумленія и уваженія.

Въ 6 часовъ утра 163 тысячи Русскаго войска прибыли на равнины Вертю и стали въ нѣсколькихъ линіяхъ въ боевомъ порядкѣ. Монархи и сопровождавшіе Ихъ Полководцы различныхъ Державъ прибыли вскорѣ на гору Монтъ-Эме. Въ рядахъ все было слухъ, ти-

шина и неподвижность; все было одно тѣло, одна душа! Казалось въ сіи минуты, что войска были сплочены въ неподвижныя стѣны. Начальникъ и рядовой ожидали удара вѣстовой пушки (по которой должны были исполняться всѣ маневры). Задымился холмъ; перунъ грянулъ — и все пришло въ движеніе. Музыка, барабаны и трубы загремѣли во всѣхъ линіяхъ, развѣвавшіяся знамена преклонены долу, и тысячи рукъ однимъ мановеніемъ отдали честь Государямъ. Вскорѣ все войско претворилось снова въ тишину и неподвижность. По вѣстовой перунъ вновь раздался — и все восколебалось. Линіи начали дѣлиться; отрывки ихъ потекли по разнымъ направленіямъ; пѣхота и тяжелыя орудія ея шли скорымъ шагомъ; конница и летучая ея артиллерія неслись, казалось, на крыльяхъ вѣтра. Въ нѣсколько минутъ, съ разныхъ пунктовъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, войска прибыли всѣ вмѣстѣ на мѣста назначенія своего, и образовали вдругъ неподвижный, пространный каре, коего передній, правый и лѣвый фасы составляла вся пѣхота, а задній вся кавалерія (нѣсколько отдѣльно отъ пѣхоты). Въ сіе время Государи съѣхали съ горы, и при громогласномъ *ура!* объѣхали весь каре. Потомъ стали они на мѣстѣ, удобномъ для обозрѣнія полковъ, готовящихся къ церемоні-

альному маршу. Войска, построившись въ густыя колонны, составляя оныя изъ двухъ баталіоновъ рядомъ, имѣя за каждою бригадою свою артиллерію — вся пѣхота прежде, а потомъ вся конница—прошли такимъ образомъ мимо Государей. Порядокъ и блескъ шествія сего многочисленнаго войска изумили иностранцевъ тѣмъ болѣе, что въ числѣ онаго не была и Гвардія, сія лучшая, самая блестящая часть Русской арміи. Наши Гренадеры имѣли счастіе замѣнить въ этотъ день Царскихъ тѣлохранителей, и совершенно оправдали общія надежды. Австрійскій Императоръ проѣхалъ мимо Государя впереди Гренадерскаго полку своего имени (бывшаго Кегсгольмскаго), а Прусскій Король велъ Гренадерскій полкъ, имѣющій честь носить его имя (что прежде былъ С. Петербургскій). Великіе Князья: Николай Павловичь начальствовалъ одною бригадою въ 3 Грен. дивизіи; Михаилъ Павловичь командовалъ пятью ротами конной артиллеріи. Церемоніальный маршъ продолжался нѣсколько часовъ. По окончаніи онаго, войска составили колонны—каждая дивизія и кавалерійскій полкъ особую, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стояли правыми флангами своими въ боевомъ порядкѣ; — а Государи отправились снова на гору Монъ-Эме. Потомъ армія построилась на лѣво. Смотръ кончился бѣглымъ огнемъ изъ 160 тысячь

ружей и 600 орудій. Можно вообразить объ ужасномъ громѣ, ими произведенномъ. Казалось, земля раздираема была на части и вся окрестность стонала.

Фельдмаршалы Веллингтонъ, Шварценбергъ, Вреде и Блюхеръ, со многими другими знаменитыми Полководцами различныхъ Державъ, присутствовали при семъ смотрѣ. Между ними было и нѣсколько Французскихъ Генераловъ, въ числѣ которыхъ замѣтилъ я Барона Дамаса, бывшаго Начальника Астраханскаго Гренадерскаго полка. Среди сыновъ Марсовыхъ любопытно было видѣть и любимицъ Грацій, прибывшихъ изъ туманнаго Альбіона на равнины Шампаніи любоваться военнымъ зрѣлищемъ.

Не льзя не упомянуть здѣсь о прекрасной чертѣ скромности Великаго Князя Николая Павловича. Пріѣхавъ на канунѣ смотра въ нашъ лагерь для выбора себѣ бригады, Онъ не хотѣлъ принять отъ Корпуснаго Начальника, Генерала Ермолова почести, должныя Брату Россійскаго Императора, и на всѣ изъявленія оныхъ повторялъ нѣсколько разъ: »я только бригадный Командиръ, и помню мои обязанности.« Его Высочество явился подъ начальство Генерала, какъ слѣдуетъ подчиненному, и до тѣхъ поръ не хотѣлъ накрыться шляпою, пока этотъ самъ не надѣлъ ее.

День Тезоименитства возлюбленнаго Государя, былъ ознаменованъ новымъ блестящимъ парадомъ. Шесть каре были расположены въ долинѣ * близь Вертю, седьмой на отлогости горы. Первые составляли пѣхота, артиллеристы и спѣшенная конница; послѣдній наши двѣ гренадерскія дивизіи съ ихъ артиллеристами. Среди каждаго изъ каре находилась церковная палатка, въ коей отправляемо было Богослуженіе. Монархи и Полководцы различныхъ Державъ присутствовали при оиомъ въ нашемъ каре. Великолѣпное сіяніе утренняго солнца, придававшаго сему необыкновенному зрѣлищу новыя красоты; блестящій сонмъ Героевъ; стройность и величество священнослуженія; благоговѣніе первыхъ Государей міра, повергающихъ свое величіе передъ алтаремъ Царя Царей; все наполняло душу сладкимъ, неизъяснимымъ восторгомъ; все горѣ возносило ее!..

Нынѣ Государь Императоръ пріѣзжалъ въ нашъ лагерь *прощаться* съ Гренадерами. Его Величество благодарилъ Начальниковъ, Офицеровъ и солдатъ за усердіе въ поддержаніи ихъ славы передъ взорами знаменитыхъ зрителей и добраго имени въ земляхъ чуж-

* Только не въ той, въ которой происходилъ смотръ войскамъ.

дыхъ — благодарилъ небольшою рѣчью, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя, говоря душѣ каждаго, возвышали се. Нынѣшній день Гренадеры наши возрасли еще болѣе благородною гордостью.

Завтра шатры исчезнутъ на равнинахъ Вертю; простимся съ полями Шампаніи — и сопровождаемые уваженіемъ народовъ, направимъ путь свой къ роднымъ хижинамъ, которыхъ

. . . . *и дымъ намъ кажется пріятенъ!*

Веймаръ, 12 Октября. Не любопытство видѣть Аѳины Германіи, отечество Виланда, Гёте и другихъ знаменитыхъ писателей; но желаніе принесть дань преданности Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, влекло насъ въ Веймаръ. Генералъ Полуектовъ, пользуясь днемъ отдыха, назначеннымъ его Карабинерной бригадѣ, отправился со мною 10-го изъ Эрфурта. Того же дня вечеромъ пріѣхали мы сюда и пристали въ гостинницѣ подъ вывѣскою Наслѣднаго Принца (Hotel du Prince Héréditaire). Рядомъ съ нами остановился Русской Леонидъ, Графъ Остерманъ Толстой. Съ нимъ была и супруга его.

11 по утру отправились мы пѣшкомъ во дворецъ. На пути къ нему перегнала насъ

четвероместная дорожная карета:—въ ней сидѣла Великая Княгиня Екатерина Павловна, заѣхавшая сюда мимоѣздомъ для свиданія съ Сестрою. Свита Ея состояла изъ одной Штатсъ-Дамы и Гофмаршала Ея Князя Гагарина. Въ пріемной комнатѣ Великая Княгиня Марія Павловна не заставила насъ долго ожидать Себя. Какая Ангельская кротость на лицѣ Ея изображена! Какое милостивое обращеніе съ окружающими Ее! Особенно Русскимъ показываетъ Она отличное вниманіе, и какъ будто ищетъ для каждаго изъ нихъ содѣлать Дворъ Свой любезнымъ и пріятнымъ, какъ будто старается, благосклонностію Своею, окружить ихъ благами драгоцѣнной родины. Поговоривъ нѣсколько времени съ Генераломъ моимъ, Ея Высочество изволила подойти ко мнѣ и разспрашивала меня о службѣ моей, о прежнихъ Начальникахъ, о мѣстѣ моего рожденія. Слушая Ее, мнѣ казалось, что Небожительница удостоила со мною бесѣдовать. Въ сіе время вошла и Великая Княгиня Екатерина Павловна. Въ простотѣ дорожной одежды казалась Она еще прекраснѣе. Обративъ нѣсколько словъ къ Генераламъ, Ея Высочество не забыла бросить милостивый взоръ и на Рускаго Офицера: Сама первая поклонилась ему, и сказала нѣсколько лестныхъ словъ. Подобный мнѣ бѣдный, неизвѣстный воинъ готовъ

бы сквозь мечи пробраться, чтобы достигнуть до такой чести; а меня судьба такъ легко награждала ею!.. Какъ не благодарить мнѣ судьбу сію!

Здѣсь оживился въ моемъ сердцѣ 1813 годъ, когда брань кипѣла и, въ ярости своей, повергала тысячи жертвъ на одры болѣзни и смерти. Тогда, въ образѣ Великихъ Княгинь, Любовь и Надежда посѣщали обители скорби и страданій, утѣшали словами печальныхъ воиновъ, помогали бѣднымъ, облегчали для нихъ тяжкій переходъ изъ сей жизни въ другую, и Ангельскою улыбкою умилостивляли самую смерть. Кто изъ раненыхъ воиновъ, въ Теплицѣ лѣчившихся, не видалъ Ихъ у одра своего, не имѣетъ похвалиться какою-либо нѣжною о нихъ заботою Великихъ Княгинь? Кто изъ защитниковъ отечества и правъ народныхъ не испыталъ на себѣ благодѣяній Ихъ Высочествъ, и не чтитъ Ихъ въ душѣ своей Ангелами-Хранителями человѣчества? Закипѣла новая брань — и оживленные сими благодѣяніями воины потекли на смерть или къ побѣдѣ съ именами Маріи и Екатерины!

По случаю ранняго отъѣзда Великой Княгини Екатерины Павловны, вмѣсто обѣденнаго стола, при Дворѣ назначенъ былъ завтракъ, къ которому именемъ Ея Высочества Наслѣдной Принцессы пригласили Генерала

Полуектова и меня. Екатерина Павловна была чрезвычайно весела до завтрака и за нимъ; Сама взяла руку старой Герцогини и повела ее къ столу; отвѣчала иногда Нѣмцамъ по Русски и Ангельскою живостію Своею одушевляла весь Дворъ. За столомъ имѣлъ я счастіе сидѣть очень близко, напротивъ Великихъ Княгинь—счастіе, которое равняло меня въ душѣ моей съ первыми богачами и счастливцами свѣта. Какъ скоро Екатерина Павловна стала готовиться къ отъѣзду, веселіе спорхнуло съ лица ея и дало мѣсто кроткому унынію. Прощаніе Вѣнценосныхъ Сестръ было трогательно: Одна отпускала Друга въ милое, драгоцѣнное Отечество, которому нѣтъ нигдѣ замѣны; другая разставалась съ нѣжною Сестрою, оставляя ее хотя среди новаго семейства Ея, но все на землѣ чуждой, не у сердца Матери, не въ кругу нѣжныхъ Братьевъ. Великія Княгини, проливая слезы, обняли другъ дружку въ послѣдній разъ у дверей кареты; горестное прости было сказано — — и стукъ экипажа исчезъ на пространствѣ дворцовой площади. Казалось, у всѣхъ зрителей сего трогательнаго прощанія навернулись на глазахъ слезы.

Вечеромъ были мы приглашены отъ Наслѣдной Принцессы въ театръ и къ ужину. Нося въ сердцѣ своемъ новое сильнѣйшее чув-

ство преданности къ Царскому Дому, столько богатому милостію и любовію къ вѣрноподданнымъ Своимъ; не жалѣя, что не успѣли видѣть Веймарскихъ ученыхъ, сей часъ отправляемся мы отсюда къ Кюзень....

КОНЕЦЪ.

Писатель мудрый свое
чувство изливалъ,
И любовь къ отечеству питалъ
Жизнь свою охотно посвящ

